

Эрвин Гоффман

Поведение в публичных местах

Заметки о социальной
организации сборищ

Перевод с английского
Андрея Корбута

Научный редактор
Михаил Соколов



ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ
ФОРМЫ

Москва · 2017

УДК 316.014
ББК 60.54
Г746

Перевод сделан по изданию:

Erving Goffman
Behavior in Public Places: Notes on the
Social Organization of Gatherings
Glencoe: Free Press
1963

Гоффман, Э.

Поведение в публичных местах : заметки
о социальной организации сборищ / Эр-
вин Гоффман ; пер. с англ. А. М. Корбута ;
под ред. М. М. Соколова. — Москва :
Элементарные формы, 2017. — 382 с.

ISBN 978-5-9500244-0-5

© Free Press, a Division of Simon and
Schuster, Inc., 1963

© Издательство «Элементарные формы»,
издание, оформление, 2017

© А. М. Корбут, перевод на русский язык,
примечания, 2017

© М. М. Соколов, предисловие, 2017

Оглавление

Предисловие. Михаил Соколов	9
Благодарности	55
I ВВЕДЕНИЕ	
1 Проблема	59
2 Вводные определения	71
II НЕСФОКУСИРОВАННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ	
3 Вовлеченность	95
1. <i>Телесная идиома</i>	95
2. <i>Вовлеченность</i>	98
3. <i>Экраны вовлеченности</i>	101
4 Некоторые правила, касающиеся распределения вовлеченности	107
1. <i>Управление подчиненными вовлеченностями</i>	109
2. <i>Обязанности, связанные с главными вовлеченностями</i>	115
3. <i>Резервы невовлеченности</i>	126
5 Некоторые правила, касающиеся объектов вовлеченности	133
1. <i>Автововлеченности</i>	133
2. <i>Отрешенность</i>	139
3. <i>Оккультные вовлеченности</i>	146

III СФОКУСИРОВАННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

6	Взаимные включения	155
1.	<i>Вежливое невнимание</i>	155
2.	<i>Структура взаимных включений</i>	161
3.	<i>Доступность</i>	181
4.	<i>Права, связанные с уходом</i>	188
7	Знакомство	191
8	Включения между незнакомыми людьми	205
1.	<i>Открытые позиции</i>	206
2.	<i>Открывающие позиции</i>	210
3.	<i>Обоюдная открытость</i>	213
4.	<i>Уклонения и нарушения</i>	223
5.	<i>Контрконтроль</i>	230

IV ДОСТУПНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ

9	Границы коммуникации	237
1.	<i>Конвенциональная замкнутость ситуаций</i>	237
2.	<i>Доступные включения</i>	240
3.	<i>Конвенциональная замкнутость включений</i>	242
10	Регулирование взаимной вовлеченности	255
1.	<i>Ограничения</i>	255
2.	<i>Взаимная вовлеченность, диктуемая событием</i>	259
3.	<i>Дрейф</i>	264
4.	<i>Экранирование</i>	267
11	Неконтролируемое участие	271
1.	<i>Отвлечение внимания</i>	271
2.	<i>Пограничный сговор</i>	273
3.	<i>Сцены</i>	278
4.	<i>Дезертирство</i>	281

V ИНТЕРПРЕТАЦИИ

12	Структура и функция ситуационных приличий	287
13	Строгость и раскрепощенность	293
14	Симптоматическое значение нарушений ситуационных приличий	315
	1. <i>Сообщество</i>	320
	2. <i>Общественные учреждения</i>	323
	3. <i>Социальные отношения</i>	328
	4. <i>Включения</i>	332
15	Заключение	347
	От переводчика. <i>Андрей Корбут</i>	355
	Примечания переводчика.	363
	Именной указатель	375

Михаил Соколов

Предисловие

Никто не знает толком, зачем в научных книгах нужны предисловия. Вернее, хорошо понятно, почему кто-то берется их писать — тут есть обширный список очевидных мотивов, от сравнительно невинного желания оказаться под одной обложкой с классиком, раз уж не получилось оказаться вместо него, до значительно менее невинного желания вложить в уста автора свои собственные мысли под видом того, что на самом деле всю жизнь тот хотел, но так и не смог толком выразить. Гораздо менее очевидно, почему кому-то может понадобиться предисловия читать. Это конкретное предисловие пригодится тому, кто хотел бы увидеть «Поведение в публичных местах» (ППМ) на фоне прочих гоффмановских работ; для всех остальных оно заведомо бесполезно.

ППМ занимает среди книг Гоффмана особое место. Опять же, традиция требует, чтобы автор предисловия начал с заявления, которое выглядит запоздалой (книга уже куплена, украдена или взята в библиотеке) рекламой. И если книга не самая известная — а ППМ не самая известная среди гоффмановских книг, — то остается утверждать, что она «особая»¹. И тем не менее в случае с ППМ

¹ Гоффман написал 11 книг (если считать «Гендерную рекламу», впервые опубликованную в качестве сверхразросшейся журнальной статьи, самостоятельной книгой) и примерно десяток статей, не вошедших в книги, включая три книжные рецензии (полную библиографию можно найти в: *Gadi Algazi*. Erving Goffman: A Bibliography // <http://www.tau.ac.il/~algazi/mat/bib-goffman.htm>). Примерно наполовину его книги состоят из ранее вышедших статей — некоторые в большей, некоторые в меньшей степени. Согласно Google Scholar, на 12 часов дня 25 марта 2017 года англо-

под подобное ритуальное заявление можно подвести как минимум два основания. К одному из них мы подойдем в самом конце предисловия. Другое таково: если мы попробуем нарисовать карту миграции понятий и идей между гоффмановскими работами, то именно ППМ займет на ней центральное место. Оно будет звеном, соединяющим самые ранние и самые поздние из написанных им текстов. ППМ является прямым продолжением его первой крупной работы — диссертации «Коммуникативное поведение в островном сообществе», защищенной в 1953 году², и при этом непосредственно связано с последней — так и не произнесенным президентским посланием ежегодному собранию Американской социологической ассоциации в 1982 году. Задачей этого предисловия будет как раз нарисовать подобную карту идейных миграций, поместив ППМ в общий контекст гоффмановского наследия и проследив некоторые связи с тем, что было написано им до и после. Во многих отношениях отдельные тексты Гоффмана (во всяком случае, опубликованные до 1972 года включительно) можно считать частями одной большой книги. Моя цель — понять, какое место в ней занимает данная глава.

Гоффман оставил обширное поле деятельности для тех, кто хотел бы представить его как систематического социального мыслителя, прежде всего потому, что сам не пытался изобразить себя таковым. Всех социологов можно ранжировать по степени тщательности, с которой они работают над впечатлением, что их работы излагают целостную Теорию или даже Учение. Роль систематического

язычное издание «Представления себя другим в повседневной жизни» было процитировано 46 701 раз, «Стигма» — 27 631, «Фрейд-анализ» — 21 809, «Приюты» — 16 869, «Ритуал взаимодействия» — 13 450, «Формы речи» — 8370, «Поведение в публичных местах» — 6216, «Отношения на публике» — 5993, «Встречи» — 4305, «Гендерная реклама» — 3696, «Стратегическое взаимодействие» — 2109.

- 2 *Erving Goffman. Communication Conduct in an Island Community. PhD dissertation (University of Chicago, Department of Sociology, 1953).*

теоретика предполагает цитирование себя, использование единообразной терминологии и авторский голос, в котором слышатся интонации мэтра, вещающего с кафедры³. Пьер Бурдьё может служить самым красноречивым примером драматического воплощения этой роли. Он оставляет читателя в тайных сомнениях по поводу того, правда ли понятие символического капитала в его кабилских работах (объем кредита, созданного экономическими благодеяниями бигмена) и символический капитал в работах о поле искусства (власть легитимной номинации) имеют хоть что-то общее или мэтр просто притворяется последовательным, пользуясь тем, что никто не задаст ему этот вопрос, рискуя показаться слишком глупым. Гоффман в этом отношении является противоположностью Бурдьё. Он каждый раз придумывает заново всю терминологию и оставляет читателя гадать, различаются ли, например, Self, идентичность и характер или это трижды одно и то же. Он редко цитирует себя (впрочем, и своих коллег по цеху теоретической социологии, провоцируя бесконечные дискуссии о том, был он учеником Джорджа Герберта Мида или Эмиля Дюркгейма и Клода Леви-Стросса), а его термины берутся из естественного языка (сравните «встречи» или «вовлеченность» с «габитусом», «гомологией» или «эффектом гистерезиса»). Его речь перенасыщена тем, что на английском называется «hedging» — выражениями неуверенности⁴. Бурдьё намекает на тайное знание; Гоффман как будто не настаивает даже на том, что, как он хорошо знает, всякий хорошо знает.

Любому, кто все же возьмется упорядочивать и систематизировать наследие ускользающего автора, стоит прислушаться к тем намекам, которые он оставил. С Гоффма-

3 *Howard Becker. Writing for Social Scientists: How to Start and Finish Your Thesis, Book, or Article* (Chicago: University of Chicago Press, 1986).

4 Что становится источником тайной вины для переводчика и редактора, которым приходится убирать бесконечные «apparently» из перевода на язык, не поощряющий подобной авторской робости.

ном не слишком хорошо работает привычное разделение на «раннего» и «позднего». Хотя в развитии его идей происходит явный поворот в ранних 1970-х, ближайшее рассмотрение показывает, что «поздних» Гоффмана было (как минимум) два: фрейм-аналитический и социолингвистический, оба были многим обязаны «раннему», на протяжении всего последующего периода этот «ранний» продолжал появляться в периодических ремиссиях и именно за ним осталось последнее слово. Иной путь систематизации начинается с наблюдения, что стержнем гоффмановского творчества является развитие нескольких простых идей, которые, впервые появившись еще во время работы над диссертацией, будут возвращаться снова и снова; в каждом конкретном тексте та или другая выходят на первый план, но остальные присутствуют в качестве фона, рассеянные по сноскам, или вдруг возникают в отступлениях. В подводящем итоги его интеллектуальной биографии тексте, «Порядке взаимодействия», Гоффман характеризует то, что кажется ему целью теоретической работы в социологии, термином «различения» («conceptual distinctions»)⁵. И действительно, его тексты обычно организованы как серии бинарных оппозиций (что позволяет критикам усмотреть в нем продолжателя структурализма⁶). В этом тексте я попробую проследить судьбу нескольких пар таких оппозиций, которые особенно явно выходят на первый план в серии текстов, опубликованных между 1951-м и 1969-м, но затем возвращаются в «Порядке взаимодействия» и зримо присутствуют в гендерных работах, «Фрейм-анализе» и текстах по социолингвистике.

5 *Erving Goffman*. The Interaction Order // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48. № 1. P. 17. Более подробно см. в: *Jeff C. Verhoeven*. An Interview with Erving Goffman (1980) // *Research on Language and Social Interaction*. 1993. Vol. 26. № 3. P. 317–348.

6 *Norman K. Denzin*, *Charles M. Keller*. Frame Analysis Reconsidered // *Contemporary Sociology*. 1981. Vol. 10. № 1. P. 52–60.

Есть почти непреодолимый соблазн видеть за книгами человека, и обширная гоффманиана содержит какое-то количество упражнений в расшифровывании в текстах скрытых личных посланий автора⁷. Соблазн особенно велик в случае с Гоффманом, который вслед за Дюркгеймом и Зиммелем превращает эмоции, воспринимаемые каждым из нас как свои сугубо частные, личные и непрогнозируемые для других переживания, в наиболее фундаментальный и универсальный элемент социальной организации (характерны названия его текстов — «Смущение и социальная организация» или «Удовольствие от игр»). Это дает автору предисловия более-менее убедительное оправдание тому, чтобы поддаться искушению пойти по легкому пути и построить изложение идей в биографический нарратив, связав эволюцию идей с событиями в жизни человека и добавив колоритных биографических деталей. Читатель — в особенности читатель Гоффмана — должен понимать условность такого упражнения; это, разумеется, лишь повествовательный прием.

Начало

Комплекс переживаний, объединяющих гоффмановские тексты чикагско-берклийского периода, лучше всего обрисовывает короткая записка, датированная маем 1952 года⁸, которая должна была представить план его будущей диссертации членам диссертационного комитета⁹.

7 Образцовый во всех смыслах пример: *Dmitri Shalin. Goffman's Biography and the Interaction Order: A Study in Pragmatist Hermeneutics. Paper presented at the Annual Meeting of the American Sociological Association, Boston, August 1, 2008* // <http://cdclv.unlv.edu/ega/bios.html>.

8 *Erving Goffman. Draft of PhD Thesis Statement (1952)* // http://cdclv.unlv.edu/ega/documents/eg_thesis_statement_52.pdf

9 В Соединенных Штатах степень PhD присваивает диссертационный комитет, собираемый для конкретной защиты и состоящий из трех-пяти человек (на протяжении второй половины XX века их число постепенно росло). У Гоффмана их было трое — У. Ллойд

Записка была написана, чтобы узаконить направление, которое приняла полевая работа на Ансте — самом северном из Шетландских островов. Гоффман начинал свое диссертационное исследование как исследователь социальной стратификации. Его первая статья была посвящена символам классового статуса¹⁰, во второй — «On Cooling the Mark Out»¹¹ — анализировались, в том числе, неудачи в восходящей мобильности. Интерес к стратификации закономерно привел Гоффмана под знамена У. Ллойда Уорнера, который отвечал за эту тему в Чикаго и, перемещаясь между Чикаго и Гарвардом, командовал целым фронтом «исследований локальных сообществ». Начав с исследования Ньюберипорта в Новой Англии (ставшего благодаря ему знаменитым среди социологов под псевдонимом «Янки-Сити»)¹², Уорнер расширил свою империю на американский Средний Запад и Юг, а затем, опираясь на дружественных антропологов в Эдинбурге, и на Британские острова. В конце 1949 года Гоффман был отправлен изучать локальное сообщество обитателей маленького острова, расположенного посреди Гольфстрима примерно на широте Петербурга.

Приходящие от него отчеты, однако, заставляли Уорнера беспокоиться за судьбу предприятия. Когда Гоффман вернулся в Чикаго в конце 1951 года, после короткого пребывания в Париже, и должен был представить проект диссертационного исследования, его ждал холодный прием. Гоффман пробовал найти какой-то компромисс между

Уорнер, Эверетт Хьюз и Герберт Блумер; однако в момент защиты отбывшего Блумера заменил Ансельм Стросс (см.: *Yves Winkin. Erving Goffman: What Is a Life? The Uneasy Making of Intellectual Biography // Greg Smith [ed.]. Goffman and Social Organization: Studies in Sociological Legacy [London: Routledge, 1999], pp. 19–41*).

10 *Erving Goffman. Symbols of Class Status // British Journal of Sociology. 1951. Vol. 2. № 4. P. 294–304.*

11 *Erving Goffman. On Cooling the Mark Out: Some Aspects of Adaptation to Failure // Psychiatry. 1952. Vol. 15. № 4. P. 451–463.*

12 *W. Lloyd Warner. Yankee-City (New Haven: Yale University Press, 1963).*

направлением движения собственной мысли и интересами научного руководителя, спрашивавшего, на что были потрачены добытые тем деньги. Основной вопрос исследования, сформулированный в поданном в мае 1952 года проекте диссертации, который, как надеялся Гоффман, заставит Уорнера сменить гнев на милость, звучал так: «Каковы моральные правила и стратегические практики выражения личных и социальных характеристик, которые диктуются фактом непосредственного нахождения в присутствии других в небольшом сообществе?»

То, что он сам обозначал как «две основные идеи», выглядело следующим образом. Во-первых, «всякое событие, которое ассоциируется с индивидом, интерпретируется как выражение его личных характеристик». На основании того, что люди видят, они делают далеко идущие выводы о свойствах действующего лица¹³ или, во всяком случае, действующий допускает, что они могут сделать эти выводы, а они знают, что он допускает. В большинстве ситуаций большинство индивидов живо заинтересовано в исходе этого процесса, причем — и это вторая основная идея — наибольшего драматизма соответствующие переживания достигают в ситуации физического сопresутствия. Находясь в присутствии других, собирающих свои впечатления в реальном времени, индивид 1) может воспользоваться возможностями обратной связи для коррекции неудачных впечатлений, но 2) вынужден нести повышенную ответственность за свое поведение, не располагая возможностью отрицать события, свидетелями которых стали окружающие. Он 3) в некоторых пределах

13 Через двадцать лет ложность этого предположения станет отправной точкой для изучения фундаментальной ошибки атрибуции в социальной психологии (см.: *Lee Ross. The Intuitive Psychologist and His Shortcomings: Distortions in the Attribution Process // Advances in Experimental Social Psychology. 1977. Vol. 10. P. 173–198; Bertram Gawronsky. Theory-Based Biased Correction in Dispositional Inference: The Fundamental Attribution Error Is Dead, Long Live the Correspondence Bias // European Journal of Social Psychology. 2004. Vol. 15. № 1. P. 183–217*).

может манипулировать исходящей от него информацией, но 4) знает, что множественность доступных аудитории источников сведений позволяет подвергнуть поступившие сообщения проверке и вывести его на чистую воду.

Сложно представить себе более прямолинейную попытку превратить переживания индивида, обнаружившего себя чужаком в маленьком, изолированном от внешнего мира и настроенном подозрительно к этому миру сообществе, и чувствующего, как это сообщество его пристально разглядывает, в диссертационный проект по социальной стратификации. Все, что мы знаем о Гоффмане, подсказывает, что он вовсе не являлся тем человеком, который, будучи десантированным в подобную обстановку, способен был бы через три дня стать своим для всех и каждого. Он, судя по всему, и не стал¹⁴. Вряд ли Анст был первой ситуацией, когда Гоффман задумался о травматичности сосуществования с другими (за плечами у него был опыт подростка из еврейской мигрантской семьи, так и не доросшего до 5 футов 4 дюймов, в сельской Канаде), но Анст определенно был подходящим местом, чтобы распробовать эти переживания в их кристальной чистоте. Никогда, возможно, научный руководитель не получал запоздалый призыв «заберите меня отсюда обратно» столь прямолинейно обернутым в обложку диссертационного проекта.

Судя по всему, Уорнер был не слишком впечатлен усилиями Гоффмана. Компромисс не удался, и, признавая это, Гоффман выкинул то, что было связано с классовыми и иными социально значимыми атрибутами и более всего интересовало Уорнера, из финального текста вовсе, репозиционировав свою работу как «социологическое исследование разговора» в парсонсианском русле. Результатом была драматичная защита, которая, впрочем, кончилась в пользу Гоффмана¹⁵. Тем не менее эта новая стилизация

14 *Yves Winkin*. Baltasound as the Symbolic Capital of Social Interaction // *Gary Alan Fine, Greg Smith* (eds.). *Erving Goffman*. Vol. 1 (London: SAGE, 2000). P. 193–212.

15 *Winkin*. *Erving Goffman*.

также была компромиссом между поиском respectable-ной (хотя и чуть скандальной по чикагским меркам) теоретической рамки¹⁶ и более всего интересовавшей тогда Гоффмана темой переживаний человека, выставленного напоказ. Освободившись от необходимости отчитываться перед Уорнером, Гоффман забудет на время о разговорах (он вернется к ним в последнее десятилетие своей карьеры) и займется темой идентичности.

Выдаваемое и передаваемое

Первая оппозиция, которая придет Гоффману на помощь в конвертации травматичного личного опыта в исследовательскую карьеру, была сформулирована задолго до того, как он оказался на Ансте. Гоффман начинает (еще в эссе, написанном по курсу Луиса Вирта в 1948 году, которое в 1951-м станет «Символами классового статуса») с констатации того факта, что исходящая от индивида информация располагается где-то между двух полюсов — между той информацией, которую он полностью контролирует, и той, которая истекает сама собой, часто вопреки его воле. Содержание слов вежливого приветствия по отношению к человеку, которого мы не рады видеть, находится под нашим сознательным контролем в куда большей степени, чем то, что могут выдать наши мимика, интонации или язык тела.

Мы можем задаться тут вопросом: если информация контролируется, то как и зачем это делается? Очевидный ответ состоит в том, что контроль информации обеспечивает нужные впечатления аудитории. Однако возникает

16 По сути, Парсонс фигурирует в диссертации Гоффмана как главный теоретический авторитет. Характерно, что ссылки на Мида в ней отсутствуют вовсе, а Блумер упомянут лишь однажды. Понятно, что защищать такую диссертацию в Чикаго в 1953 году, когда ресентимент по поводу потери безусловного первенства перед лицом поднимающихся Гарварда и Колумбии еще не был преодолен, было смело.

дальнейший вопрос: почему впечатления аудитории обладают для индивидов ценностью? Один ответ сугубо инструментален. Поскольку обращение других с нами основано на том, что они знают, управление доступной им информацией есть способ добиться от них желательного поведения. Скажем, благоприятная информация о нашем положении в обществе гарантирует готовность оказывать нам услуги, прислушиваться к нашему мнению и так далее, вплоть до матримониальной заинтересованности. Индивид поэтому имеет мотивы преувеличивать свою значимость, а те, кто получает от него сигналы, — основания сомневаться в том, что сообщенную им информацию можно и нужно принимать за чистую монету.

Это основная сюжетная линия «Символов», в которую Гоффман искусно вписывает тему циклов моды Зиммеля (главный теоретический авторитет в Чикаго того времени) и скрытого противостояния представителей высшего класса и «курирующей группы» специалистов по символам, которые парадоксальным образом оказываются более искусными во владении ими, чем те, для кого они эти символы производят. (Здесь Гоффман интересным образом предвосхищает тему противостояний «фракций высшего класса» у Бурдьё; «Символы классового статуса» были едва ли не единственной написанной нашим героем статьей, оказавшей на Бурдьё значительное влияние; именно из нее взялось знаменитое «чувство собственного места».) В «Символах классового статуса» Гоффман не идет дальше констатации того, что аудитория имеет основания опираться на выдаваемую, не передаваемую информацию — сигналы, которые, вероятно, не находятся под контролем индивида. Два десятилетиями позже в «Стратегическом взаимодействии»¹⁷, проведя некоторое время в Гарварде и познакомившись с Томасом Шеллингом, одной из центральных фигур в теории игр,

17 *Erving Goffman. Strategic Interaction // Erving Goffman. Strategic Interaction (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1969).* P. 78–160.

Гоффман сделает несколько новых шагов в этом направлении¹⁸. Он поставит вопрос о том, что происходит, когда в этом взаимодействии нарастает то, что сегодня называли бы «depth of reasoning»¹⁹ — индивид знает, что другие знают, что некоторым сигналам надо доверять больше, чем другим (и поэтому прилагает особое старание к тому, чтобы подделать именно их), а те знают, что он знает, и т. д.

Однако, хотя шпионы или мошенники, управляющие впечатлениями окружающих в сугубо утилитарных целях, будут играть в работах Гоффмана важную роль, про большую часть управления впечатлениями нельзя сказать, что она предназначена для чего-то, выходящего за пределы наличной ситуации. Люди ценят впечатления окружающих ради самих этих впечатлений. Более того, хотя подозрения, что индивиды стремятся представить себя иначе и чуть лучше, чем они есть на самом деле, повсеместны, в статистическом большинстве случаев обман получает поддержку со стороны обманутых. На самом деле, в общем и целом люди гораздо больше рискуют, когда они *не* представляют себя лучше, чем они есть на самом деле, нежели когда они притворяются. Те идеальные проекции нас, которые мы транслируем во внешний мир, всегда рады видеть родных, друзей и даже коллег, испытывают неизменный энтузиазм по поводу чужих успехов, не выделяют пота и не знакомы с метеоризмом. Представьте себе последствия одного дня честного признания того, что это не так. То, что мы диагностируем как психическое заболевание, есть во многом следствие пренебрежения заботой о поддержании необоснованно благоприятного

18 Судя по ссылкам, Гоффман был одним из первых социологов, серьезно обративших внимание на работу фон Неймана и Моргенштерна, причем если изначально интерес дисциплины был обращен на кооперативную теорию игр, Гоффман интересовался антагонистическими играми с неполной информацией.

19 *Rosemarie Nagel*. Unraveling in Guessing Games: An Experimental Study // *American Economic Review*. 1995. Vol. 85. № 5. P. 1313–1326; *Colin F. Camerer*. Behavioral Game Theory: Experiments in Strategic Interaction (Princeton: Princeton University Press, 2003). P. 199–264.

образа себя и отказа в содействии окружающим в поддержании такого же образа их самих. Это станет центральной темой «Приютов», нескольких глав ППМ и статей середины 1950-х годов, вошедших в «Ритуал взаимодействия»²⁰ («Природа почтения и достоинства», «Психические симптомы и публичный порядок»).

Self

Здесь появляется тема Self, которое фигурирует в разных работах также под именем «лица», «идентичности» или «характера». Гоффман, заметим попутно, имел какое-то странное чутье на слова, не поддающиеся переводу на русский. Self традиционно переводилось в социологической и психологической литературе как «Самость», заставляя вспоминать о Карле Густаве Юнге и Внутренней Богине, однако не имеет с ними ничего общего. В самом первом приближении Self — это публичный образ себя. Оппозиция между «публичным образом себя» и «собой» была второй центральной для Гоффмана. Между этими двумя сущностями, писал он, есть дистанция, которую ощущает сам индивид и которую осознают окружающие его люди. Именно благодаря этому в самых разных языках встречается идиома «уронить лицо». Используя метафору из «Ролевой дистанции»²¹, можно сказать, что индивид подобен холдинговой компании, вкладывающей средства в те или иные активы²²; здесь активами являются характеристики, атрибуты личности, на обладание которыми индивид предъявляет претензии.

Вторая опубликованная статья с привычно непере-
водимым на русский язык названием «On Cooling the

20 *Erving Goffman. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior* (New York: Pantheon Books, 1967).

21 *Erving Goffman. Role Distance // Erving Goffman. Encounters: Two Studies in the Sociology of Interaction* (Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1961). P. 85–170.

22 *Erving Goffman. Fun in Games // Goffman. Encounters*. P. 1–84.

Mark Out» описывает как раз небольшие катастрофы, которые происходят, когда претензии оказываются необоснованными. Термин «mark» взят из криминального жаргона и означает лоха, верящего, что он может «срубить быстрый доллар», и в итоге становящегося жертвой мошенников²³. Для Гоффмана лох — прототипический случай индивида, предъявляющего претензию на обладание атрибутами, наличие которых обстоятельства опровергают. Это опровержение и вызывает эмоциональный взрыв. Спектр подобных ситуаций гораздо шире, чем может показаться с первого взгляда. Все мы, от неудачливого претендента на руку и сердце до невезучего автора, получившего разгромную рецензию от анонимного рецензента, оказываемся в сходном положении. Частичное лекарство, предлагаемое нам нашим окружением, — утешительные слова о том, что со всеми бывает, в неудаче нет ничего исключительного, ошибка простибельна, не став тем, кем хочешь, можно занять место, которое лишь немногим хуже (как в случае, когда отвергнутому жениху предлагают вместо мужа стать лучшим другом), и, в любом случае, если устроить скандал и привлечь внимание, то только усугубишь свое положение²⁴.

23 Большинство мошеннических схем начинаются с идентификации жертвы, необоснованно верящей, что она сама может выступить немного мошенником — как в случае с бесхозным кошельком, «законный владелец» которого некстати появляется, когда лох и его предполагаемый поделщик только-только начали делить найденную в нем наличность.

24 В год, когда была опубликована статья, Гоффман сошелся с Анжеликой Чоат — отпрыском богатой старой новоанглийской семьи, давшей Америке, среди прочего, генерального судью США и названную в его честь умопомрачительно дорогую частную школу. Один из информантов Шалина заметил, что, по сравнению с Чоатами, Кеннеди — ирландские выскочки, только-только раздобывшие немного денег (Rodney Stark. Goffman Was Trying to Get Away with the Descriptions of Those Fairly Sane People as He Laid Out His Notion of Mental [2008] // http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/interactionism/goffman/stark_o8.html).

Здесь лох выступает сразу в двух качествах — как субъект, высказывающий претензии на обладание какими-то личностными свойствами, и как объект классификации, попавший в результате своих неосмотрительных действий в категорию обладателей иных и менее желательных свойств. Любое действие представляет собой ставку на то, что мир устроен определенным образом, а участники события обладают какими-то атрибутами. Пытаясь перескочить лужу, я даю понять, что полагаюсь на свои ноги и глазомер, а заговаривая с кем-то — что допускаю, что этот язык известен моему собеседнику и что он не считает себя настолько выше меня, чтобы счесть мое обращение оскорбительным. Любой поступок транслирует концепцию себя, а поступок, обращенный на другого человека, — еще и концепцию этого другого. Его успешное осуществление является свидетельством того, что исходный расчет был верен, а концепция — правильна. Напротив, его провал показывает, что имела место какая-то ошибка. Наконец, воздержание от его осуществления оставляет вопрос открытым.

Вообще говоря, только действуя, индивиды могут узнать, какими атрибутами они обладают. Действуя, индивид узнаёт что-то о себе, и многие поступки совершаются именно для того, чтобы увериться, что ты являешься носителем определенных желательных качеств. Последним крупным полевым исследованием Гоффмана станет работа в казино в Лас-Вегасе в 1964–1965 годах. Материалы этого проекта не находят отражения в текстах, но сами итоги появятся как основной вывод в «Там, где действуют»²⁵: люди являются в казино не затем, чтобы выиграть деньги (тем самым продемонстрировав удачу или умение считать шансы, в которые не очень-то верят), а затем, чтобы, проиграв, доказать самим себе, что они обладают «характером» — самоконтролем, готовностью признать свое по-

25 *Erving Goffman. Where the Action Is // Goffman. Interaction Ritual.* Р. 149–270.

ражение и переносить специально призванные на свою голову удары судьбы с улыбкой на лице. Современная жизнь устроена таким образом, что судьбоносных (fateful) событий, в которых можно продемонстрировать эти свойства, не так уж много, и дефицит приходится восполнять, режиссируя их искусственно²⁶. Именно этот запрос и удовлетворяет индустрия азартных игр. В Лас-Вегасе люди проигрывают деньги, но выигрывают характер.

Помимо образа себя, каким он существует в глазах того, кому этот образ принадлежит, есть также образ себя, каким он существует в глазах окружающих, и именно стремление манипулировать им ассоциируется у нас в первую очередь с «управлением впечатлениями» — вероятно, самым известным гоффмановским термином. Self, однако, не тождественно ни одному из этих частных образов. В первом приближении Self является совокупностью информации об индивиде, которая известна всем в данной ситуации, включая его самого, причем всем известно, что она всем известна, и всем известно, что всем известно, что она всем известна. Self сделано из той материи, которую Роберт Ауманн впоследствии назовет «общим знанием» (common knowledge).

Прототипическая потеря лица, которой посвящены несколько статей в «Ритуалах взаимодействия», — это не просто ситуация, в которой компрометирующая информация об Эго становится известной, но ситуация, в которой у Эго не остается сомнения, что компрометирующая информация стала известной и что все знают, что он и все прочие знают об этом. Именно от такого рода сбоев нас

26 В еще одной статье с труднопереводимым названием «Уложения (arrangement) между полами» (*Erving Goffman. The Arrangement Between the Sexes // Theory and Society. 1977. Vol. 4. № 3. P. 301–331*) описывается, как институционализируются сложнорежиссируемые ситуации, в которых различия в мышечной силе и выносливости между полами становятся наглядными и легко заметными. Это может быть, предполагает Гоффман, одной из причин популярности большого спорта.

прежде всего охраняет этикет. В «Природе почтения и достоинства»²⁷ в качестве примера «здоровой» тактичности приводится поведение пациенток психиатрической клиники, находящихся на пути к выздоровлению, которые принимают объяснение своей товарки, не желающей идти на праздник якобы из-за недомогания, хотя все знают (а она догадывается, что все знают), что у нее просто нет подходящего платья. До тех пор, однако, пока этот факт не был озвучен открыто, частная убежденность в том, что индивид обладает какими-то свойствами, пусть даже втайне разделяемая каждым, не становится общим знанием о нем.

Ритуалы взаимодействия предотвращают появление общего знания о том, что идентичности участников взаимодействия отклоняются от некоторого идеального состояния, в котором все, кто находится в присутствии друг друга, прекрасны, умны, успешны и неизменно рады видеть друг друга²⁸. Есть несколько способов добиться того, чтобы на Self индивида не пала тень. Прежде всего, он может действительно избежать приобретения нежелательных атрибутов или избавиться от тех, которые ему уже случилось иметь; кроме того, он может и должен заботиться о том, чтобы информация о тех атрибутах, от которых не удалось избавиться, не попала в поле зрения окружающих. В свою очередь, эти окружающие могут и должны

27 *Erving Goffman. The Nature of Deference and Demeanor // American Anthropologist. 1956. Vol. 58. № 3. P. 473–502.*

28 Строго говоря, это определение относится к «негативным ритуалам», наравне с которыми существуют «позитивные ритуалы» — действия, утверждающие соответствие идеальному состоянию (например, когда мы улыбаемся каждому встречному как приятному во всех отношениях человеку, которого мы не можем не быть рады видеть). Любой позитивный ритуал, направленный на другого, однако, можно переопределить как негативный, направленный на себя: улыбаясь случайному знакомому, я скрываю, что на самом деле я человек, для которого большинство встречных являются лишь источником раздражения.

отрицать, что нечто, порочащее индивида, попало в их поле зрения.

Интересно, что этикет значительно слабее регулирует поведение, позволяющее получить какую-то нежелательную информацию, чем публичное признание ее получения; в первом случае мы часто считаем, что речь идет о неизбежности, не находящейся под контролем индивида, однако последнее почти всегда под контролем и составляет предмет действия строгих правил. В качестве примера можно указать на фольклорные истории о жестокости самого Гоффмана, обсуждавшего «заик» или «калек» («gimps» — сленговое обозначение, применимое, в частности, к страдающим ДЦП) в присутствии групп студентов, включавших тех, кто, как он знал, имел все основания принять это на свой счет²⁹. Гоффман явно не был виноват в том, что не знал о недугах своих студентов (наоборот, соображения такта, по сути, требуют сканировать каждого встречного на предмет дефектов, к которым ни в коем случае не надо привлекать внимания), а они не могли не догадываться, что он знает. Однако от него ожидалось, что он не выдаст того, что знает. Разумеется, нам запрещают слушать сплетни и читать чужие письма, однако, несколько парадоксальным образом, чтобы соответствовать другим и более важным нормам, индивидам часто можно рекомендовать быть гибкими в отношении этих. Чтобы ненароком не заговорить в доме повешенного о веревке, надо внимательно следить за обновлениями списков повешенных.

Принципиально важной для Гоффмана будет мысль о том, что таким образом понятое Self не является единоличным созданием того, кому оно номинально принадлежит. То, что я думаю, что он думает, что я думаю, — в той же мере отражение меня, что и его. Self соткано из ключей, поступающих от всех участников взаимодействия. Self

29 Gary Marx. Role Models and Role Distance: A Remembrance of Erving Goffman // *Theory and Society*. 1984. Vol. 13. № 5. P. 649–662.

индивида — это всегда результат поступков окружающих людей, которые, если все идет гладко, ассистируют ему в его действиях, не пользуясь возможностями разузнать о нем порочащие сведения и особенно избегая признавать в его присутствии, что они этими сведениями располагают, если уж им случилось их получить. В свою очередь от индивида ожидается, что он будет ценить эту работу и облегчать ее осуществление. И действительно, тут есть, за что быть благодарным. Основной формой сигналов, позволяющей определить, какие свойства окружающие признают за индивидом, являются поступки, указывающие на веру других в наличие у индивида каких-то атрибутов. Всякое предпринятое Эго действие, успех которого зависит от мнения Альтер о нем (ухаживание, предложение сотрудничества, попытка угрожать), будет ставкой на то, что Альтер воспринимает его определенным образом. Отклонения предложения Эго будет одновременно зримым сигналом того, что Эго заблуждался в отношении собственной ценности в глазах Альтер. Напротив, его принятие будет сигналом о правильности исходной предпосылки, но может дорого обойтись уже Альтер, если она в действительности не считает, что Эго обладает тем качеством, на наличие которого претендует.

Чтобы не делать бремя всякого, кто старается быть тактичным по отношению к нам, неподъемным, рекомендуется быть тактичным по отношению к тактичности и предусмотрительным по отношению к предусмотрительности. Если те, кто отклоняет личное приглашение, должны стараться придумать благовидный предлог, чтобы индивид не стал обладателем информации о том, как они мало его ценят, то индивиду, допускающему отказ, полагается сделать приглашение в форме, которая максимально облегчит придумывание такого предлога, если он понадобится («Если у тебя вдруг будет свободное время...»)³⁰.

30 Разумеется, есть и другие причины формулировать свои приглашения ненастойчиво. Как прочтет читатель ППМ дальше, «когда один человек не хочет включаться в приветственное взаимодей-

Почему мы делаем всю эту работу? Инструментальные интересы могут объяснить, почему одни люди хотят ввести других в заблуждение и создать нужный им образ себя. Но они не могут объяснить, почему они помогают другим верить, что тем удалось создать благоприятный образ себя, или почему они помогают другим помогать им самим верить, что им это удалось. В конце концов, инструментально-рациональный индивид, желающий манипулировать другими, должен был бы хотеть как можно точнее знать, каким эти другие его видят. Все черты тактичности и тактичности в отношении тактичности в этом случае остаются необъяснимыми. Невозможно понять, например, как возможна такая вещь, как «aggressive face-work» — принуждение к совершению каких-то действий с помощью выбора линии поведения, при которой отказ нанесет значительный ущерб лицу принуждающего (вспомните о товарах и услугах, информацию о которых нас заставили прослушать, пользуясь тем, что единственный способ отказаться от этого был предельно грубым).

В «Природе почтения и достоинства» Гоффман дает ответ: индивид отвечает за доверенное ему лицо перед об-

стием с другим, он обычно будет вести себя так, чтобы другой мог поверить (или, по крайней мере, притвориться, что поверил), что невнимание было вызвано непреднамеренным незамечанием увертюры; в свою очередь человек, создающий увертюру, если он сомневается насчет того, как его воспримут, не будет делать свое приветствие настолько очевидным, чтобы оно не оставляло ему возможности сохранить социальную видимость, если его увертюра будет отвергнута». Ненастойчивость позволяет отрицать, что сделавший приглашение в действительности рассчитывал на его принятие, или даже что приглашение фактически состоялось (подумайте о той последовательности допускающих дезавуирование сигналов, которые составляют обычный ритуал ухаживания). Отметим, что таким системам взаимных предохранительных жестов неизбежно свойственно постепенно усложняться: если какой-то жест слишком часто используется, чтобы сохранить лицо, то сам факт обращения к нему станет свидетельством потери лица (подумайте о фразе «Как-нибудь в другой раз»). Это является, по всей видимости, одним из источников динамики этикетных правил.

ществом, потому что оно, в отличие от него самого, является сакральным объектом. Очевидной референтной точкой здесь является восьмая глава «Элементарных форм религиозной жизни» («О душе»), в которой Дюркгейм говорит, что личность, в отличие от биологически заданной индивидуальности, является отпечатком бессмертного Общества и поэтому священна (чем более мы являемся личностью, тем менее — индивидуальностью). В этом смысле условный обладатель Self, как и окружающие его люди, несет коллективную ответственность за сохранение отпечатка божественного начала; наше обращение с психически больными во многом диктуется и морально оправдывается нашим желанием спасти их Self от них самих, поскольку они очевидным образом пренебрегают своей частью этой работы (например, вымазывая себя фекалиями).

Забота о Self, однако, допускает и несколько других объяснений, которые так или иначе появляются в гоффмановских текстах. Вернемся ненадолго к лоху, который очевидным образом теряет лицо, когда предъявляет претензии на свойства, находящиеся вне его досягаемости. Помимо того, что дальнейшее развитие событий обнаруживает дефицит этого конкретного свойства, оно сообщает и о многих других дефектах, с данной характеристикой, возможно, не связанных. Если я не смог перескочить через лужу, то, помимо отсутствия глазомера или ловкости, я обнаружил прискорбный недостаток предусмотрительности, особенно если прыжок произошел в присутствии людей, о мнении которых мне стоило бы позаботиться и готовностью которых вежливо сдерживать смех мне не стоило бы злоупотреблять³¹. Всякая неудача в работе над Self влечет за собой целый каскад новых ударов, причем

31 Можно было бы попробовать составить список атрибутов, которые характеризуют индивида именно как производителя Self. Лакмусовой бумажкой тут будет возможность проявить недостаток свойства, нестати демонстрируя его наличие, или наоборот, обнаружить наличие свойства, изображая его недостаток, — как в случае,

некоторые из этих рикошетных поражений могут быть гораздо болезненнее исходных попаданий. Статус взрослого индивида в нашем обществе, особенно в его высокообразованной части, населяющей крупные города, в общем и целом довольно мало зависит от способности к перескакиванию луж, но очень сильно зависит, однако, от способности сохранять лицо. Всякое действие, направленное на поддержание лица, становится его частью. Self есть Self есть Self.

Доводя этот аргумент до предела, можно спросить даже, присутствует ли в потере лица что-то постыдное, помимо обнаружения неспособности его поддерживать. Во всяком случае, похоже, что тот, кто по той или иной причине считается лишенным озабоченности публичными представлениями о себе — скажем, домашний любимец или младенец, — не способен потерять лицо в том же смысле, в каком его способны потерять его владельцы или родители. Годовалый ребенок, которого застали сидящим на горшке, определенно не переживает потерю лица, которую пережили бы его старшие родственники, попади они в аналогичную ситуацию, именно потому, что мы не приписываем ребенку стремления любой ценой избежать подобной сцены. Аналогично, в отношении многих атрибутов мы можем сказать, что компрометирующими являются не они сами по себе, а неспособность их скрыть. Наличие (или даже отсутствие) гениталий не является компрометирующим фактом, а вот их невольная публичная демонстрация в обществе, в котором предполагается, что большинство индивидов будет стараться избежать ее любой ценой, безусловно компрометирует³². Тот, кто не

когда ум и самообладание Гамлета проявляются в его способности представляться безумцем, лишенным того и другого.

32 С Self как фактом общего знания связаны две проблемы, которым Гоффман не уделял большого внимания, хотя они и кажутся представляющими значительный интерес. С одной стороны, появление Self как факта общего знания предполагает существование общего знания относительно того, что составляет приемлемое лицо. Если

справился с поддержанием публичного образа себя, оказывается лицом к лицу с открытием, что его самые важные социальные качества поставлены под сомнения, насколько бы мелок ни был конкретный повод.

Помимо того дурного, что сбой рассказывает индивиду (и окружающим его) о нем самом, есть то, что он рассказывает о его социальных связях. В потере лица обычно задействованы сигналы со стороны других, о которых эти другие осведомлены и испускание которых они могут предотвратить. Попадание этих сигналов к нам свидетельствует о том, что другим безразлично, что мы чувствуем, и что им безразлично также, что мы чувствуем по поводу

брать напрашивающийся пример, культуры различаются представлениями о том, какие формы публичной обнаженности компрометируют обнажающегося. По поводу многих гоффмановских психиатрических примеров можно сказать, что душевная болезнь проистекает из культурной идиосинкразии, предполагающей радикально отличающиеся от общепринятых представления о том, что конституирует потерю лица. Здесь возможны отклонения как в одну, так и в другую сторону — индивид может ощущать, что непоправимо теряет лицо, когда, с точки зрения других, ставшие доступными о нем факты относительно невинны (невроз), или отрицать, что скомпрометирован, когда другие думают, что произошло нечто непростительное (психоз). Вторая проблема связана с источниками информации, способной стать общим знанием. Гоффман пишет, с одной стороны, о поведенческих сигналах, поступающих от присутствующих, с другой — о словах. Однако, как отмечается в ППМ, сигналы подлежат множественной интерпретации (я не ответил на улыбку Альтер потому, что считаю ее слишком незначительной, чтобы удостоивать ответом, потому, что просто не заметил, или потому, что мои чувства к ней еще слишком свежи, и мне тяжело даже взглянуть в ее сторону). Применительно к словам мы по крайней мере можем оптимистично считать, что их значения являются общим знанием. Однако применительно к ним вновь возникает проблема источников выдаваемой и передаваемой информации. Если Эго публично обвиняет Альтер в идиотизме, общим знанием становится не идиотизм Альтер, а лишь то, что Эго не боится вероятных последствий этого заявления. Имея в виду все эти неясности, удивительно, насколько в большинстве ситуаций люди демонстрируют единодушие в понимании того, кому и когда следует стыдиться.

этого безразличия³³. Демонстрация всего этого недвусмысленно сигнализирует о невысокой ценности нашего Я в глазах других сразу во всех мыслимых качествах — и как объекта заботы, и как субъекта угроз. Обобщая: сбои, проявляющиеся в работе над Self, имеют неприятную тенденцию к генерализации и превращению отдельных поломок в общий приговор нарушителю, затрагивающий его социальное Я целиком, как в его собственных глазах, так и в глазах окружающих.

В связи с этим возникает несколько направлений размышления. Одно из них, которое будет сопровождать Гоффмана в течение следующих десятилетий (или, скорее, которое он будет сопровождать), — тема двойственности индивида, являющегося одновременно собственным создателем и созданием. Тема множественности человеческого Я будет по-разному развита в «Стратегическом взаимодействии» и «Индивиде как единице» (опубликована в «Отношениях на публике») и, в дальнейшем, во «Фрейм-анализе», где читатель встретит каскад построенных по одной модели различий (например, театра

33 Так же как есть информация, испускание которой находится под контролем индивида, и та, которая не находится под этим контролем, есть информация, в отношении которой мы уверены, что испускающий знает, что он ее испустил, а получатель в нашем лице принял, и информация, относительно самого существования которой он может быть не осведомлен. Информация, о которой индивид не осведомлен, никогда не находится под его контролем, но обратное может быть неверно: индивид может знать, что какая-то информация о нем растекается, но быть не в состоянии предотвратить утечку. Распространение неблагоприятной для индивида информации того типа, который полностью находится под контролем окружающих, само по себе есть удар по его социальному лицу. Другие не всегда могут избежать того, что мы догадываемся, что они о нас думают, но обычно могут избежать состояния, когда мы знаем, что они знают, что мы знаем, что они о нас думают. Правила этикета в знакомых нам формах требуют не того, чтобы все нравились всем, или хотя бы могли убедить друг друга, что все нравятся всем, а того, чтобы никто не признавал открыто, что ему безразлично, знают другие или нет, что они ему не нравятся.

и зрителя или аниматора и источника сообщения). Другая тема — институты, в которых индивид оказывается в силу тех или иных обстоятельств без этикетной помощи со стороны своего окружения. И это приводит нас в психиатрическую лечебницу.

После защиты в 1953 году диссертации в Чикаго Гоффман находился «on the market» и, как и многие в его положении, перебивался участием в многочисленных исследовательских проектах чикагских боссов: его резюме 1963 года³⁴ указывает, что под руководством Эдварда Шилза он составлял «Опись положений социальной стратификации» (1952–1953), под руководством Эдварда Бэнфилда участвовал в изучении «социальных практик» (1953–1954)³⁵, провел небольшое исследование для Американского института нефти, посвященное труженикам автозаправочных станций (итогом стала короткая брошюра с названием, которая не может не вызвать умиления у советских социологов: «Рабочий автозаправочной станции: человек и его работа»³⁶), и, наконец, был задействован в изучении двух психиатрических лечебниц в Мэриленде и Вашингтоне (1954–1957), причем во второй провел около года в качестве инструктора по физподготовке.

Была ли клиника лишь результатом безденежья или Гоффман оказался там, где сам хотел оказаться? С его легендарной скрытностью³⁷ мы вынуждены пока довольствоваться только догадками. Перечисляя в заключении

34 *Erving Goffman. Resume* (1963) // http://cdclv.unlv.edu/ega/documents/eg_resume_63.pdf.

35 Интересно, что это значило?

36 *Erving Goffman. The Service Station Dealer: The Man and His Work* (1953) // http://cdclv.unlv.edu/ega/documents/eg_station_53.pdf.

37 Одна из центральных тем гоффмановского фольклора — его патологическая скрытность. Гоффман не пускал никого к себе в кабинет, останавливался в гостиницах под чужим именем и, к большой досаде биографов, засекретил свой архив. Кроме того, он не носил бейджа на конференциях, правда, некоторые подозревали, что ему просто нравилось слышать, как люди за его спиной перешептываются: «Это Гоффман!» (*Marx. Role Models and Role Distance*).

диссертации возможные исследования, продолжающие его работу на Ансте, Гоффман не упоминает дома скорби (он декларирует намерение изучать младшую школу — план, никогда не реализованный³⁸). Возможно, клиника была не его затеей. Психиатрия и социология в целом тогда были гораздо ближе, чем сегодня, и идея о том, что многое в понимании нормы может принести изучение вопиющего отклонения от нее, была сама по себе распространенным ходом мысли³⁹. Тем не менее, если это было случайностью, то случайностью очень удачной⁴⁰.

Психиатрическая лечебница оказалась для Гоффмана настоящей золотой жилой, и хотя работа в ней не была самой длительной (если верить отчетам, он провел на Ансте примерно столько же времени — 12 месяцев), она единственная более-менее полно отражена в его текстах. Заточение на Ансте, по большому счету, свелось к десятку сносок, разбросанных по его книгам (причем наибольшая их концентрация наблюдается как раз в ППМ), работа в ка-

38 *Goffman. Communication Conduct.* P. 361–362.

39 Читатель может оценить количество психиатрических ссылок, например, в «Социальной психологии» приятеля Гоффмана по Чикаго Тамотсу Шибутани. Текст ППМ содержит упоминания двух посвященных психиатрическим лечебницам диссертаций (двух магистерских и одной докторской), защищенных в Чикаго только за 1951–1953 годы.

40 Помимо наблюдения тотального института в действии, клиника могла представлять для Гоффмана интерес и в еще одном отношении. Директор вашингтонской больницы профессор Оверхолстер превратил ее в экспериментальную площадку, на которой отрабатывались самые разные новинки, от психодрамы до транквилизаторов. Именно ему, видимо, пришла в голову идея привлечь социолога под прикрытием, о подлинной миссии которого никто, кроме самого Оверхолстера, не был осведомлен. Для Гоффмана это было возможностью еще раз попробовать себя в качестве шпиона и отыгаться за неудачу на Ансте, где он пытался поначалу представлять себя специалистом по аграрным наукам, изучающим сельское хозяйство (в котором ничего не понимал), был разоблачен и даже заподозрен в том, что является советским шпионом (на Ансте располагалась база подводных лодок [*Winkin. Baltasound as the Symbolic Capital*]).

зино в Лас-Вегасе — к нескольким иллюстрациям в «Там, где действуют». Но результаты его работы в психиатрической лечебнице отражены в трех книгах: «Ритуал взаимодействия», «Стигма»⁴¹ и «Приюты»⁴². «Приюты» целиком посвящена жизни в стенах тотальных институтов, целью существования которых являются модификации Self и создание новой личности. В рамках тотального института не действует принцип «живи и давай жить другим», и линия представления себя, избранная индивидом, не встречает поддержки, даже если она не представляет прямой угрозы лицам других. Гоффман описывает идеологию, оправдывающую такое вмешательство (радикальная переделка человеческого существа), и реакцию индивида на него — развитие аморального искусства бесстыдства, постепенное сокращение эмоциональной привязанности индивида к собственному лицу, которое делает его недоступным для манипуляций и является действительно последним убежищем для узников дома скорби⁴³.

Ситуации: субстантивный порядок и порядок взаимодействия

Период гоффмановской одиссеи по грантам окончился в 1958 году. Блумер, возглавивший исход из Чикаго в создаваемый под его руководством департамент социологии в Беркли в надежде воссоздать в нем Чикагскую школу во всей ее славе, обеспечил поначалу его приглашение как временного преподавателя. Однако уже в 1959 году Гоффман стал доцентом, а в 1962-м — полным профессором. Первые годы в Беркли были самым плодотворным пери-

41 *Erving Goffman. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity* (Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1963).

42 *Erving Goffman. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates* (New York: Doubleday Anchor).

43 *Erving Goffman. The Moral Career of the Mental Patient // Goffman. Asylums. P. 125–170.*

одом в его жизни. В 1961-м вышли «Приюты» и «Встречи», в 1963-м — «Стигма» и ППМ.

Общим для работ 1961–1963 годов (за исключением «Приютов») является то, что их главным героем становится ситуация. В некотором роде, Гоффман делает шаг назад, к своей диссертации. Тогда, столкнувшись с нежеланием Уорнера принимать за социологическую диссертацию рассказ о душевных муках аспиранта, сосланного научным руководителем на затерянный остров, Гоффман пробует придать тексту более привычное теоретическое звучание и преуспевает в этом, обратившись к Парсонсу. Парсонс в «Социальной системе» указывает на то, что социальный контроль в своих простейших, но наиболее универсальных формах проявляется в микрореакциях на несоответствующее роли поведение в ситуациях — индивиду тактично указывают, иногда просто многозначительным молчанием или шутливо, на то, что он ведет себя вопреки законным ожиданиям других⁴⁴.

Гоффман пользуется этой цитатой (по правде сказать, несколько вырванной из контекста), чтобы заявить, что разговор сам по себе демонстрирует все характеристики, свойственные социальной системе⁴⁵. Чтобы он состоялся, необходимо, чтобы участники следовали определенным нормам и играли определенные роли. Они должны передавать друг другу слово; они должны придерживаться избранной темы и менять ее лишь с общего ведома и согласия; они должны реагировать на предыдущие реплики друг друга, а не на что-то иное, что здесь и сейчас привлекло их внимание. Гоффман в диссертации задается, таким образом, совершенно парсонсианским вопросом: а как

44 *Talcott Parsons. The Social System* (Glencoe: Free Press, 1971). P. 303.

45 По правде сказать, его понимание системы оказывается более созвучно Луману, чем Парсонсу. Фраза «Беседа (conversation) живет собственной жизнью», как и многое другое, сказанное Гоффманом в этой связи, вполне могла бы быть произнесена Луманом, для которого разговор был образцовой социальной системой.

возможен разговор? Какие условия должны быть выполнены, чтобы он мог продолжаться?

Не только вопрос, но и ответ оказываются парсонсианскими. В ппм присутствуют все любимые парсоновские теоретические приемы — от использования квази-юридического языка взаимных обязательств («Поэтому человек может делать себя доступным для других, ожидая, что они будут ограничивать свои притязания на его доступность и не будут заставлять его платить слишком высокую цену за то, что он доступен. Их право инициировать контакт контролируется их обязанностью становиться на его точку зрения и инициировать контакт с ним, только когда он сам может легко признать оправданность этого контакта; словом, они не должны злоупотреблять своими привилегиями») до обращения к языку «закрытых естественных систем»⁴⁶.

И совершенно парсонсианской выглядит интерпретация основных угроз соблюдению порядка: в сложных социальных системах источником основных рисков является не необузданная человеческая природа, а другие составляющие социальной системы. Прежде всего, говорит Гоффман, разговор создает собственные роли, которые, как всегда в таких случаях, допускают конфликт с другими ролями, которые приходится играть индивиду. (Например, участвуя в коммуникации в определенном качестве, индивид может быть обязан испытывать такую степень эмоционального шока и морального возмущения, которая просто лишит его способности изъясняться словами; другие составляющие ролевой функции могут взывать к полной сосредоточенности на моторной деятельности, тоже плохо сочетающейся с вербальной коммуникацией, и т. д.) Чтобы справляться со своими социальными обя-

46 Примененный к таким вещам, как обмен взглядами, юридический язык генерирует несколько неожиданный комический эффект, который Кеннет Бёрк, другой чикагский ментор Гоффмана, назвал бы «conversion upward» и который Парсонсом явно не предполагался.

зательствами, индивидам необходимо разговаривать, но, как ни парадоксально, чтобы говорить, им надо принимать на себя дополнительные обязательства, которые не всегда совместимы с первыми. Как и все нормы, нормы, регулирующие участие в разговоре, покоятся на моральном фундаменте: социализированные индивиды требуют их соблюдения от других и ощущают вину, принимающую специфическую форму стыда, если обнаруживают, что нарушили их сами. В ключевой главе 2, «Социологическая модель», Гоффман начинает с совершенно парсонсианских сентенций: «Когда правило нарушено, нарушитель должен чувствовать вину, а остальные должны чувствовать праведный гнев»⁴⁷.

Чтобы проиллюстрировать важность сопутствующих моральных норм, Гоффман приводит простой пример, относящийся к коммуникативной системе более тривиальной чем язык. Хотя на Ансте на рубеже 1950-х годов было лишь порядка 20 телефонов, большинство островитян пользовались всеми благами телефонизации за счет норм, требующих, чтобы доступ к ближайшему телефону был предоставлен каждому, кто заявит о неотложной потребности сделать звонок. Однако, чтобы такая норма действовала, дополнением к ней должна быть норма, требующая, чтобы индивиды адекватно оценивали серьезность своей потребности и чтобы существовало ожидание, что все будут подчиняться этим нормам. Тогда сообщество может обойтись 20 телефонами вместо 200 — по числу коттеджей.

Совокупность этих норм, регулирующих использование коммуникативной системы языка, пишет Гоффман, образует особый социальный порядок, который можно назвать порядком взаимодействия. Очевидная специфика порядка взаимодействия в том, что он проявляется лишь в сочетании с какими-то другими формами социального порядка — роль участника разговора не может быть един-

47 *Goffman. Communication Conduct.* P. 36.

ственной ролью, которую индивид здесь и сейчас играет. Однако, активизируясь только в сочетании с другими ролями, она не производна от них. Различение между «субстантивным порядком» и «порядком взаимодействия», тем, что помещено в ситуацию, и тем, что принадлежит ей, ситуативным и ситуационным, в терминах ППМ, — последняя стержневая оппозиция, которая впервые появится в диссертации, а в последний раз — в посмертной одноименной статье.

Сделав этот изящный заход, Гоффман в диссертации вернулся к волновавшим его темам переживаний чужака в чужой стране. Есть два вида норм, которым необходимо следовать, говорит он в ней: нормы, требующие что-то скрывать, и нормы, требующие что-то сообщать. Требования скрывать что-то включают в себя требования: а) подавлять свои (укорененные в других ролях) чувства и демонстрировать принятие и уважение к партнеру по коммуникации как к партнеру по коммуникации⁴⁸, б) подавлять альтернативные фокусы внимания и в) не допускать проникновения в ситуацию информации, которая может отвлечь и смутить контрагента — например, информации о том, что Эго обладает компрометирующей Альтер информацией. Потеря лица одним из участников ставит разговор под угрозу. Напротив, нормы, требующие принудительного выражения, обязывают нас демонстрировать искренность и спонтанность, отсутствие тайных намерений и вовлеченность во взаимодействие. Если все эти правила выполнены, участники могут рассчитывать на то, что Гоффман определяет как «эйфорию», если нет — их ждет «дисфория», состояние неловкости, принужденности, отчужденности, неспособности ощутить себя частью происходящего⁴⁹.

48 Эта мысль понравилась бы Хабермасу.

49 Гоффман известен как летописец интерактивного ужаса, описавший все виды страданий, источником которых для нас становятся наши ближние; если мы спросим себя, что находилось для него на другом полюсе, то ответом будет тем не менее не изоляция, а ощу-

Книги ранних 1960-х сигнализируют о возвращении интереса Гоффмана к ситуации как самостоятельному объекту изучения. В них Гоффман под разными углами исследует источники дисфории. «Стигма» маркирует осуществляющийся переход: в ней подробно рассматривается один из основных источников дисфории — обладание одним из участников коммуникации некоторыми неожиданными дискредитирующими атрибутами⁵⁰. С точки зрения стигматизированного, эти атрибуты делят любых партнеров по коммуникации на два класса — тех, кто уже обнаружил его дефектность, и тех, в отношении кого есть риск, что они неожиданно обнаружат ее. Необходимость угадывать, к какой категории принадлежит конкретный контрагент, решать, стоит ли самому признаваться в ней или надеяться сойти за нормального, пытаться или не пытаться оправдаться, является дополнительной сюжетной линией в любой коммуникации, которая всегда отвлекает его от происходящего. В свою очередь, наблюдаемый у участника взаимодействия стигматизирующий атрибут неизбежно становится источником проблем для окружающих. Неожиданный дефект в чужой идентичности является естественным фокусом внимания; он притягивает нас, как больной зуб притягивает язык. Поскольку признаться в этом они не могут, тактичные окружающие обнаруживают, что стигматизированный является постоянным источником дисфории: им приходится непрерывно думать, не прозвучат ли безобидные в других случаях выражения как оскорбительные намеки. Стигматизированный заставляет

щение блаженства от того, что такая невероятная вещь, как гладкое взаимодействие, все-таки состоялась.

- 50 Гоффман унаследовал из общей хьюзовско-урнеровской традиции представление о Self как о совокупности атрибутов, которые могут находиться в большем или меньшем соответствии друг с другом. Стигма — это несоответствующий прочим атрибут, который делает индивида хуже, чем тот был бы без него; в этом смысле, парадоксальным образом, стигматизированными не могут быть индивиды, находящиеся на дне социальной иерархии.

их заново *ad hoc* придумывать весь этикет, сконструированный для того, чтобы не задевать чувства «нормальных» людей (Ростан в «Сирано де Бержерак» прекрасно обыгрывает то, какие проблемы может доставить нос, если о нем нельзя упоминать), что в лучшем случае оборачивается постоянной когнитивной перегрузкой. Кроме того, стигма является контактной, поскольку подавление истечения информации о компрометирующих других фактах неизбежно превращается в необходимость проецировать абсурдную концепцию себя — например, как индивидов, неспособных зафиксировать явные аномалии во внешности окружающих. Стигматизированный обладает тем, что Гоффман называет «*faulty personality*», «дефектной личностью», — даже там, где стигма не предполагает никакой моральной вины, она все равно делает его источником перманентной дисфории для окружающих.

«Удовольствие от игр» обращается к другому источнику дисфории, на этот раз не связанному с идентичностями участников, — событиям, которые требуют радикального переопределения ситуации. Чтобы социальная ситуация сохраняла свою идентичность, необходимо, чтобы ее участники демонстрировали, что признают ее таковой. Сложно представить, как часть участников события может продолжать играть в семинар, если другие вокруг дают понять, что считают происходящее чем-то иным — терапевтической группой, ренетицией спектакля о научной жизни или паникой при пожаре. Среди прочего, и, возможно, в первую очередь, это значит, что внимание собравшихся устремлено на объекты, официально признанные принадлежащими ситуации. Для участников семинара это слова докладчика, но не бородавка на его носу; когда докладчик осознаёт, что на него скорее с любопытством смотрят, чем слушают, он понимает, что что-то идет не так, и может вовсе потерять дар речи. Каждая ситуация предполагает правила иррелевантности, определяющие, что в ней официально *не* происходит. Лектор, согласно

официальному определению ситуации лекции, представляет собой один бестелесный голос, к которому иногда добавляются жестикулирующие руки. Иногда, однако, что-то из официально не-происходящего перетягивает на себя столько внимания участников, что им все сложнее не признаваться, что они это видят и слышат. Этим «чем-то» могут быть атрибуты участников, обсуждавшиеся в «Стигме», но может быть и какой-то подтекст происходящего, понятный одному или многим собравшимся. Именно это происхождение имеет неловкость, повисающая над любым моментом общения бывших любовников: на настоящем лежит тень прошлого.

Интерес к играм — в смысле Хёйзинги, а не фон Неймана — у Гоффмана объясняется тем, что, чтобы участники игры были поглощены ею и испытали удовольствие, необходимо, чтобы они могли погрузиться в происходящее целиком. Это объясняет многие особенности дизайна игр: необходимость выравнивать шансы участников (иначе исход будет предсказуем и внимание неизбежно обратится на что-то иное); необходимость избегать наложения игровых команд на какие-то группы, которые находятся в отношениях соперничества в жизни за пределами игры (отсюда правило, делающее обязательным разделение семейных пар по разным командам); определение ставок, которые будут достаточными, чтобы подогреть интерес, но недостаточными, чтобы участники действительно боялись проиграть. И все равно игрок, который будет слишком озабочен, например, тем, чтобы произвести на окружающих впечатление своей полной увлеченности игрой, не вынесет из ситуации ничего, кроме дисфории⁵¹.

51 Гоффман найдет здесь место для дюркгеймианской реинтерпретации «Психопатологии обыденной жизни» и «Остроумия и его отношения к бессознательному» Фрейда. Там, где Фрейд в «Лекциях по психоанализу» говорит о сознании и врывающихся в него вытесненных психических сущностях, он пользуется образом проникшего на ученое собрание хулигана, который, будучи выдворен, продолжает стучать и ломиться в двери, делая слушание доклада

ППМ нужно рассматривать в контексте вышеуказанных работ. В этой книге Гоффман наиболее обильно черпает из своей диссертации, пытаясь реконструировать самые общие правила, регулирующие вовлеченность в ситуацию, и каталогизировать типы нарушений. Одновременно ППМ продолжает линию, намеченную в самой известной гоффмановской работе — «Представление себя другим в повседневной жизни»⁵².

В «Представлении» Гоффман ставит перед собой задачу описать морфологические черты процесса контроля протекающей информации. Эта книга часто рассматривается как порождение циничного разума, своего рода самоучитель лицемерия и обмана. Однако, хотя коварный обман и занимает в ней видное место, Гоффман стремился описать общую природу действий индивида, когда тот сообщ-

все более и более затруднительным. Гоффман указывает, что Фрейд здесь уподобляет внутреннюю жизнь индивида его общественной жизни. Наше сознание — лишь отпечаток социальной реальности. Официально определяемая ситуация часто оказывается осажденной разными другими возможными интерпретациями, угрожающими перетянуть внимание участников на себя и привести к радикальному переосмыслению происходящего (например, когда научная дискуссия все больше напоминает сведение личных счетов, и ее участникам все сложнее удерживаться от признания того, что произносимые слова нужны не чтобы прийти к какому-то заключению, а чтобы дать выход академической агрессии). Факты официальной реальности аналогичны содержанию сознания, за гранью которого лежит угрожающая стихия бессознательного, а нормы, которыми участники руководствуются, представляют собой социальный аналог Супер-Эго.

- 52 Первое издание «Представления себя другим» вышло в Эдинбурге в 1956 году (*Erving Goffman. The Presentation of Self in Everyday Life* [Edinburgh: University of Edinburgh, 1956]); второе, относительно мало от нее отличающееся, — в Нью-Йорке в 1959-м (*Erving Goffman. The Presentation of Self in Everyday Life* [New York: Doubleday Anchor, 1959]). Эдинбургское издание совершенно легально доступно в Интернете, поскольку Комитет социальных исследований Университета Эдинбурга, в серии которого вышел этот том, видимо, придерживается радикальных воззрений по вопросам копирайта.

щает другим информацию о себе и них самих, каковы бы ни были преследуемые им при этом цели. Он может быть мошенником, или притворствоваться в искренней заботе о том, на кого производится впечатление (особенно если это впечатление о впечатлении, которое произвел этот другой), или заботиться о том, чтобы выглядеть профессионалом и вызвать должное почтение к своему занятию, или просто хотеть, чтобы другие поняли, что он делает, и могли согласовать свои действия с его. В каждом из этих случаев имеет место определенное редактирование сигналов, поступающих к зрителю, и оно следует одним и тем же законам, которые Гоффман стремится выявить⁵³.

Помимо двух названных выше причин — утилитарных соображений и моральных обязательств — то, что индивид соизмеряет свои поступки с впечатлением, производимым на других, объясняется еще и третьей категорией факторов, значительно более общих: он хотел бы обеспечить понятность всей ситуации для ее участников. Помимо работы над впечатлениями о себе и помощи другим в их работе над впечатлениями о них, индивид некоторым образом озабочен поддержанием впечатлений о всей ситуации, без чего эта ситуация рискует стать полностью непостижимой для ее участников. Одна сторона тесно

53 Гоффман использует (и, вопреки его репутации «драматургического социолога», это практически единственное место, где он использует) образ театра. Обращение Гоффмана к театру обычно понимается как поиск остроумной метафоры, хотя это скорее синекдоха: интерес к театру обусловлен не тем, что весь мир в некоторых отношениях похож на него, им при этом не являясь, как газ не является скоплением бильярдных шаров, а тем, что театр лишь доводит конструктивные особенности организации повседневной жизни до предела. Этим он, собственно, и интересен зрителям. Во «Фрейд-анализе» Гоффман несколько раз вернется к мысли о том, что искусство интересно нам постольку, поскольку оно подражает жизни, а жизнь подражает искусству (но не в плане содержания, а в плане выражения). В театре представление нам интересно не менее, чем пьеса, и мы идентифицируем себе с Гамлетом не больше, чем с актером, играющим его.

переплетена с другими: когда индивид стремится рассеять возможное непонимание по поводу ситуации, он тем самым гарантирует себе, что его собственное понимание своей роли в ней будет оценено как адекватное, и наоборот — чтобы быть уверенным, как вести себя, чтобы не показаться неадекватным, надо знать, как ситуацию определяют другие⁵⁴. Поддержание собственной нормальности и нормальности ситуации — по сути, одна и та же задача, увиденная с двух сторон.

Эта идея не может не вызвать ассоциацию с этнометодологией, и действительно, в Калифорнии Гоффман регулярно взаимодействует с Гарольдом Гарфинкелем. Втроем с Говардом Беккером они обдумывают выпуск совместного труда по социологии девиации и обмениваются аспирантами — правда, аспиранты перемещаются почти исключительно от Гоффмана к Гарфинкелю (Харви Сакс, Эмануил Щеглофф⁵⁵), кующему нечто вроде тоталитарной секты с собой в качестве гуру. ППМ содержит значительное число фрагментов, которые вполне могли бы обнаружиться в книжках по этнометодологии: «...обычно человек может легитимно начинать разглядывать другого за мгновение до того, как инициирует встречу, и эта легитимность приписывается ретроспективно, после демонстрации того, что именно данный индивид намеревался сделать. Следовательно, если люди обнаруживают, что они должны смотреть в упор друг на друга, они могут пытаться решить эту задачу, инициируя беседу; здесь увертюра (сколь бы сильное смущение она ни вызывала) оправдывается тем, с чем она позволяет справиться». Следующий

54 Вспомним, что в экспериментах с доверием Гарфинкеля первой интерпретацией неадекватного поведения студентов со стороны членов их семьи было: «Ты здоров? Не переутомился?»

55 В ранних статьях Щеглоффа по конверсационному анализу именно ППМ наравне с гоффмановской диссертацией фигурирует как основной теоретический источник (см.: *Emanuel A. Schegloff. Sequencing in Conversational Openings* // *American Anthropologist*. 1968. Vol. 70. № 6. P. 1075–1095).

шаг во взаимодействии определяет необходимость ретроспективно рационализировать предыдущий.

И Гоффман, и Гарфинкель видят социальный порядок как по своей природе конструируемый, причем не в слабом смысле, как воспринимаемый в соответствии с некоторыми предзаданными схемами перцепции, а в сильном смысле, как созданный в соответствии со схемами, которые будут использованы при его восприятии другими, в качестве конструктивных принципов. Если люди находят вокруг себя некоторое подобие порядка, то именно потому, что кто-то вложил его туда, чтобы они его там обнаружили (в этой связи Гоффман несколько раз будет возвращаться, например, к мысли о том, что знакомые нам «черты человеческого характера» могут быть разнообразностью межличностной роли, и люди играют в повседневной жизни злых или добрых точно так же, как они играют докторов и пациентов).

Оба находят здесь повод сослаться на Дюркгейма с его тезисом о сакральной природе порядка: Гоффман говорит о самоценности социальных представлений и о том, что в ходе коллективного ритуала люди могут быть гораздо живее, чем когда они живут свою жизнь в одиночку («Жизнь — это свадьба»); Гарфинкель объясняет гнев, вызываемый вопросом: «Что ты имеешь в виду, спрашивая, как у меня дела?», тем, что спрашивающий отказывается от участия в нормальной работе по воспроизводству бессмертного Общества.

В ППМ дюркгеймовская линия сакрализации социального доводится до предела: не только лица участников, но и сама ситуация становится священным объектом. Это позволяет выдвинуть целый ряд эксцентричных гипотез, например, что оценка вуайеризма как извращения производна не столько от того, что вуайерист находит неадекватный источник сексуального удовлетворения, сколько от того, что он участвует третьим в ситуации, другие участники которой уверены, что остались вдвоем; что грабители предпочитают темные парки открытым улицам не из-за

опасения привлечь внимание полиции, а потому, что грубое нарушение личного пространства в ситуации, когда никто, кроме жертвы, не является его свидетелем, делает это нарушение чуть менее непростительным; что полуодетые люди, спасающиеся на улице от огня, не шокируют нас, поскольку для данной конкретной ситуации именно такой внешний вид представляется наиболее адекватным (надо думать, с точки зрения Гоффмана появление на пожаре в смокинге выглядело бы возмутительным проявлением неуважения к панике как форме коллективной жизни)⁵⁶.

Ответ на вечный студенческий вопрос «В чем разница между Гоффманом и Гарфинкелем?» может состоять в указании не столько на существование какого-то отчетливого, непримиримого противоречия, сколько на акценты — гарфинкелевские индивиды поглощены коллективной работой по созданию порядка, гоффмановские, помимо этого, стараются получить порядок, который гарантирует им некоторые интерактивные бонусы. В терминах теории игр, которые, разумеется, этнометодолог никогда бы не использовал, Гарфинкель описывает социальный порядок как чисто координационную игру, а Гоффман — как игру со смешанной суммой, где все хотели бы избежать некоторых исходов (например, люди обычно стараются не устраивать «сцен»), но могут не соглашаться в том, какой исход наилучший. Несмотря на процитированные выше дюркгеймианские эскапады, Гоффман находит время упомянуть, что взаимодействие обычно больше напоминает

⁵⁶ В своем дюркгеймианском задоре Гоффман успевает заодно пророчески ответить будущим адептам акторно-сетевой теории, заметив, что «стена» и «шум» являются не столько актантами, сколько институтами. Мы обращаемся со стеной, как если бы она была надежной границей ситуации, даже тогда, когда, по факту, она позволяет нам быть осведомленными о происходящем за ней; шум является таковым в силу своей ситуативной неуместности, а не в силу физических свойств звуковых волн, и поэтому, например, соседи за стеной шумят и мешают спать, а машины за окном или гроза — нет, пусть их и слышно гораздо лучше.

обоюдное сдерживание в ходе холодной войны, чем зрелище спонтанной социальной гармонии. Инструментальные и неинструментальные мотивы соседствуют и переплетаются друг с другом в куда более сложные узлы, чем наши привычные оппозиции между конфликтом и консенсусом позволяют нам предполагать.

Дальше

Середина 1960-х годов, вероятно, ощущалась позднее самим Гоффманом как пик его карьеры. После периода поиска он в 40 лет стал полным профессором. Его книги продавались тиражами, которые позволяли ему утверждать, что гонорарами он получает столько же, сколько ему платит Беркли, и, с учетом дивидендов от акций, является самым высокооплачиваемым американским социологом — заявление, вряд ли прибавлявшее ему популярности среди коллег. Наконец, он был фантастически удачно, с точки зрения классовой мобильности, на которую мог рассчитывать сын еврейских эмигрантов, женат. В 1968 году в статье для «Международной энциклопедии социальных наук» сам Парсонс назовет его «возможно, самым значительным автором в американской социологии сегодня»⁵⁷. Учитывая доминирование американской социологии в мире, простиравшееся даже за Железный занавес, и учитывая, что репутация социологии в тот момент была гораздо лучше, чем стала в наши дни, Гоффман должен был чувствовать себя физиком, которого Эйнштейн объявил своим наследником.

Мертон в «Эффекте Матфея»⁵⁸ говорит, что одна из функций крайне неравномерного распределения научной известности состоит в том, чтобы заставить лучших

57 *Talcott Parsons. Interaction: Social Interaction // David L. Sills (ed.). International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 7 (New York: Macmillan & Free Press, 1968). P. 436.*

58 *Robert K. Merton. The Matthew Effect in Science // Science. 1968. № 159. P. 56–63.*

из лучших постоянно пытаться превзойти самих себя. Гоффман делает следующую попытку подпрыгнуть выше собственной головы и берется за анализ фреймов⁵⁹. Этот проект он начинает, еще продолжая заниматься предыдущим. Период работы над «Фрейм-анализом» легко определить по знаменитому (или даже пресловутому) использованию газетных цитат. Перелистывая страницы «Фрейм-анализа», легко составить себе портрет Гоффмана как читателя периодики. Прежде всего, он выписывает ежедневные местные газеты, и по вырезкам можно составить график его перемещений (скажем, пребывание в Лас-Вегасе в 1964–1965 годах дает три ссылки на «Лас-Вегас сан», стажировка в Гарварде в 1966-м дает ссылки на «Бостон глоуб» и «Бостон трэвеллер»). Помимо них, он всю жизнь читал три еженедельника — «Лайф», «Нью-Йоркер» и «Тайм». Самая ранняя из ссылок на еженедельные или большей периодичности издания во «Фрейм-анализе» указывает на парижское издание «Нью-Йорк таймс» (1951-й — короткое пребывание Гоффмана в Париже после Эдинбурга), последняя — на «Ньюсуик» от января 1974-го. Основным источником, однако, является «Сан-Франциско кроникл» (119 ссылок из 197, 60,4%), причем 62 из этих 119 ссылок приходится всего на два года, 1965 и 1966. Ссылки рассеяны очень неравномерно по главам, и особенно последние, посвященные социолингвистике, не имеют их вовсе, но основные понятия фрейм-анализа, видимо, принадлежат калифорнийскому периоду. Переезд в Филадельфию в 1968 году дает ссылки на пенсильванские газеты, но их во много раз меньше, чем ссылок на «Кроникл».

Идею «Фрейм-анализа» можно удачно представить, используя ППМ в качестве отправной точки. В ппм Гоффман замечает, что одна из задач, которую ставит любая ситуация взаимодействия, — определиться с тем, что же

59 *Erving Goffman. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience* (New York: Harper & Row, 1974).

именно в ней происходит и подавить — если надо, силой — альтернативные определения. Так, полиция следит за тем, чтобы улицы в городах использовались либо для парада, либо для нормального передвижения пешеходов, но не для того и другого одновременно. Однако схема «одна ситуация — одно определение» явно не универсальна. Мы часто видим, что сборище участвует сразу в нескольких как будто накладывающихся одно на другое событиях, при этом не испытывая никакой особой дисфории и не пытаясь прекратить это состояние. Возьмем актера на сцене и посмотрим на него драматургически. Наш актер играет одновременно две роли — роль персонажа и роль актера. Первую, говорит Гоффман, цинично, вторую — наивно⁶⁰. Эта неустрашимая спутанность не становится, однако, источником страданий, наоборот, некоторых она побуждает избирать актерскую карьеру⁶¹.

Эта готовность наслаждаться двусмысленностью характеризует не только театр. (Собственно, если Гоффман прав, *ничто* не характеризует только театр.) В «Ролевой дистанции» описывается, как «роль» дополняется демонстрацией способности к выходу из нее. Индивид морально обязан должным образом заниматься тем, что ожидается от него в соответствии с официальным определением ситуации: врач обязан быть поглощен постановкой диагноза, полицейский — поддержанием порядка, преподаватель — преподаванием. Но вместе с тем способность врача элегантно показать, что, занимаясь болезнью, он одновременно не полностью поглощен ею и остается галантным мужчиной, не только не осуждается, но и приветствуется.

60 Если только актер не является при этом проходимцем, который притворяется актером, который притворяется персонажем «Ричарда Третьего», как герои «Приключений Гекельберри Финна».

61 И разве двусмысленности, которые связаны с тем, что отношения между героями накладываются на отношения между актерами, не составляют по меньшей мере двух третей обаяния всякого любительского театра?

«Фрейм-анализ» продолжает эту линию. Фреймы представляют собой общий теоретический ответ на аномалии, с которыми Гоффман столкнулся в своем анализе ситуаций. Театр, говорит он, представляет собой особый фрейм, в котором две ситуации могут сосуществовать, не смешиваясь. Мы способны разделить представление как повествование и представление как событие; актера, потерявшего дар речи, и актера, играющего героя, потерявшего дар речи. Внимательный читатель найдет также в ППМ значительное число примеров использования терминологии, которая десять лет спустя появится во «Фрейм-анализе» («...боксеры соприкасаются перчатками или фехтовальщики — рапирами, чтобы поместить текущую встречу, так сказать, в спортивные кавычки или рамку (frame)»).

И тем не менее в ранних 1970-х в стиле Гоффмана что-то действительно меняется. Во «Фрейм-анализе» проступают нетипичные попытки обобщить сделанное прежде; несмотря на смену тематики, Гоффман в первой главе впервые обильно цитирует собственные прежние работы и — впервые после диссертации — делает нечто вроде нормального обзора литературы со ссылками на своих предшественников и оппонентов. «Фрейм-анализ» явно задумывался как *opus magnum*. Гоффман очевидно пытается сыграть роль конвенционального теоретика, от которой он прежде демонстративно отрекся, и вступить в права наследника Парсонса.

Времена, однако, настали другие. Авторская персона Гоффмана с его хамфрибогартовскими интонациями и позой иронического наблюдателя, который высмеивает предрассудки равных себе, но вовсе не притворяется, что готов поменяться местам с неравными, оказывается очевидным атавизмом. Социологи поздних 1960-х примеряют на себя роли радикальных критиков и, хотя большинство из них никогда не позволит себе никакого радикализма, способного помешать получению пожизненного контракта, проецируемая ими академическая идентичность сменилась. Гоффмана ретроспективно вос-

хваляют как критика карательной психиатрии и защитника стигматизированных (которым его можно назвать лишь с очень большими оговорками)⁶². Кажется, что он пытается поймать и эту волну и пишет «Гендерную рекламу»⁶³ — но теперь его голос становится лишь одним из голосов в хоре.

Параллельно с этим эмпирическая аргументация Гоффмана начинает казаться архаичной. Вырезки из газет на фоне множественных регрессий или транскриптов по Джефферсон выглядят допотопными, а анекдоты из собственной жизни — годными разве что для популярных лекций. Учениками Гоффмана, бежавшими к Гарфинкелю, овладевают мечты о высокотехнологичном анализе повседневных взаимодействий, который для них ассоциируется с конверсационным анализом. Гоффман реагирует на это, вновь возвращаясь к истокам (недаром первой фразой в его диссертации было «Это анализ речевого взаимодействия»), и его социолингвистические работы часто трактуются как безнадежная попытка соревноваться с собственными бывшими учениками. ППМ и здесь оказывается точкой отсчета. В «Формах речи» обширно

62. Отношение Гоффмана к антипсихиатрии было и остается предметом дебатов. Основная интерпретация состоит в том, что он отказывался писать о психическом заболевании иначе как в кавычках до тех пор, пока лично не соприкоснулся с ним — его первая жена страдала психическим расстройством и покончила с собой (*Shalin. Goffman's Biography*). Однако, уже в работах 1950-х годов мы находим скорее скрытый за эпатажем меланхолический фатализм, чем праведный гнев: да, то, что мы наблюдаем в клиниках, ужасно, но Общество требует от нас (особенно некоторых из нас) подобных жертв. Сказав, что происходящее в клиниках столь унижительно и нестерпимо, что нормальному человеку остается только вести себя как сумасшедшему, чтобы показать, что он все-таки нормален, Гоффман на следующей странице сообщает, что каковы бы ни были эффекты заключения для пациента, они оказывают обществу важную службу, стоя на страже порядка взаимодействия.

63 *Erving Goffman. Gender Advertisements* (Cambridge: Harvard University Press, 1979).

используется аппарат, впервые развитый именно там⁶⁴. Так, «Крики о помощи» (Response Cries) развивают сделанное в ППМ наблюдение, что индивид, пойманный на ошибке, стремится минимизировать ущерб своему Self, показав хотя бы, что он осознаёт свой промах и удивлен им. «Footing» (термин, который я даже не буду пытаться перевести) развивает дальше различия между сертифицированными участниками ситуации и посторонними, которые просто оказались в ней. Гоффман пытается переформулировать социолингвистику на основании своей теории взаимодействия.

Ни одно из этих направлений не становится желанным прорывом. «Фрейм-анализ» оказывается часто цитируемой и плохо воспринимаемой книгой; в 99 случаях из 100 «фрейм» можно с успехом заменить «определением ситуации». Гендерные и социолингвистические работы оставляют след в своих областях, но не определяют их развития. Для своего последнего выступления, которое, как Гоффман знал, должно прозвучать уже после его смерти, он выбирает тему, возвращающую его назад, на Анст, и к исследованию поведения в публичных местах: порядок взаимодействия. Мы не знаем и наверняка никогда не узнаем, было ли ППМ его любимым детищем. Но именно к нему Гоффман вновь обратился в момент, когда надо было обозначить собственное место в истории социальных наук.

64 *Erving Goffman. Forms of Talk* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981).

Поведение в публичных местах

Благодарности

Значительная часть материала для данной работы была собрана в 1954–1957 годах, когда я работал приглашенным сотрудником Лаборатории социально-экологических исследований Национального института психического здоровья. Материал, касающийся психиатрических лечебниц, был получен главным образом в ходе годовичного включенного наблюдения социальной жизни психически больных пациентов, проводившегося под эгидой лаборатории в 1955–1956 годах. Я признателен тогдашнему руководителю лаборатории Джону Э. Клаузену, а также доктору Уинфреду Оверхолстеру, в то время — суперинтенданту Больницы св. Елизаветы (г. Вашингтон, округ Колумбия), за предоставленную ими полную свободу наблюдать все, что я пожелаю, и публиковать записи об увиденном. Я также признателен Обществу исследований экологии человека, поддержка которого позволила мне провести лето 1959 года, работая над рукописью, и Центру интеграции социально-научной теории Калифорнийского университета, при посредничестве которого я был освобожден от преподавания в 1958–1960 годах для продолжения работы над рукописью.

Я также хотел бы выразить свою признательность Дэвиду Шнайдеру, Шарлотте Грин Шварц, Грегори Стоуну и Фреду и Марсии Дэвис за огромную помощь на первых этапах подготовки данной работы.

Часть I

ВВЕДЕНИЕ

Глава 1

Проблема

Диагностируя психическое заболевание и наблюдая за его течением в больничных условиях, психиатры обычно обращают внимание на те аспекты поведения больного, которые «неуместны в данной ситуации». Поскольку считается, что данная разновидность неподобающих действий выступает одним из очевидных признаков «психического нездоровья», психиатры уделяли много внимания подобным нарушениям приличий, вырабатывая подходы и навыки наблюдения, нужные для их изучения, подробно описывая их, пытаясь понять смысл, который в них вкладывает больной, и сражаясь за право обсуждать их в академической печати — право, которое не очевидно, поскольку многие из этих нарушений часто незначительны, маловразумительны или беспорядочны. Мы, социологи, должны быть благодарны за этот урожай, тем более, что он собран заботливыми руками. Мы можем выразить свою признательность, постаравшись пустить его в оборот на нашем собственном рынке в обмен на некоторые наблюдения по поводу социальных ситуаций, когда-то давно доставшиеся нам от антропологов.

В большинстве своем, психиатрические исследования нарушений ситуационных приличий фокусировались на нарушителе, а не на попранных им правилах и оскорбленных социальных группах. Однако этими исследованиями психиатры невольно заставили нас уделить больше внимания важной области социальной жизни — поведению в публичных и полупубличных местах. Хотя данная область прежде не была предметом специальных социологических исследований, вероятно, она должна стать тако-

вым, поскольку правила поведения на улицах, в парках, в ресторанах, в театрах, в магазинах, на танцплощадках, в конференц-залах и в прочих местах для сборищ того или иного сообщества говорят нам очень многое о наиболее диффузных формах его социальной организации.

У социологии нет готовой теоретической рамки, способной упорядочить эти данные, не говоря уже о том, чтобы показать отличия и сходства с поведением в частных местах для сборищ, вроде офисов, заводских цехов, гостиных и кухонь. Правда, один из элементов «коллективного поведения» — бунты, толпы, паника — стал предметом исследований. Но остальной части — повседневным передвижениям и организации повседневных социальных контактов — уделялось мало внимания. Например, хорошо известно, что при благоприятных условиях мирный поток пешеходов может внезапно превратиться в толпу. Но мало кого интересовал вопрос, какова структура этого мирного взаимодействия, когда оно не связано с формированием толпы. Цель данной работы — попробовать разработать такую теоретическую рамку. Часть данных была получена в ходе исследования психиатрической больницы¹ (далее именуемой «Центральная больница»), часть — в ходе исследования локального сообщества на одном из Шетландских островов² (далее именуемом «Шетландский остров»), часть взята из руководств по этикету и часть — из папки, в которую я собираю цитаты, показавшиеся мне интересными. Многие из этих данных имеют, очевидно, сомнительную ценность, а мои интерпретации некоторых из них можно определенно поставить под вопрос, но я по-

1 Больница св. Елизаветы (г. Вашингтон, округ Колумбия). Это федеральная больница на 7000 коек, функционирующая главным образом в качестве государственной психиатрической больницы округа Колумбия.

2 Община из 300 человек, ведущая натуральное фермерское хозяйство. Изучалась в общей сложности год, в 1949–1951 годах, и частично описана в: *Erving Goffman. Communication Conduct in an Island Community*. PhD dissertation (University of Chicago, Department of Sociology, 1953).

лагаю, что нестрогий спекулятивный подход к фундаментальной области поведения лучше, чем строгая слепота к ней.

Я буду опираться на известное различие одобряемых действий и действий, которые кажутся неподобающими. Эта простая дихотомия используется для экономии изложения, поскольку позволяет мне обойти неразрешимые проблемы и перейти к тем, которые можно решить. Но прежде чем воспользоваться данным правом, нужно рассмотреть некоторые вопросы, на обсуждение которых оно распространяется.

Хотя ряд иллюстраций, использующихся в настоящей работе, почерпнут из источников, имеющих дело с незападным обществом, в своем личном опыте я сталкивался преимущественно с поведением представителей среднего класса в некоторых регионах Америки, поэтому мои комментарии касаются в основном его. Безусловно, действие может быть подобающим или неподобающим только с точки зрения конкретной социальной группы, причем даже внутри самых мелких и сплоченных групп скорее всего существуют определенные разногласия и сомнения. Степень разногласия или согласия в группе относительно приемлемости действия и даже границы самой группы должны устанавливаться не с моих слов, а исключительно посредством систематического эмпирического исследования. Настоящая работа, однако, полна такого рода ничем не подкрепленных утверждений. Но эту открыто признаваемую мной слабость не следует путать с той, которую я не признаю: нигде в данной работе я не пытаюсь показать, что я лично считаю некоторое действие подобающим или неподобающим, хотя подчас метод изложения может производить такое впечатление.

Именно в контексте обращения к среднему классу как отправной точке я хочу объяснить использование цитат из руководств по этикету. Когда миссис Эмили Пост*

* Здесь и далее места, обозначенные астериском, см. в затекстовых примечаниях. — *Прим. перев.*

высказывается о том, как должен вести себя воспитанный человек и как, вследствие этого, должны себя вести все прочие, социологи нередко чувствуют себя задетыми. Их неприязнь к миссис Пост обосновывается тем, что она не приводит почти никаких доказательств того, что круг людей, о котором она говорит, обладает каким-либо статистическим или общественным весом, что его представители действительно ведут себя так, как она утверждает, или даже что эти — или какие-либо другие — люди считают, что так *следует* себя вести.

Но подобные сомнения наделяют авторов руководств по этикету гораздо более развитыми творческими способностями, чем те имеют. Хотя авторы подобных книг и не осуществляют эмпирическую проверку своих заявлений о том, что считается подобающим, мне кажется, они все равно описывают некоторые нормы, *влияющие* на поведение наших средних классов, пусть даже во многих случаях доминируют другие факторы. Кроме того, эти книги представляют собой один из немногочисленных источников подсказок относительно структуры публичного поведения в Америке. На мой взгляд, главным препятствием для использования подобных книг в качестве источника социологических данных является не необоснованность содержащихся в них суждений — суждения всегда можно проверить в ходе исследования, — а скорее то, что эти книги лишь каталогизируют приличия, вместо того чтобы анализировать систему норм, лежащую в их основе.

В Америке лишь немногие социологи, вроде У. Ллойда Уорнера*, и некоторые историки, вроде Артура М. Шлезингера³, уделяли внимание руководствам по этикету; еще меньше мне известно психиатров, считающих, что они имеют дело с теми же вещами, о которых говорится в этих книгах. Между тем, можно утверждать, что в руководствах по этикету содержатся едва ли не лучшие указания на то,

3 См. в частности: *Arthur M. Schlesinger. Learning How to Behave* (New York: Macmillan, 1946).

как можно систематически понимать наблюдаемое поведение психически больных пациентов в больницах и за их стенами, а также реакцию окружающих на это поведение.

Использование наивного различия между одобряемым и неодобряемым поведением связано еще с одной проблемой, помимо его обоснованности, а именно с тем, что само понятие одобрения отнюдь не прозрачно и охватывает множество плохо изученных переменных.

Одна из переменных связана с интенсивностью одобрения приверженности правилу. Совершение некоторых одобряемых действий, например демонстрация героизма или невероятной сноровки, встречается аплодисментами. Другие действия остаются незамеченными и не становятся чем-то значительным, например, когда американская старшеклассница, вместо того, чтобы надеть под туфли нейлоновые чулки, надевает белые гольфы⁴.

Вторая переменная связана с последствиями неспособности придерживаться правила. На одном полюсе находятся редко совершаемые действия, не требуемые и не ожидаемые. Некоторые из них приводятся в руководствах по этикету в качестве примеров педантичной учтивости, призванных скорее олицетворять идеалы, наличие которых в обществе представляется желательным, чем давать рецепты для повседневной жизни. На другом полюсе находятся обязательные действия, вроде оплаты штрафов, уклонение от выполнения которых может привести к тюремному заключению. Между этими двумя полюсами располагаются «терпимые» действия, вызывающие лишь сдержанный хмурый взгляд и представляющие собой нарушения, на которые оскорбленное лицо, учитывая обстановку, не должно обращать внимания.

Но эти две переменные — тип одобрения и тип неодобрения, в их различных комбинациях — не исчерпывают всей картины. Все усложняется еще и тем, что две эти пере-

4 C. Wayne Gordon. *The Social System of the High School* (Glencoe: Free Press, 1957). P. 118.

менные часто отсылают не к конкретным типам действий, вроде приподнимания шляпы при встрече с леди, а к классам действий, элементы которых феноменально различны, однако нормативно эквивалентны и взаимозаменяемы в имеющейся обстановке. Причем сами эти классы имеют разный объем. К примеру, требование «формального стиля одежды» может обязывать женщину надеть ее единственное вечернее платье, тогда как требование «послеобеденного стиля одежды», представляющее собой столь же нормативное условие, она может соблюсти с помощью, как ей представляется, свободного выбора между тремя ансамблями. Свобода выбора в пределах класса требуемого поведения может скрывать от индивида ограничение, касающееся класса в целом.

Так что понятно, сколько вреда может нанести приравнение двух ситуаций на том основании, что в каждой из них «одобряется» одно и то же действие, поскольку одобрение может означать довольно разные вещи. Я могу лишь отметить, что в настоящей работе центральное место будет занимать один тип одобряемых действий — «негативно выделяющиеся» действия, которые вызывают негативные санкции в случае их неосуществления, но, если осуществляются, не воспринимаются в качестве чего-то примечательного.

Здесь следует добавить одно предварительное концептуальное замечание. Сегодня в социальных науках широко используется концептуальная модель «закрытой естественной системы». Такая система конкретного поведения предполагает дифференциацию действий, интеграция которых друг с другом ведет к возникновению обобщающих функций, поддерживаемых посредством равновесия связей между действиями, входящими в систему. Предполагается, что равновесие может быть разного вида — самонастраивающимся, подвижным и т. п.

Менее сложная концептуальная модель — «игра». В стандартном типе игр с «нулевой суммой» происходит упорядоченный обмен ходами между небольшим чис-

лом команд, и эти ходы осуществляются в соответствии с ограничивающими правилами. Ходы, сделанные одной командой, складываются в единую цепочку попыток сорвать замысел других команд, в результате чего вся игра оказывается единой развивающейся историей взаимно ориентированных антагонистических действий⁵.

В настоящей работе я предлагаю использовать гораздо более простую, но при этом более общую теоретическую рамку, нежели рамка естественной системы или игры: модель «социального порядка». Если коротко, социальный порядок можно определить как результат любой совокупности моральных норм, регулирующей способ достижения людьми целей. Совокупность норм не предопределяет, к каким целям должны стремиться участники и какая структура должна формироваться вследствие координации или интеграции этих целей; она определяет лишь способы их достижения. Очевидный пример — правила дорожного движения и производный от них порядок дорожного движения. Любая социальная система или любая игра может быть вполне адекватно рассмотрена как случай социального порядка, хотя перспектива социального порядка не позволяет нам понять, что же специфически системного в системах или игрового в играх.

По-видимому, существует множество типов социального порядка, важными примерами которых являются правовой порядок и экономический порядок. В пределах каждого такого порядка простое поведение преобразуется в соответствующий тип деятельности. Разумеется, конкретные действия обычно осуществляются в соответствии с нормами более чем одного из этих порядков.

В настоящем исследовании я попробую рассмотреть только один тип норм — те, которым подчиняются отношения человека с самим собой и с другими в ходе и в силу его непосредственного физического присутствия среди

5 Существуют игры с «ненулевой суммой», предполагающие координацию и сотрудничество, но анализ такого рода игр обычно начинается с анализа игр с нулевой суммой.

них. Это будет предполагать изучение так называемого взаимодействия лицом к лицу или непосредственного взаимодействия.

Здесь необходимо сделать замечание относительно термина «публичный». Нормы, поддерживающие традиционно определяемый публичный порядок, регулируют не только взаимодействие лицом к лицу, но и то, что не требует прямого контакта между людьми. Например, в эпоху Средневековья существовало требование (часто не выполнявшееся) не выпускать своих свиней на улицы⁶, хотя там для них было много пищи, а также обязанность гасить лампы и очаги к определенному часу, чтобы не создавать угрозу пожара в городе⁷. Сегодня домовладелец обязан поддерживать свои дорожки и проезды в исправном состоянии и не загрязнять принадлежащую ему городскую землю ядовитыми отходами. Кроме того, публичный порядок традиционно соотносится скорее с регулированием взаимодействия лицом к лицу между теми членами сообщества, которые не очень хорошо знакомы, чем с регулированием взаимодействия, происходящего в обнесенных стенами частных местах, в которых встречаются только знакомые друг с другом люди. Традиционно «публичными местами» называют любые области внутри пространства, занимаемого сообществом, доступ к которым открыт для всех членов этого сообщества; «частными местами» называют звуконепроницаемые области, в которых могут собираться только свои или приглашенные. Забота о традиционно понятом публичном порядке проявляется, лишь когда частное собрание начинает доставлять неудобство соседям. Хотя я буду употреблять данные термины таким традиционным образом, следует иметь в виду, что им не приписывается никакого особого аналитического значения. При исследовании *grupp* различие

6 *Goronwy Tidy Salusbury*. Street Life in Medieval England (Oxford: Pen-in-Hand, 1948). P. 65–69.

7 Curfew // *Encyclopaedia Britannica*. 14th ed. Vol. 6 (London: Encyclopaedia Britannica, 1947). P. 873–874.

между первичными и вторичными группами и между приватными и публичными местами встреч может быть важным, но при исследовании *сборищ* все случаи совместного присутствия двух или более людей можно продуктивно считать изначально образующими один класс.

Таким образом, мы будем иметь дело с компонентом поведения, который играет роль в физических обменах между людьми. Хотя может показаться, что эта сторона поведения малозначительна, что это лишь вопрос этикета и манер, всегда находились авторы, вроде делла Каза, отмечавшие, что она важна, и объяснявшие, почему она важна:

Ибо хотя, бесспорно, великодушие, преданность и сила духа — более благородные и достойные похвалы качества, нежели обаяние и обходительность, все же учтивость и надлежащая манера речи и поведения могут вознаграждать их обладателей не меньше, чем иных вознаграждает благородство и верность. Так как любому из нас приходится каждодневно встречаться с другими людьми и вести с ними беседы, мы вынуждены пользоваться своими манерами по многу раз на дню. Справедливость же, храбрость и прочие добродетели более высокого и благородного рода необходимы гораздо реже. Нам нет нужды ежечасно практиковаться в великодушии или милосердии, да и вряд ли кто-нибудь смог бы это делать, равно как и от наделенных мужеством и силой редко требуется подтверждать свою доблесть делами⁸.

Прежде чем продолжить, следует остановиться на ряде готовых ответов на вопрос о подобающем публичном поведении.

Существует множество социальных обстановок, в которых запрещается появляться людям определенного статуса. Обычно это делается, чтобы воспрепятствовать нарушению личных границ, заражению вредными организациями и физическому насилию.

Например, правила, касающиеся несанкционированных вторжений, запрещают доступ посторонних в частное

8 *G. della Casa. Galateo* / Transl. R. S. Pine-Coffin (London: Penguin Books, 1958). P. 21–22.

жилище в любое время, а в участвующее — в нерабочие часы. Менее известны многочисленные постановления, касающиеся права присутствовать в открытых, не обнесенных стенами публичных местах. Например, в XIX веке в Лондоне отдельным категориям лиц запрещалось находиться в некоторых парках, а простолюдины неформально исключались из верховых прогулок, к примеру, по Роттен-Роу*; в исламских городах, построенных по принципу *quartier**, жители должны оставаться в своем квартале после наступления темноты; при военном положении вводятся временные запреты на появление после захода солнца; молодежи до определенного возраста запрещено появляться в ночное время без сопровождения взрослого; в школах-интернатах ограничивается право выходить в город позже определенного часа; в армии доступ некоторых категорий военнослужащих в определенные места запрещен или ограничен; существуют неформальные полицейские предписания, требующие осуществлять расовую сегрегацию ночью на улицах в избранных районах города.

Очевидно, там, где существуют подобные правила, само присутствие индивида в некотором месте, вне зависимости от его поведения, говорит либо о том, что он обладает правом доступа, либо о том, что он ведет себя неподобающе. Здесь мы обнаруживаем один из мотивов, стоящих либо за желанием попасть в определенное место, либо за желанием не быть застигнутым в нем.

Я сказал, что во многих ситуациях определенные категории лиц могут не иметь права там находиться, и что если они там все же находятся, это само по себе является неподобающим действием. Однако здравый смысл говорит нам кое-что и о тех, у кого право присутствовать есть. Похоже, во всех ситуациях существует исключительно ситуационное правило поведения, обязывающее участников «вписываться». Вероятно, слова, которые говорят ребенку во время его первого посещения ресторана, справедливы для всех и всегда: нужно вести себя «хорошо», не устраивать сцен и не создавать никому неудобств; нельзя

привлекать к себе чрезмерное внимание, навязываясь собравшимся или слишком отгораживаясь от них. Нужно соответствовать духу или этосу ситуации; нельзя вести себя *de trop** или невпопад. Могут складываться даже обстоятельства, когда от индивида будет требоваться действовать так, словно он вписывается в ситуацию, хотя он и некоторые из присутствующих знают, что на самом деле это не так; ради сохранения гармонии в ситуации он должен подвергнуть себя опасности и риску, притворившись, что по праву находится там, где в действительности ему не место. Превосходный пример содержит одна из первых американских книг по этикету:

Доведись вам нанести вечерний визит в дом, где без вашего ведома собралась небольшая компания, вы должны войти и представиться так, словно были приглашены. *Стремительно* ретироваться, извинившись за вторжение, значило бы устроить *сцену* и повести себя крайне некрасиво. Поэтому обменяйтесь несколькими непринужденными фразами и тогда уже ретируйтесь. Позаботьтесь о том, чтобы на следующий день стало известно и обязательно дошло до хозяев дома, что вы не были осведомлены о том, что там будет компания⁹.

Безусловно, социальные группы различаются между собой тем, насколько отчетливо их члены мыслят в подобных категориях и какие фразы они используют при этом, но, по-видимому, все группы заботятся о подобном «вписывании».

Понятие «вписывания» связано и с еще одним соображением, подсказываемым здравым смыслом, — с тем, что подобающее в одной ситуации может быть явно неподобающим в другой. Иногда базовый общий настрой индивида — если он у него действительно есть — должен уступать требованиям ситуации. Эта тема обсуждается в социологической литературе под рубрикой «ситуационного детерминизма»; например, в исследованиях расовых

9 *A Gentleman. The Laws of Etiquette* (Philadelphia: Carey, Lee & Blanchard, 1836). P. 77–78.

отношений указывается, что кастоподобные табу в одной сфере жизни могут сосуществовать с эгалитаризмом в других сферах, хотя речь идет об одних и тех же людях¹⁰.

Но здесь перед нами, безусловно, лишь начало исследования, а не конец. Хотя индивид может вести себя определенным образом исключительно в силу ощущаемой им необходимости поступать подобающе, это говорит нам лишь об одном из возможных мотивов, заставляющих подчиняться правилу. Мы все еще не знаем, *почему* эта конкретная форма поведения получает одобрение, т. е. каковы исторические истоки правила и какова его нынешняя социальная функция. Чтобы ответить на эти вопросы, мне придется зайти издалека.

10 См., например: *Joseph D. Lohman, Dietrich C. Reitzes. Note on Race Relations in Mass Society // American Journal of Sociology. 1952. Vol. 58. № 3. P. 240–246; Charles Rogler. Some Situational Aspects of Race Relations in Puerto Rico // Social Forces. 1949. Vol. 27. № 1. P. 72–77.*

Глава 2

Вводные определения

Обмен словами и взглядами между индивидами, находящимися в присутствии друг друга, — чрезвычайно распространенная социальная практика, однако выявить ее отличительные коммуникативные свойства непросто. Тут не обойтись без обстоятельных определений.

Индивид может передавать информацию с помощью лингвистических средств, формально выработанных для этой цели в обществе, т. е. с помощью речи или ее общепринятых заменителей, вроде письма и изобразительных знаков либо жестов. В этом случае говорят, что индивид отправляет сообщения тому, кто их получает. Но индивид может также передавать информацию экспрессивно, через побочный симптоматический смысл событий, связанных с ним. В таком случае можно сказать, что он излучает, испускает или выдает информацию тому, кто ее собирает. Лингвистические сообщения могут говорить «о» чем угодно в мире, и при этом отправитель и тема не обязательно связаны между собой, совпадая, только когда произносятся автобиографические высказывания. Экспрессивные сообщения неизбежно говорят «о» том каузальном физическом комплексе, частью которого является инструмент передачи информации. Консенсус относительно смысла лингвистических сообщений, по-видимому, более прочен, чем консенсус относительно смысла экспрессивных сообщений. Лингвистические сообщения можно переводить, хранить и приводить в качестве юридических доказательств; индивида, передающего экспрессивные сообщения, обычно нельзя сделать юридически ответственным за них, так как обычно он может отрицать,

что имел в виду то, что показалось окружающим. Лингвистические сообщения кажутся произвольными и преднамеренными; экспрессивные сообщения, напротив, часто должны сохранять видимость того, что они необдуманны, спонтанны и произвольны, каковыми они в некоторых случаях и являются¹. Любое лингвистическое сообщение содержит некоторую экспрессивную информацию, а именно информацию о том, что отправитель отправляет сообщения. Так или иначе, в большинстве конкретных сообщений сочетаются как лингвистические, так и экспрессивные компоненты, пропорция которых существенно различается от сообщения к сообщению.

Предоставляемая индивидом информация, как отправляемая, так и испускаемая, может быть *телесной* либо *нетелесной*². Хмурый взгляд, произнесенное слово или пинок — это сообщение, посылаемое отправителем с помощью его *текущей* телесной активности; при этом передача происходит, только пока присутствует тело, обеспечивающее эту активность. Нетелесные сообщения, например те, которые мы получаем от писем и присланных по почте подарков или которые охотник получает от следов отсутствующего в данный момент животного, требуют, чтобы организм использовал нечто, способное удерживать и сохранять информацию еще долго после того, как он прекратил ее отправлять. Предметом настоящего исследования будет только телесная информация.

Судя по всему, в разговорном английском языке нет глагола, охватывающего деятельность всех чувств — зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания, — которые составляют приемную аппаратуру, позволяющую индивиду получать информацию. В результате одни термины, вроде «воспринимать» (отсылающего в основном к зрению),

- 1 Дихотомия «произвольный—непроизвольный» — одна из наименее прозрачных в нашем деле. Позже в настоящей работе я попытаюсь указать на некоторые проблемы, создаваемые ею.
- 2 Ср. использование этих терминов в: *Thomas S. Szasz. The Myth of Mental Illness* (New York: Hoeber-Harper, 1961). P. 116ff.

приходилось употреблять в более широком смысле, а значение других, вроде «испытывать», — сужать. Ряд терминов, например «аудировать» и «мониторить», пришлось изобрести.

Наши повседневные представления об органах получения информации предполагают, что обычно они используются «невооруженно» или «прямо». Это, очевидно, влечет за собой ограничения на применение усилителей, — механических, химических или электрических, — за исключением тех, которые позволяют индивиду с дефектными органами чувств вернуть себе обычные, не расширенные способности. Например, разрешены очки, но не бинокли, слуховые аппараты, но не микрофоны. Электрическое освещение допускается потому, что оно просто делает комнату соответствующей стандартам дневного освещения.

Когда кто-то говорит, что воспринимает другого невооруженными органами чувств, обычно имеется в виду получение телесных сообщений. Эта связка, с одной стороны, невооруженных органов чувств и, с другой, телесной передачи информации представляет собой одно из важнейших коммуникативных условий взаимодействия лицом к лицу. При соблюдении этого условия любое сообщение, посылаемое индивидом, скорее всего, будет квалифицироваться и модифицироваться с учетом многочисленной дополнительной информации о нем, одновременно собираемой другими, часто без его ведома; кроме того, оно позволяет посылать множество коротких сообщений.

Конечно, иногда индивид может получать телесные сообщения посредством невооруженных органов чувств, не опасаясь превращения коммуникативных ролей, как в случае, когда он подсматривает за людьми через отверстие в стене или подслушивает за ними через тонкую перегородку³. Такие асимметричные отношения могут

3 Такого рода асимметричные коммуникативные отношения (не взирая на случай Полония), безусловно, более практичны, когда используются усилители, вроде скрытых микрофонов. На Шет-

даже быть обязательной частью рабочей обстановки, как в случае психоаналитиков или священников, наблюдающих за своими клиентами так, что их самих наблюдать при этом затруднительно. Но обычно, используя невооруженные органы чувств для получения телесных сообщений от окружающих, индивид одновременно делает себя доступным для них в качестве источника телесной информации (хотя, видимо, эти возможности мониторинга всегда будут использоваться неравномерно). Таким образом, здесь мы имеем дело со вторым принципиальным коммуникативным условием взаимодействия лицом к лицу: не только получение и передача информации носят невооруженный и телесный характер, но и каждый передающий сам является получателем, а каждый получатель — передающим.

Эта вторая характеристика имеет основополагающее значение. Во-первых, зрение начинает приобретать особую дополнительную роль. Каждый индивид может *видеть*, что он каким-то образом воспринимается, и он будет осуществлять по крайней мере некоторую часть своего поведения в соответствии с тем, кем его воспринимает и как на него первоначально реагирует аудитория⁴. Кроме того, другие могут видеть, что он это видит, а он

ландском острове для незаметного наблюдения за соседями обычно применялись карманные подзорные трубы. Это позволяло постоянно справляться, на какой фазе годового цикла сельскохозяйственных работ находятся сейчас соседи и кто к кому ходит в гости. Подобное использование подзорной трубы очевидно связано с физической дистанцией между фермами, с отсутствием деревьев и других препятствий для рассматривания с большого расстояния и с сильными морскими традициями островов. Можно добавить, что для любого сообщества и даже любого рабочего места характерны свои особые коммуникативные конфигурации.

- 4 В асимметричном случае, когда за человеком открыто или скрыто шпионят, он может существенно менять свое поведение, если подозревает, что за ним наблюдают, даже если не знает, кто именно может наблюдать за ним. Это одна из возможностей, которую увековечил Оруэлл в романе «1984», и она же представляет собой одну из сил, позволяющих социально контролировать людей, когда те находятся наедине с собой.

может видеть, что другие увидели, что он это видит. Поэтому обычно использовать наши невооруженные органы чувств — значит использовать их безоружно и разоружаться вследствие их использования. Нас явно считают авторами наших действий, и у нас очень мало шансов опротестовать свое авторство; и передачу, и получение сообщений сложно отрицать, по крайней мере среди непосредственно вовлеченных лиц⁵.

Здесь проявляет себя фактор, о котором много писали Адам Смит, Чарльз Кули* и Дж. Г. Мид*, а именно особая обоюдность непосредственного социального взаимодействия. Имеется в виду, что, когда два человека находятся вместе, по крайней мере какая-то часть их мира будет основываться на том (и выстраиваться с учетом того), что адаптивное направление действий одного будет сталкиваться либо с обдуманной поддержкой со стороны другого, либо с его обдуманным сопротивлением, либо с тем и другим одновременно, и что любое направление действий должно всегда реализовываться в таком разумно помогающем и мешающем мире. Индивиды симпатически перенимают установку присутствующих, вне зависимости от цели, для достижения которой они используют полученную подобным образом информацию⁶.

5 Когда к телефонам добавится приемопередающее телевидение, уникальные свойства прямого взаимодействия наконец станут доступны и для тех, кто находится на большом расстоянии друг от друга. В любом случае, эти опосредованные формы удаленной коммуникации можно охарактеризовать в соответствии со степенью, в которой они ограничивают или ослабляют обсуждаемые здесь коммуникативные возможности.

6 Как говорит Роберт Э. Парк в работе «Человеческая природа и коллективное поведение», «в человеческом обществе каждый акт каждого индивида стремится стать жестом, ибо то, что человек делает, всегда указывает на то, что он намеревается сделать. Благодаря этому, индивид в обществе ведет более или менее публичное существование, в котором все его акты предвосхищаются, контролируются, сдерживаются или модифицируются жестами и интенциями других. Именно в этом социальном конфликте, в котором каждый индивид живет в той или иной степени в разуме каждого

Я рассмотрел две отличительные характеристики взаимодействия лицом к лицу: насыщенность потока информации и предоставление обратной связи. Я полагаю, что эти характеристики имеют достаточно большое структурное значение, чтобы служить аналитическим обоснованием особого внимания, которое в настоящей работе уделяется социальным нормам, регулирующим поведение людей, непосредственно предстающих друг перед другом.

Физическая дистанция, с которой один человек может воспринимать другого посредством невооруженных органов чувств, — тем самым устанавливая, что другой находится «в пределах досягаемости», — меняется в зависимости от множества факторов: используемого органа, наличия препятствий, даже температуры воздуха. На Шетландском острове посетители с материка, гуляющие холодным вечером вдоль пустынного залива и смеющиеся слишком громко по строгим местным меркам, могут заставить шетландцев, живущих в восьми милях оттуда, недоуменно поднять брови. И наоборот, когда индивид шепчет или выразительно показывает что-то глазами, его тело действует в качестве барьера, эффективно ограничивающего обычную сферу распространения чувственных сигналов, так что получателями становятся лишь те, кто находится очень близко либо прямо напротив.

Однако полный набор условий *соприсутствия* соблюдается лишь в узком спектре обстоятельств: люди должны ощущать, что они находятся достаточно близко друг к другу, чтобы было видно, чем они занимаются, в том числе — что они воспринимают других, и достаточно близко, чтобы было видно, что они чувствуют, что их воспринимают. В нашем обнесенном стенами западном обществе обычно ожидается, что эти условия выполня-

другого, человеческая природа и индивид могут приобретать свои наиболее характерные, наиболее человеческие черты» (Роберт Э. Парк. Человеческая природа и коллективное поведение // Роберт Э. Парк. Избранные очерки / Пер. с англ. Владимира Николаева [Москва: ИНИОН, 2011]. С. 62).

ются на всем пространстве комнаты и действительны для всех присутствующих в ней. На улицах (и в других относительно свободно доступных местах) выделить область пространства, о которой можно сказать, что в ней доминирует взаимное присутствие, сложнее, поскольку люди, находящиеся в разных местах улицы, могут иметь возможность наблюдать и быть объектом наблюдения несколько разных множеств других людей. Если не учитывать эту оговорку, я буду называть *сборищем* любую совокупность двух или более индивидов, к которой относятся те и только те, кто в данный момент находится в непосредственном присутствии друг друга. Под *ситуацией* я буду понимать всю пространственную среду, в любой точке которой появляющийся человек становится членом имеющегося (или образующегося вследствие этого) сборища. Ситуации возникают, когда начинается взаимный мониторинг, и завершаются, когда уходит предпоследний человек. Для указания на всю протяженность любой такой единицы я буду иногда использовать термин «*ситуация в целом*».

Помимо «сборища» и «ситуации» необходимо дать предварительное определение еще одному базовому понятию. Когда люди оказываются в непосредственном присутствии друг друга, они обычно выступают в качестве участников того, что я буду называть *социальным событием*. Это более крупное социальное действие, предприятие или мероприятие, ограниченное в пространстве и времени и обычно осуществляемое с помощью стационарного оборудования; социальное событие обеспечивает структурирование социального контекста, в котором формируются, распадаются и ре-формируются многие ситуации и их сборища, и в котором некоторый шаблон поведения обычно признается уместным и (часто) официальным или предполагаемым, т. е. является, если воспользоваться термином Баркера, «устойчивым шаблоном поведения»⁷.

7 Roger G. Barker, Herbert F. Wright. Midwest and Its Children (Evans-ton: Row, Peterson, 1954). P. 7, 45-46.

Примеры социальных событий — вечеринка, рабочий день в офисе, пикник или посещение оперы.

В ходе социального события одного или больше участников могут назначать ответственными за начало действия, руководство главной деятельностью, прекращение мероприятия или поддержание порядка. Кроме того, иногда осуществляется дифференциация между полноправными участниками и различными градациями зрителей. Также между началом и концом часто устанавливается «контур вовлеченности» — линия, отмечающая возрастание и убывание общей сосредоточенности на главной деятельности данного события⁸.

Некоторые социальные события, например похороны, имеют достаточно четкое начало и конец и достаточно строгие ограничения, касающиеся состава участников и допустимых действий. Каждый класс такого рода событий обладает своим отличительным этосом, духом, эмоциональной структурой, которую следует надлежащим образом создавать, поддерживать и сворачивать; при этом участник обнаруживает, что он обязан быть поглощенным событием, каковы бы ни были его личные чувства. У этих событий, которые обычно программируются заранее, есть свой распорядок действий, распределение управленческих функций, конкретизация негативных санкций за неподобающее поведение, предустановленная последовательность фаз и кульминационный момент. Другие события, такие, как послеобеденное время в центре города во вторник, крайне диффузны и могут не восприниматься участниками в качестве чего-то, имеющего свою осязаемую эволюцию и структуру, т. е. в качестве того, что можно предвкушать и вспоминать как целостность. (Индивид способен заметить эволюцию собственного участия, но не эволюцию события в целом.) В этих случаях может быть достаточно очень удобного термина, употребляемого

8 Пример анализа социальных событий можно найти в: *David Riesman, Robert Potter, Jeanne Watson. The Vanishing Host // Human Organization. 1960. Vol. 19. № 1. P. 17–27.*

Баркером с соавторами, — «поведенческая обстановка»⁹. Разумеется, с течением времени у диффузных социальных событий могут появляться структура и направление.

Некоторые социальные события, часто называемые «несерьезными» или «развлекательными», выглядят самоцелью; индивид открыто участвует в них только ради получения удовольствия от участия. Другие события, называемые «серьезными», официально считаются лишь средствами для достижения иных целей. Наконец, некоторые события считаются «регулярными» — они составляют часть серии похожих событий, которая воспринимается чем-то единым и разворачивается в рамках ежедневного, еженедельного или годового цикла, нередко — с одними и теми же участниками. Еще один тип событий (пример — импровизированные вечеринки) составляют разовые мероприятия или мероприятия, серийный характер которых не замечается.

Использование понятия социального события сопряжено с многочисленными сложностями¹⁰, но какой-то такой термин нужен, поскольку, когда возникает сборище, это всегда происходит под эгидой более крупной сущности подобного рода. Надеюсь, позже станет ясно, что большинство норм поведения, характерных для ситуаций и их сборищ, можно связать с социальным событием, в рамках которого они возникают.

Так как разные участники социального события могут исполнять разные роли, можно отметить, что событие, для одного индивида являющееся игровым, для другого

9 *Barker, Wright. Midwest and Its Children.* P. 7–10, 45–50. Авторы дают крайне полезный обзор концептуальных проблем, связанных с применением данного термина.

10 Попытка описания общих характеристик социальных событий предпринимается в главе 9 моей работы «Коммуникативное поведение». Превосходное обсуждение связанных с этим сложностей можно найти в: *Kenneth L. Pike. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior* (Glendale: Summer Institute of Linguistics, 1954). Part 1.

может быть рабочим, как в случае гостя и официанта на вечеринке. Тем не менее, слишком сильный упор на относительности точек зрения не оправдан. Сколь бы по-разному ни относились участники к прошедшему социальному событию, они предположительно могут согласиться хотя бы в том, о каком событии идет речь. Кроме того, тот, кто вынужден работать во время события, определяемого как игровое, все равно знает, что его работа делает его одним из участников игрового, а не серьезного события, и это служит важным обстоятельством его деятельности.

Но множество социальных реальностей может находиться в одном месте и в другом смысле. Если социальная ситуация отсылает к социальному событию, задающему тон для его сборища, следует признать, что в одном и том же физическом пространстве могут происходить два разных социальных события. Тогда социальная ситуация может быть сценой потенциального или реального конфликта между двумя наборами норм, претендующими на главенство. Вспомните известный конфликт определений ситуации между летними туристами, которые бы хотели распространить отпускную неформальность на магазины в городе, и местными жителями, которые хотели бы сохранить в этих местах надлежащую деловую благопристойность. Даже в пределах одного социального учреждения можно обнаружить пересекающиеся определения ситуации. Скажем, в офисном здании или библиотеке, где поддерживается довольно строгая атмосфера, ремонтники могут воспринимать событие совершенно иначе: они могут работать в простой одежде, бегать по коридорам, когда требуется срочный ремонт, входить в комнаты, когда им нужно, кричать через весь коридор, включать портативный радиоприемник в ближайшую розетку на рабочем месте и поддерживать уровень громкости разговора, совершенно непозволительный для сотрудников. Здесь мы сталкиваемся с чем-то большим, нежели разные роли в рамках одного события, поскольку никакой главной деятельности нельзя отдать приоритет, по крайней мере

в краткосрочной перспективе. Социальные ситуации, возникающие в подобных смешанных поведенческих обстановках, поддерживают сборища, обладающие особым типом нормативной дезорганизации.

Возможность того, что одно и то же физическое пространство окажется занято более чем одним социальным событием и тем самым станет локусом более чем одного набора ожиданий, регулярно осознается в обществе и обычно ограничивается. Например, если взять важный случай улиц, в западном обществе наблюдается тенденция определять эти места в качестве сцены приоритетного социального события, которому должны подчиняться остальные события. Тогда потенциально конкурирующие определения ситуации уступают место некоторой разновидности публичной благопристойности. Безусловно, время от времени эту благопристойность разрушают парады, политические митинги, свадебные и похоронные процессии, машины скорой помощи и пожарные грузовики, которые ненадолго завладевают ушами публики.

Далее мы будем рассматривать в основном именно ситуации и их сборища, а не социальные события, но для этого нужно ввести несколько терминов, которые помогут нам отделить релевантное от нерелевантного в ситуациях.

Термином «*ситуативный*» можно обозначить любое событие, разворачивающееся в физических границах ситуации. Соответственно, второй участник любой сцены превращает все, что делает он сам и что делает уже присутствующий там индивид, в ситуативную деятельность, хотя при этом может не происходить заметных изменений в том, каким образом уже присутствующий продолжает делать то, что он делал ранее. Фактически, новоприбывший превращает одинокого индивида и себя в сборище.

Когда мы наблюдаем за ситуативной деятельностью, мы часто обнаруживаем, что один из ее компонентов вполне может появляться и за пределами ситуаций, в отсутствие людей или при наличии только одного человека. Так, *некоторую* часть того, что теряет индивид, когда становится

жертвой вооруженного ограбления в собственном доме, он мог бы потерять, если бы его дом обворовали, когда он уезжал в отпуск. Точно так же некоторую часть того, что передается в разговоре, можно было бы передать с помощью письма. Рабочие задачи, которые индивид решает в присутствии других, он может иногда решать и в одиночку. Данный аспект деятельности может появляться в ситуациях, но он не принадлежит ситуациям и, как правило, в остальное время находится вне ситуаций. Эту неприкрытую сторону реальности я буду называть *сугубо ситуативным* аспектом ситуативной деятельности. Данный компонент деятельности подвергается нормативной регуляции, что позволяет нам говорить о сугубо ситуативных обязанностях и нарушениях. Но эти аспекты будут интересовать меня только в том отношении, в каком их можно аналитически отделить от компонента ситуативной деятельности, интересующего нас здесь, а именно от того, что не может находиться за пределами ситуаций, поскольку принципиально зависит от складывающихся в них условий. Эту сторону мы будем называть *ситуационным* аспектом ситуативной деятельности. В случае вооруженного отъема домашнего имущества риск для тела ситуационен, а утрата имущества, как говорилось выше, сугубо ситуативна. Значения слов, употребляемых в разговоре, отчасти сугубо ситуативны, но окраска, которую им придают телесно выражаемые эмоции, определенно ситуационна. Аналогично, в справочной библиотеке от посетителя ожидается, что он возьмет книгу с полки и будет ее читать, а не заниматься в это время другими делами (как узнают от библиотекаря шумящие подростки, использующие библиотеку в качестве места для свиданий). Тут мы имеем дело с ситуационным аспектом поведения. Однако в определенных границах выбор индивидом книг, его умение читать и выгода, которую он извлекает из прочитанного, остаются его личным делом или делом тех людей, которые могли дать ему задание что-то прочитать. Это сугубо ситуативный аспект его библиотечной активности.

Четко разделив сугубо ситуативное и ситуационное, мы можем теперь вернуться к рассмотрению идеи публичного порядка. Соприсутствие делает людей беспрецедентно доступными, достижимыми и зависимыми друг от друга. В тех своих аспектах, которые связаны со взаимодействием лицом к лицу, публичный порядок должен предполагать нормативную регуляцию этой доступности.

Вероятно, наиболее изученным аспектом традиционно определяемого публичного порядка, связанным со взаимодействием лицом к лицу, является то, что иногда называют «общественной безопасностью». Ее базовые правила немногочисленны и прозрачны и в современном западном обществе в значительной мере подкрепляются полицейской властью. Предметом регулирования здесь выступает возможное использование индивидом своего тела как физического объекта или инструментов, которыми он может манипулировать с помощью своего тела. Занимаясь своими личными делами, индивиды — особенно незнакомцы — не имеют права причинять друг другу какой-либо физический вред, мешать проходу друг друга, осуществлять сексуальные посягательства друг на друга или становиться источником инфекционного заражения. Хотя сегодня данный вариант общественного порядка преобладает большую часть времени на большинстве наших улиц в большей части наших городов, все еще существуют районы, где этот порядок недостаточно гарантирован, а в нашем прошлом определенно были такие времена и места, в которых подобная гарантия была скорее исключением, чем правилом¹¹. Одну из версий этой проблемы безопасности можно обнаружить сегодня в психиатрических лечебницах в отделениях для тяжело больных, где не-

11 Относительно средневековой Европы см., например: *Luke Owen Pike. A History of Crime in England* (London: Smith, Elder, 1873). Esp. vol. 1, p. 242–254. Очерк публичного порядка в лондонском Ист-Энде конца XIX — начала XX века можно найти в романе Артура Моррисона «Дитя Яро» (1896) (*Arthur Morrison. A Child of the Jago* [London: Penguin Books, 1946]).

которые пациенты по понятным причинам приобретают репутацию «швыряющихся едой», внося в приемы пищи в отделении специфический беспорядок. И, конечно, о некоторых ингредиентах публичного порядка, которые в противном случае само собой разумеются, активно напоминает расхожее представление о том, что психически больные пациенты имеют склонность внезапно бросаться на окружающих.

Вред, наносимый физическим вмешательством в любой его форме, отчасти обусловлен социальным унижением от того, что нападающий — и, возможно, не только он — видит вашу беспомощность. Поэтому у него явно есть социально-психологические компоненты. Другие важные аспекты того, как нормы, обеспечивающие физическую безопасность, оказывают влияние на нефизические стороны взаимодействия, будут рассмотрены ниже.

Стоящие перед нами цели не требуют анализа аспекта публичного порядка, связанного с личной безопасностью. Меня будет интересовать то, что, когда люди предстают друг перед другом, они могут функционировать не только в качестве физических инструментов, но и в качестве инструментов коммуникации. Эта возможность имеет для любого участника не менее судьбоносное значение, чем возможность физического контакта, и, похоже, в любом обществе она подвергается строгой нормативной регуляции, порождая некоторую разновидность порядка коммуникативных обменов. Именно этот аспект порядка будет в основном рассматриваться в настоящей работе. (И, кстати, именно на этом уровне публичного порядка первоначально проявляется большинство симптомов психического заболевания.) Правила, касающиеся данной области поведения, я буду называть *ситуационными приличиями*. Кодекс, который они образуют, следует отличать от моральных кодексов, регулирующих другие аспекты жизни (даже если они порой применяются и в качестве ситуационных кодексов), например кодекса чести, регулирующего взаимоотношения, правового кодекса,

регулирующего экономические и политические вопросы, и этического кодекса, регулирующего профессиональную жизнь¹².

Коммуникативное поведение непосредственно сопresentствующих людей можно рассматривать в два этапа. На первом этапе анализируется *несфокусированное взаимодействие*, т. е. форма коммуникации, имеющая место, когда один человек собирает информацию о другом присутствующем, бросая на него, пусть даже вскользь, взгляд, пока тот входит и затем выходит из его поля зрения. Несфокусированное взаимодействие связано в основном с управлением простым, чистым сопresentствием. На втором этапе анализируется *сфокусированное взаимодействие* — форма взаимодействия, имеющая место, когда люди собираются в тесном кругу и открыто сотрудничают с целью поддержания единого фокуса внимания, обычно — путем чередования реплик. Если сфокусированное взаимодействие отсутствует, может применяться термин «*несфокусированное собрание*». Если сфокусированное взаимодействие присутствует, нам понадобятся еще более неуклюжие термины.

Теперь, располагая соответствующими определениями, мы можем сделать следующий предварительный шаг в анализе ситуационных приличий и указать на один общий элемент подобающего поведения. В американском обществе, по всей видимости, от индивида ожидается, что он будет демонстрировать определенную дисциплину или владение собственным телом, показывая, что он способен к любому взаимодействию лицом к лицу, в котором ему доведется принять участие в ситуации. Часто эта разновидность контролируемой бдительности в ситуации будет предполагать сдерживание или утаивание многих умений

12 См. интересные замечания Георга Зиммеля: *George Simmel. Morality, Honor and Law (Soziologie [München: Duncker & Humblot, 1923]. P. 403–405) / Transl. Everett C. Hughes. Mimeographed (University of Chicago).*

и ролей, демонстрация которых ожидалась бы от данного индивида в других обстоятельствах. Что бы еще его ни занимало, каковы бы ни были его сугубо ситуативные интересы, индивид обязан при попадании в ситуацию «включаться в игру» и оставаться «в игре», пока он находится в ситуации, поддерживая эту диффузную ориентацию по крайней мере до тех пор, пока он не сможет официально покинуть ситуацию. Словом, должен поддерживаться определенный «тонус взаимодействия». Добавлю, что, рассматривая поведение, в котором появляется такая внимательность к ситуации, сложно избежать вывода, что таким образом демонстрируется привязанность и уважительное отношение к участникам ситуации и охватываемому социальному событию. И наоборот, рассматривая явные нарушения этих правил в психиатрических больницах, сложно избежать вывода, как мы увидим позже, что неспособность демонстрировать «присутствие» представляет собой нормальное, понятное выражение отчужденности и враждебности как к самому сборищу, так и к его официальным участникам.

Одним из наиболее очевидных средств, с помощью которых индивид демонстрирует свое ситуационное присутствие, является дисциплинированное управление своим внешним видом, или «персональным фасадом», т. е. комплексом, включающим одежду, макияж, прическу и прочий поверхностный декор, который он носит на себе. В западном обществе в публичных местах от мужчины из определенных классов ожидается, что он будет появляться в ситуации опрятно одетым, гладко выбритым, причесанным, с чистыми руками и лицом; на взрослых женщин возлагаются те же, а также многие дополнительные обязанности. Необходимо отметить, что в плане внешнего вида индивиды обязаны не только иметь экипировку, но и постоянно поддерживать ее в надлежащем порядке. (И все же, несмотря на эти правила, можно ожидать, что в местах, вроде нью-йоркской подземки в вечерний час пик, некоторые люди могут позволять себе — так сказать,

между сценами — утратить всякое выражение лица вследствие временного безразличия и объяснимой усталости, даже несмотря на то, что их одежда и макияж соответствуют гораздо более строгому образу.)

Выше я сказал, что неспособность предстать перед сборищем в ситуационной амуниции обычно воспринимается или как признак неуважения к обстановке и ее участникам, или как выражение значительной культурной дистанции по отношению к социальному миру присутствующих. Эти экспрессивные последствия хорошо или плохо упорядоченной внешности часто обсуждаются в книгах по этикету, подчас весьма проницательно:

Но даже при случайной встрече, когда ваша привычка никак не подкрепляется вашими чувствами и сантиментами по поводу особы, которую вы повстречали, опрятное и аккуратное одевание сослужит вам хорошую службу. Неряшливый облик выдаст человека, сосредоточенного только на себе, не желающего ни в чем поступиться своими представлениями, безразличного к мнению окружающих и не ищущего увеселений; с таким человеком никто не захочет сблизиться. Тщательно подобранное же одевание выдаст человека светского, ищущего и обычно находящего удовольствие в обществе и беседе и всегда готового вступить в общение с тем, кто ему повстречался; это своего рода обращенное к свету приглашение к знакомству, демонстрирующее расположенность к тому, чтобы с вами заговорили¹³.

Интересное проявление той разновидности тонуса взаимодействия, которая лежит в основе подобающего управления своей внешностью, можно обнаружить в демонстрируемой мужчинами в нашем обществе постоянной заботе о том, чтобы ширинка была застегнута, а эрекция — не заметна¹⁴. Прежде чем войти в социаль-

13 *Anonymous*. The Canons of Good Breeding (Philadelphia: Lee & Blanchard, 1839). P. 14–15.

14 Сложность обеспечения подобной защитной маскировки — одна из очевидных проблем, с которой сталкиваются мужчины с параличом ног. См.: *Edith Henrich, Leonard Kriegel* (eds.). *Experiments in Survival* (New York: Association for the Aid of Crippled Children, 1961). P. 192.

ную ситуацию, они часто осуществляют быструю зрительную инспекцию соответствующих частей своего персонального фасада, а внутри ситуации проявляют особую предусмотрительность в отношении защитных мер, либо скрещивая ноги, либо прикрывая промежность газетой или книгой, особенно если самоконтроль ослабляется из-за удобной позы при сидении. Аналогом данной заботы является тщательность, с которой женщины следят за тем, чтобы их ноги были сведены и нельзя было видеть верхнюю часть бедер и нижнее белье. Универсальность подобной телесной дисциплины в нашем обществе может быть в полной мере оценена в женском хроническом отделении психиатрической лечебницы, где женщины по той или иной причине предаются энергичному чесанию своих интимных мест и сидят с широко раздвинутыми ногами, тем самым побуждая исследователя осознать распространенность телесной дисциплины, которая обычно само собой разумеется. Схожим напоминанием об ожиданиях в отношении телесной дисциплины служат движения конечностей, необходимые пожилой грузной женщине, чтобы выбраться с переднего сиденья автомобиля. Как балийца всегда беспокоит направление и высота его сиденья*, так и индивид в нашем обществе, находясь «в ситуации», постоянно стремится скрывать «физические» признаки своей способности вступать в сексуальные отношения. Это означает, что, когда данные части тела демонстрируются, они служат символом не только сексуальности, но и слабого самоконтроля — недостаточного обуздания себя для участия в сборище.

Как уже отмечалось выше, важность тщательного управления персональным фасадом доказывают многочисленные примеры из опыта психически больных людей. Типичным признаком надвигающегося психоза считается «пренебрежение» индивидом своей внешностью и личной гигиеной. Классическим пристанищем для таких нарушений приличий являются «регрессивные» отделения психиатрических лечебниц, куда отправляют тех, кто

демонстрирует соответствующие тенденции, при том что условия в этих отделениях лишь способствуют дальнейшей дезориентации. (Отказ поддерживать персональный фасад будут в них терпеть и иногда даже тайно одобрять, поскольку это позволяет решать некоторые проблемы, связанные с управлением отделением.) Аналогично, когда психически больной пациент начинает «проявлять интерес к своему внешнему виду» и пытается ухаживать за собой, ему часто приписывают отказ от асоциальных тенденций и постепенное возвращение к «реальности».

Лицо — один из компонентов внешности, управление которым требует наибольшей искусности. Наиболее очевидным средством, с помощью которого индивид демонстрирует свое ситуационное присутствие, является надлежащий контроль, с помощью лицевых мускулов, за формой и выражением различных частей данного инструмента. Хотя этот контроль может быть в разной степени бессознательным, он все равно осуществляется. У нас есть лица для вечеринок, лица для похорон и различные типы институциональных лиц, как видно из следующих заметок о тюремной жизни:

Каждый новый заключенный учится делать «собачью морду», т. е. принимать апатичные, *безличные* выражение лица и позу, когда на него смотрит представитель власти. Собачья морда появляется сама собой, когда все застывают или остаются расслабленными и неподвижными. Такое лицо типично для улиц, для официальных мероприятий, для любых ситуаций, когда что-то скрывают. Расслабление наступает, когда заключенные остаются одни: повсюду становится подчеркнуто много улыбок, словно на «приятельской» вечеринке. Лицо, которое днем предохраняет от неприятностей, ночью агрессивно напряжено и исполнено ненависти к сидящему или проходящему мимо охраннику. Когда лица заключенных принимают такое выражение, в воздухе повисают напряженность и неприязнь, в ответ на которые охранники тщательно изображают расслабленность, стараясь придавать своему лицу «мягкое» выражение, которое часто сопровождается легким дрожанием рук¹⁵.

15 *Bernard Phillips. Notes on the Prison Community // Holley Cantine, Dachine Rainer (eds.). Prison Etiquette: The Convict's Compendium of Useful Information (Bearsville: Retort Press, 1950). P. 105–106.*

Любопытно, что, по-видимому, с возрастом легкость поддержания подобающего состояния лица в нашем обществе снижается, так что (особенно в классовых группах, в которых женщины долго сохраняют желание быть сексуально привлекательными) нужно тратить все больше времени — в течение которого индивид считает себя «непрезентабельной» — на приведение своего лица в форму сразу после пробуждения. Кроме того, наступает возраст, когда под определенными углами зрения начинает казаться, что тонус лица, во всех прочих отношениях выглядящего вполне подобающе, не дотягивает до стандартов молодости.

Тщательное упорядочивание персонального фасада выступает одним из обязательных способов выражения индивидом живого интереса к окружающим. К другим средствам относятся готовность учитывать новые стимулы в ситуации и быстрота, с которой он реагирует на них при помощи телодвижений. Поддержание индивидом подобающего уровня моторной активности в ситуации — настолько привычное дело, что оно представляет собой один из тех типов приличий, которые осознаются с огромным трудом. Здесь нам на помощь вновь приходят психиатрические лечебницы. Например, распространенный симптом, демонстрируемый людьми с диагностированной шизофренией, заключается в очень медленных движениях, скажем, при перемещении по коридору. Идущий подобным образом пациент может реагировать на обращенный к нему вопрос санитара, медленно поворачивая голову в направлении голоса, при этом двигаясь всем туловищем, будто его шея совершенно одеревенела, и сохраняя свое лицо неподвижным. (Такая форма поведения чем-то напоминает популярные представления о сомнамбулизме и вызывает аналогичную реакцию, а именно ощущение, что человек физически находится в ситуации, но, вместе с тем, присутствует в ней недостаточно, чтобы с ним можно было вступить во взаимодействие.) Как и в случае многих других симптомов шизофрении, превос-

ходные описания экстремальных проявлений такого безразличия к ситуации, предположительно указывающего на происходящую в это время внутреннюю эмиграцию, оставил нам Блейлер:

У многих пациентов аутизм проявляется также внешне. (Разумеется, обычно это происходит невольно.) Они не только не интересуются ничем вокруг, но и все время сидят, отвернувшись и уставившись в голую стену, либо перекрывают свои чувственные каналы, намотав себе на голову юбку или постельное белье. Ранее, когда пациентов в основном предоставляли самим себе, их нередко заставляли скрючившимися, с прижатыми к животу ногами, что говорит об их попытках максимально сократить чувствительную поверхность кожи¹⁶.

Следует добавить, что прекрасные иллюстрации такого отказа от присутствия можно встретить в заведениях, которые, хотя и не являются медицинскими, во многих отношениях похожи на психиатрические больницы:

На тюремном дворе и в мастерских можно видеть заключенных, которые улыбкивы, не прочь поболтать, проворны и внимательны к происходящему вокруг. Но можно видеть и примерно в два раза меньшее число мужчин, которые редко улыбаются, редко говорят, спотыкаются, идя в строю, не обращают внимания на совершаемые ошибки и обычно реагируют на социальные стимулы, только если стимул силен или необычен. Статус или социальное обременение для них ничего не значат. Они пребывают во власти грез¹⁷.

Таким образом, чтобы принимать полноценное социальное участие в ситуации, индивид должен демонстрировать определенную степень живости (в качестве доказательства своей доступности для потенциальных стимулов) и определенную упорядоченность своего внешнего вида (в качестве доказательства того, что он интересуется сбо-

16 *Eugen Bleuler. Dementia Praecox; or, The Group of Schizophrenias / Transl. Joseph Zinkin (New York: International Universities Press, 1950). P. 65–66.*

17 *Donald Clemmer. The Prison Community (New York: Holt, Rinehart, & Winston, 1958). P. 244.*

рищем, в котором находится). Безусловно, главная задача анализа в этом случае — выявить различные способы, которыми может выражаться недостаточное присутствие.

Часть II

НЕСФОКУСИРОВАННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Глава 3

Вовлеченность

1. Телесная идиома

Как уже было сказано, даже когда индивиды оказываются в непосредственном присутствии друг друга в обстоятельствах, где от них не требуется разговаривать, они все равно неизбежно вступают в некоторую коммуникацию, поскольку в любых ситуациях придается значение вещам, которые не обязательно связаны с какими-либо вербальными коммуникациями. К ним относятся внешний вид тела и персональные действия: одежда, осанка, движения и позы, громкость, физические жесты (например, махание рукой или рукопожатие), украшение лица и множество способов выражения эмоций.

Во всех обществах эти коммуникативные возможности институционализируются. Хотя многие из потенциально пригодных для использования явлений могут игнорироваться, по крайней мере некоторые регламентируются и получают общепризнанное значение. Полусознывая, что определенный аспект его деятельности доступен для восприятия всеми присутствующими, индивид склонен модифицировать эту деятельность, осуществляя ее с учетом ее публичного характера. В сущности, иногда он может употреблять эти знаки только потому, что их могут наблюдать. И даже если присутствующие не вполне осознают получаемые ими коммуникативные сообщения, они все равно сразу почувствуют, что что-то не так, если предоставляемая информация будет необычной. Существует телесный символизм, идиома индивидуальной внешности и жестов, которая обычно вызывает у действующего

те же реакции, что и у остальных (к которым относятся те и только те, кто непосредственно присутствует рядом)¹.

Эти телесные экспрессивные знаки могут указывать, какой смысл индивид вкладывает в высказывание, адресованное другим, и тем самым играть роль в сфокусированном взаимодействии, например, разговорного сборища. Однако отличительной характеристикой многих подобных действий является то, что их сложно сфокусировать или экранировать. В предельном случае они доступны любому участнику ситуации в целом. Кроме того, хотя эти знаки, в отличие от речи, мало пригодны для передачи длинных дискурсивных сообщений, они вполне подходят для передачи информации о социальных атрибутах действующего и о его восприятии себя, других присутствующих и окружающей обстановки. Эти знаки, таким образом, составляют основу несфокусированного взаимодействия, хотя они могут играть определенную роль и в сфокусированном типе взаимодействия.

В области несфокусированного взаимодействия ни одному участнику нельзя официально «дать слово»; там нет официального центра внимания. Хотя индивид может специально заботиться о данном уровне поведения

1 Телесные действия как основа социального взаимодействия рассматривались в социологической литературе под рубрикой «невербальной коммуникации». Те аспекты данного типа поведения, которые связаны с позами, были систематически проанализированы в: *Gordon W. Hewes*. World Distribution of Certain Postural Habits // *American Anthropologist*. 1955. Vol. 57. № 2. P. 231–244. Очень глубокое общее обсуждение содержится в: *Ray Birdwhistell*. Introduction to Kinesics (Washington: Department of State, Foreign Service Institute, 1952). См. также: *Jurgen Ruesch*, *Weldon Kees*. Non-verbal Communication: Notes on the Visual Perception of Human Relations (Berkeley: University of California Press, 1956); *Szasz*. The Myth of Mental Illness; *Sandor S. Feldman*. Mannerisms of Speech and Gestures in Everyday Life (New York: International Universities Press, 1959). Part 2; *David Efron*. Gesture and Environment (New York: King's Crown Press, 1941); *Macdonald Critchley*. The Language of Gesture (London: Edward Arnold, 1939); *Edward T. Hall*. The Silent Language (New York: Doubleday, 1959).

с целью произвести хорошее впечатление на конкретного человека в своем окружении — например, девушка может пользоваться духами, которые, как ей известно, нравятся ее парню, — соответствующее действие обычно преподносится так, будто оно совершается, прежде всего, в интересах всех находящихся поблизости.

Таким образом, телесная идиома представляет собой конвенционализированный дискурс². Нужно учитывать, что он, к тому же, нормативен. Иными словами, индивиды обычно обязаны передавать определенную информацию в присутствии других и не создавать иное впечатление; кроме того, ожидается, что другие тоже будут преподносить себя определенным образом. Как правило, существует согласие не только относительно смысла наблюдаемого поведения, но и относительно того, какое поведение должно демонстрироваться.

Индивид может прекратить говорить, но он не может прекратить коммуницировать посредством телесной идиомы, и то, что он вынужден сообщать, оказывается либо правильным, либо ошибочным. Он не может не сообщать ничего. Парадоксально, но если индивид хочет сообщить минимальный объем сведений о себе — хотя этот объем все равно значителен, — он должен вписываться и действовать так, как ожидается от людей его типа. (Одним из мотивов соблюдения приличий является возмож-

2 Проведенное Дж. Г. Мидом различие между «значимыми» и «незначимыми» жестами* здесь не вполне подходит. Телесная идиома предполагает нечто большее, чем незначимый «обмен жестами», поскольку она обычно имеет один и тот же смысл и для действующего, и для наблюдателя, и используется действующим в силу того смысла, который она имеет для наблюдателя. Однако, судя по всему, при этом используется нечто меньшее, чем значимые символы: продолжительный обмен осмысленными действиями не характерен; должно поддерживаться впечатление, что в действии сохраняется доля нерассчитанной спонтанной вовлеченности; действующий обычно находится в позиции, позволяющей ему отрицать значение своего действия, если его будут упрекать за его совершение.

ность подобным образом утаивать информацию о себе.) Наконец, необходимо отметить, что, хотя в обществе нет никого, кто мог бы использовать всю экспрессивную идиому или даже большую ее часть, тем не менее у всех есть некоторое знание одного и того же словаря телесных символов. Понимание общепринятой телесной идиомы — одна из причин называть агрегат индивидов «обществом».

2. Вовлеченность

Признав, что посредством телесной идиомы индивид делает доступной для других некоторую информацию, следует поставить вопрос, о какой информации идет речь. Начать отвечать на этот вопрос можно с рассмотрения одного из наиболее очевидных типов подходящего поведения — «деятельности, диктуемой событием».

Можно ожидать, что в ходе социального события будут совершаться определенные действия, являющиеся неотъемлемой частью данного события, в том смысле, в каком, например, политическое выступление является ожидаемой частью политического митинга. Такая «диктуемая событием деятельность» обычно легитимируется в качестве уместной в социальных ситуациях, возникающих под эгидой соответствующего социального события, и служит одним из поводов для обиходного представления о том, что «всему свое время и место». Но тогда встает вопрос, почему некоторая форма деятельности вообще определяется как уместная для социального события. И что важнее, демонстрация подходящей деятельности, диктуемой событием, является, вероятно, лишь одной из общих форм подходящего поведения, лишь одним из способов вписывания.

В этих соображениях, однако, есть один многообещающий момент. Включаться в диктуемую событием деятельность — значит поддерживать определенный тип когнитивной и аффективной сосредоточенности на ней, осуществлять определенную мобилизацию своих психо-

биологических ресурсов, словом, *вовлекаться* в нее³. Кроме того, спрашивая по поводу любого фрагмента обязательного ситуационного поведения, что именно он сообщает о распределении вовлеченности действующего, мы обнаруживаем, что имеется ограниченное число тем, каждая из которых выражается посредством совершенно разных аспектов поведения. Словом, перевод конкретных обязательных действий на язык выражаемой вовлеченности позволяет продемонстрировать функциональную эквивалентность аспектов таких разнородных явлений, как одежда, поза, выражение лица и решение задачи. За видимыми различиями можно разглядеть общую структуру. В таком случае, чтобы проанализировать ситуационные приличия, необходимо предпринять анализ социальных норм, которые определяют представления индивида о вовлеченности и индивидуальные распределения вовлеченности⁴.

Первое, что необходимо отметить относительно «вовлеченности в ситуации», — терминологическая амбивалентность данной фразы. В данный момент я говорю

3 Термин «вовлекаться» используется в повседневной речи в двух других дополнительных смыслах: в смысле «приверженности», принятия на себя ответственности за определенные действия, и в смысле «привязанности», инвестирования своих чувств и отождествления с чем-либо. Из-за этой двусмысленности я ранее использовал термин «включенность» в том же значении, в каком в данной книге я буду использовать термин «вовлеченность». См.: *Erving Goffman. Role Distance // Erving Goffman. Encounters: Two Studies in the Sociology of Interaction* (Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1961). P. 85–152.

4 Вовлеченность как переменная рассматривается в: *Edgar F. Borgatta, Leonard S. Cottrell Jr. On the Classification of Groups // Sociometry*. 1955. Vol. 18. P. 416–417. Один из аспектов вовлеченности — интенсивность — был рассмотрен в: *Theodore R. Sarbin. Role Theory* (section «Organismic Dimension») // *Gardner Lindzey* (ed.). *Handbook of Social Psychology* (Cambridge: Addison-Wesley, 1954). P. 233–235. Мой подход к вовлеченности основывается на: *Gregory Bateson, Margaret Mead. Balinese Character* (New York: New York Academy of Sciences, 1942).

только о ситуативных вовлеченностях, поддерживаемых *внутри* ситуации, тогда как фраза «вовлеченность в ситуацию» обладает не только этим, но и более ограниченным значением, связанным с возможными способами подчинения индивида ситуации в целом и ее сборищу, т. е. с наличием *ситуационной* вовлеченности. Я предлагаю использовать термин «вовлеченность *внутри* ситуации» для обозначения того способа, которым индивид управляет своими ситуативными действиями, и буду пока воздерживаться от использования фразы «вовлеченность в ситуацию».

Поддерживаемая индивидом вовлеченность внутри конкретной ситуации является вопросом внутреннего чувства. Оценка вовлеченности должна основываться и основывается на некотором ее внешнем выражении. Именно здесь мы можем приступить к анализу эффектов телесной идиомы, поскольку, что любопытно, телесные знаки, особенно хорошо приспособленные для донесения информации до всей социальной ситуации, не менее хорошо подходят для обнародования информации о вовлеченности индивида. Точно так же как индивид выясняет, что не может не сообщать о чем-то посредством телесной идиомы и что ему следует сообщать правильные вещи, он выясняет, что в присутствии других неизбежно предоставляет информацию о распределении своей вовлеченности и что он обязан демонстрировать определенную вовлеченность. Вместо того чтобы говорить о телесной идиоме, мы можем теперь выражаться чуть точнее и говорить об «идиоме вовлеченности» и о правилах, касающихся распределения вовлеченности.

Поскольку групповая идиома вовлеченности является усваиваемой конвенциональной вещью, следует ожидать, что кросс-культурные, или даже кросс-субкультурные, исследования будут сталкиваться с серьезной трудностью. В разных культурах организация одного и того же общего типа сборищ может основываться на разных обязанностях в отношении вовлеченности. Например, во мно-

гих дальневосточных обществах аудитория театральных постановок должна демонстрировать менее устойчивое внимание и сосредоточенность на представлении, чем аудитория многих театральных постановок в американском обществе. Но совершенно безотносительно данного различия в разных обществах один и тот же поведенческий признак может конвенционально свидетельствовать о разной вовлеченности. Например, члены одной религиозной группы могут демонстрировать почтение к Дому Господню, обнажая голову, тогда как члены другой религиозной группы могут делать это, покрывая голову. Когда между двумя культурами — или между разными периодами одной культуры — обнаруживается разница в ситуационном поведении, сложно определить, какая часть этого несоответствия отражает разницу в конвенциональной идиоме, используемой для выражения вовлеченности, а какая — разницу в самой этой вовлеченности.

3. Экраны вовлеченности

Поскольку вовлеченность нельзя наблюдать прямо, а можно лишь делать выводы о ней на основе конвенциональных знаков, реальная вовлеченность может быть не очень важна. О чем нужно знать, так это об «эффективной» вовлеченности, т. е. о вовлеченности, которую поддерживает (или может считаться поддерживающим) действующий по его собственному мнению и по мнению окружающих.

Требование сосредоточенности — это требование, касающееся внутренней настроенности того, кто сосредоточен. Естественно, иногда он не способен врать себе, хотя социальное событие требует этого. В таких случаях выходом будет скрывать неподобающую вовлеченность и изображать подобающую вовлеченность. Возможен, разумеется, и другой выход: не испытывающий привязанности индивид может заранее понимать, что он не способен или не хочет подчиняться правилам вовлеченности и что ему стоит вообще воздержаться от попадания в данную си-

туацию. Аналогичному отстранению от ситуации иногда помогают симпатизирующие другие. Так, если индивиду должны сообщить плохие новости, которые, скорее всего, «сломят» его, сообщающий может дожидаться подходящего момента, когда получатель останется один и ничто не будет требовать его непосредственного ситуационного присутствия⁵. Тогда получатель сможет эмоционально отреагировать на полученную новость, не нанося вреда более широкой социальной ситуации, где его горе могло бы быть воспринято с пониманием, но всем остальным присутствующим реагировать подобным образом было бы вряд ли позволено.

Учитывая, что, прежде чем оценивать, насколько надлежащим является распределение вовлеченности, нужно наделить его признаками значения и воочию их увидеть, можно ожидать, что индивиды будут использовать разнообразные барьеры для восприятия, играющие роль экранов *вовлеченности*, за которыми они могут безбоязненно совершать то, что обычно вызывает негативные санкции. Поскольку вовлеченность индивида воспринимается исходя из всего контекста его активности, вовлеченность можно экранировать, блокируя восприятие либо телесных признаков вовлеченности, либо объектов вовлеченности, либо того и другого. Спальни и ванны, наверное, — главные экранирующие места в англо-американском обществе⁶. Ванны представляют здесь особый интерес, поскольку во многих домах это единственные комнаты, в которых человек может запереться. И, возможно, только в этих гарантированных условиях некоторые индивиды

5 Радикальным примером того, как симпатизирующие другие могут прикрывать индивида, служит защитная реакция мужчин из низших классов, которые могут своими телами заслонять друга или «кореша» от представителей власти, когда тот напился до такой степени, что каждой деталью своего поведения демонстрирует неспособность к надлежащей вовлеченности.

6 Эти места и другие «закулисные» области рассматриваются подробно в: *Erving Goffman. The Presentation of Self in Everyday Life* (New York: Doubleday Anchor, 1959). Chap. 3.

будут чувствовать себя в достаточной безопасности, чтобы проявлять некоторые ситуационно неподобающие виды вовлеченности⁷.

На самом деле, в любых общественных учреждениях есть укромные уголки, позволяющие спрятаться. Например, в Центральной больнице считалось «непрофессиональным», когда медсестра курила на улице возле здания, поскольку, видимо, предполагалось, что курение — признак человека, недостаточно беспокоящегося о нуждах пациентов. Иногда студентки, обучавшиеся на курсах медсестер, проходя через тоннель, соединявший две половины здания, сбавляли шаг и за то короткое время, пока их никто не видел, выкуривали сигарету. Игра, которой они предавались в это время, была еще одним способом «разрушения роли» или, как говорил Эверетт Ч. Хьюз, «сбрасывания роли»^{*}.

Некоторые экраны вовлеченности обладают полезным качеством — портативностью. Скажем, хотя в европейском обществе женщины больше не пользуются веерами, не говоря уже о масках, чтобы скрыть краску стыда или ее отсутствие⁸, они теперь используют руки, чтобы спрятать закрытые глаза, которые должны быть открыты⁹, и газеты,

7 Безусловно, ситуационные приличия преследуют некоторые категории людей и в таких местах. Есть монастыри, где, говорят, благопристойность поддерживается даже наедине с собой в ванной, очевидно, в силу допущения, что бог присутствует и здесь. В XVI веке, когда путешественники были вынуждены делить ложе с незнакомцами одного с ними пола, они надеялись, что ночью спящий будет вести себя — по крайней мере, в теории — пристойно, не тревожа других участников ситуации без причины. См.: *Harold Nicolson. Good Behaviour* (London: Constable, 1955). P. 134; *Норберт Элиас. О поведении в спальне // Норберт Элиас. О процессе цивилизации. Том 1 / Пер. с нем. Алексея Руткевича* (Москва: Университетская книга, 2001). С. 234–243.

8 *Ernest S. Turner. A History of Courting* (New York: Ballantine Books, 1954). P. 73.

9 Закрытые глаза, конечно же, не всегда говорят о том, что индивид отключился от сборища, задремав. Во время любовных ласк или прослушивания камерной музыки наступают моменты, когда

чтобы прикрыть рты, которые не должны быть раскрыты в зевок. Точно так же в принудительных учреждениях, вроде тюрем, курение могут скрывать, пряча сигарету в сложенной чашкой ладони¹⁰.

В связи с экранами вовлеченности встает вопрос, считается ли их использование действительно легитимным, допустимо ли — если брать крайний случай — «выходить из игры», оставаясь наедине с собой. Например, если к полностью расслабленному человеку неожиданно вторгнется посетитель, оба скорее всего почувствуют смущение. Тот, кого застали врасплох, очевидно, не имеет полного права быть не готовым к взаимодействию, а незваный гость не имеет полного права заставлять другого в неподобающем виде. Необходимо добавить, что исключение из этого правила имеет для нас самостоятельное значение: в зависимости от статуса человека, которого застали врасплох, могут существовать разные категории застающих, например слуги, придворные или маленькие дети, которые не наделены социальной властью принуждать к ситуационному сокрытию сугубо ситуативных действий. Их бессилию сопутствует то функциональное обстоятельство, что эти «не-люди» часто обладают привилегией входить в комнату без предупреждения и без предварительного уведомления, например посредством телефонного звонка или стука в дверь, как часто обязаны делать полноценные люди¹¹. Кстати, именно когда индивид полагает, что укрылся от посторонних взглядов, но внезапно обнаруживает, что это не так, мы получаем наиболее ясное представление о том,

закрытые глаза могут быть уважительным знаком глубокой эмоциональной вовлеченности в происходящее. Однако в этих случаях глаза закрываются особым образом, демонстрирующим, что человек за веками все еще присутствует и способен надлежащим образом участвовать в ситуации.

10 См., например: *George Dendrickson, Frederick Thomas. The Truth about Dartmoor* (London: Gollancz, 1954). P. 171.

11 См.: *Goffman. Communication Conduct. Chap. 16; Goffman. The Presentation of Self*. P. 151–153.

чем он обязан сборищу, поскольку, когда человека заставляют врасплох, он обычно начинает торопливо приводить себя в надлежащий вид, невольно демонстрируя, что он откладывает в сторону и во что облачается в силу простого факта присутствия других людей. Чтобы защититься от подобных неловких ситуаций и представлять себе, как его воспринимают другие, индивид может поддерживать презентабельный вид даже наедине с собой, что заставляет нас предположить, что ситуационное поведение может осуществляться даже в отсутствие реальной социальной ситуации.

Обычно мы считаем экраны вовлеченности одним из средств, с помощью которых индивид может поддерживать впечатление подобающей вовлеченности, при этом в действительности не выполняя свои обязанности по отношению к ситуации. Интересно, что, хотя достаточно глубокие формы ситуационного отстранения, демонстрируемые иногда психотическим пациентом, могут порой обеспечивать его нужной защитой от прошлого или настоящего, постоянное поддержание такой отстраненности может требовать значительных усилий и даже становиться тяжелой обузой. Поэтому можно видеть, как некоторые из таких пациентов используют экраны вовлеченности для сокрытия не кратковременной потери ориентации в ситуации, а кратковременного появления таковой. Особо сильное искушение вызывают телевизор, воскресные развлечения и новые посетители, к которым пациенты проявляют живой интерес, когда полагают, что за ними никто не следит. Было зафиксировано следующее поведение: «...пациентка демонстрирует, что способна фокусироваться на других людях, когда сама не участвует в ситуации и считает, что за ней при этом не наблюдают. Когда это происходит и она обнаруживает, что за ней наблюдают, она быстро замыкается в себе»¹².

12 *Morris S. Schwartz*. Social Interaction of a Disturbed Ward of a Hospital. PhD dissertation (Department of Sociology, University of Chicago, 1951). P. 94.

Но даже в более распространенном случае, когда укрытие используется, чтобы не показывать отстраненность от ситуации, следует правильно понимать значение соответствующих приемов. Использование укрытия говорит в той же мере о власти ситуационных обязанностей, в какой и о стремлении людей искать способы уклонения от них. Только когда из применения экрана для сокрытия отстраненности не делается никакого секрета или когда экран можно легко использовать, но он не используется, мы сталкиваемся с примерами ситуационного высокомерия. В качестве иллюстрации можно привести фрагмент моих полевых записей, сделанных в больнице:

Многолюдное отделение для регрессивных женщин. Пациентка замечает, что у нее сползла гигиеническая прокладка. Она встает со скамьи и начинает отрывто и методично вылавливать прокладку, засунув руку под юбку. Однако, даже наклонившись, она не может дотянуться. Она выпрямляется и невозмутимо сбрасывает платье с плеч, позволяя ему упасть на пол. Затем спокойно возвращает прокладку на место и натягивает платье обратно, все время демонстрируя не непонимание, а царственное безразличие к необходимости лукавить или увиливать. Презрение к ситуации выражается в манере ее действий, а не в цели.

Идее экранов вовлеченности было уделено столько внимания, поскольку она указывает на очень характерный атрибут ситуативного поведения. Так как сфера ситуационных приличий в целом сводится к тому, что индивиды могут узнавать друг о друге во время совместного присутствия, и так как получение информации может сталкиваться с огромным количеством препятствий, мы имеем дело не столько с сетью правил, которым необходимо следовать, сколько с правилами, которые нужно учитывать либо в качестве руководств к действию, либо в качестве предмета избегания.

Глава 4

Некоторые правила, касающиеся распределения вовлеченности

Вовлеченность означает способность индивида уделять (или воздерживаться от того, чтобы уделять) свое согласованное внимание текущей деятельности — решению одной задачи, разговору, совместной работе. Она предполагает некоторую признаваемую близость между индивидом и объектом вовлеченности, открытую сосредоточенность того, кто вовлечен. Считается, что вовлеченность в деятельность выражает замысел или цель действующего. Обсуждение вовлеченности можно начать с рассмотрения очевидных различий, институционализированных в нашем американском обществе, как и, вероятно, в других обществах.

Люди и животные способны делить свое внимание на *главную* и *побочную* вовлеченности. Главная вовлеченность поглощает основную часть внимания и интересов индивида, зримо составляя центральную текущую детерминанту его действий. Побочная вовлеченность — это деятельность, которую индивид может осуществлять параллельно, не ставя под угрозу одновременное поддержание главной вовлеченности и не препятствуя ему. Скоротечные или длительные, простые или сложные, побочные формы деятельности вызывают своеобразное фугоподобное* отклонение мелкой мускульной активности от основной линии действия индивида. Примеры — напевание в процессе работы и вязание в процессе слушания.

Помимо различия между главной и побочной вовлеченностями следует провести другое различие, которое легко спутать с первым. Необходимо разделить *доминирующую* и *подчиненную* вовлеченности. Доминирующая вовлеченность — это вовлеченность, готовность признать обязательность которой требует от индивида социальное событие; подчиненная вовлеченность — это вовлеченность, которую индивиду разрешается поддерживать только в той степени и в то время, когда его доминирующая вовлеченность очевидно не требует его внимания. Подчиненные вовлеченности поддерживаются молчаливо, с колебаниями и перерывами, выражая своим стилем постоянное внимание и уважение к официальной, доминирующей текущей деятельности. Скажем, ожидая приема у официального лица, индивид может беседовать с другом, читать журнал или рассеянно рисовать карандашом, совершая эти поглощающие внимание действия только до тех пор, пока его не вызовут, после чего он обязан прекратить то, чем занимался с целью скоротать время, даже если его занятие еще не окончено.

Обычно ожидается, что главная вовлеченность будет доминирующей, а побочная — подчиненной, как в случае, когда работник бездумно курит сигарету, но только тогда и там, когда и где это позволяет работа. Однако эта связь не неизменна. Многие виды доминирующей вовлеченности, например решение рабочих задач, могут поддерживаться автоматически и бездумно в течение длительного периода времени, позволяя индивиду делать основным фокусом внимания такие занятия, как досужие сплетни, которые, сколь бы увлекательными они ни были, будут прекращены, когда текущая задача потребует внимания. Например, телеграфистка может набирать сообщения, одновременно живо беседуя с коллегой.

Понимание того, что не требующая особого внимания, но социально доминирующая деятельность может поддерживаться, пока основной фокус внимания индивида временно перенесен на другое занятие, позволяет

понять и то, что пока индивид подобным образом включен в происходящее, он может поддерживать дополнительные побочные вовлеченности, вроде курения, которые подчиняются временной и неофициальной главной вовлеченности. Также нужно понимать, что требования, предъявляемые к индивиду, могут внезапно поменяться и что вовлеченность, бывшая до этого доминирующей, может быть резко понижена в статусе и подчинена новому источнику вовлеченности, который теперь признается подобающе приоритетным.

В нашем обществе считается, что определенные виды деятельности, например многие социальные церемонии, могут осуществляться только в качестве главных и доминирующих вовлеченностей. Также принято считать, что некоторые другие формы деятельности, например жевание жевательной резинки, должны осуществляться только в качестве побочных и подчиненных вовлеченностей. (Этим несерьезным вовлеченностям не следует уделять внимание, даже когда главная вовлеченность его не требует.) В этих границах, однако, то, что в одно время определяется в качестве доминирующей вовлеченности, в другое время может определяться в качестве подчиненной вовлеченности. Например, питье кофе во время работы может быть подчиненной вовлеченностью, но во время официальных перерывов на кофе оно может быть доминирующей активностью.

1. Управление подчиненными вовлеченностями

Я сказал, что подчиненные вовлеченности — как побочные, так и главные, — сколь бы внимания они ни требовали, по определению выражают хотя бы поверхностное почтение к тому, что, по всеобщему признанию, должно быть сейчас центральным занятием. Предполагается, что такие подчиненные вовлеченности должны затрагивать только небольшую и второстепенную часть Я индивида.

Тогда понятно, что если индивид захочет придать этим подчиненным активностям большее значение, он будет скрывать это, демонстрируя, что просто отвлекся на них. Также понятно, что эти вовлеченности будут составлять постоянную угрозу для обязательного поведения, поскольку они всегда готовы привлечь к себе больше внимания индивида, чем подобает. Это особенно ярко проявляется в случае вовлеченностей, повсеместно считающихся подчиненными и побочными, поскольку эти вовлеченности, определяемые и описываемые в обыденном языке как «мелкие», никогда не будут полностью запрещены в той или иной ситуации, и потому какие-то из них всегда будут доступны в качестве начальной точки отклонения.

Идиома подчиненных вовлеченностей существенно различается в разных культурных группах. Расхождения обнаруживаются даже между английским и американским образцами, о чем напоминает британская реакция Диккенса на американскую традицию:

Поскольку Вашингтон можно считать центром табачного слюноизвержения, пора мне сознаться начистоту, что распространенность этих двух отвратительных привычек — жевать и плевать — стала казаться мне к этому времени явлением далеко не из приятных, попросту говоря — отталкивающим и тошнотворным. Этот мерзкий обычай принят во всех общественных местах Америки. В зале суда судья имеет свою плевательницу, секретарь — свою, свидетель — свою и подсудимый — тоже свою; и присяжные заседатели и публика обеспечены ими в таком количестве, какое нужно людям, самой своей природой побуждаемым безостановочно плевать. В больницах надписи на стенах призывают студентов-медиков извергать табачный сок в специально предназначенные для этой цели ящики и не загрязнять лестниц. В общественных зданиях тем же способом обращаются к посетителям с просьбой сплевывать свою жвачку или «кляп», как назвал ее один джентльмен — знаток такого рода лакомств, — не на подножия мраморных колонн, а в казенные плевательницы. Кое-где этот обычай неотъемлемо связан с каждой трапезой, с каждым утренним визитом и со всеми проявлениями общественной жизни¹.

1 Чарльз Диккенс. Американские заметки / Пер. с англ. Татьяны Кудрявцевой // Чарльз Диккенс. Собрание сочинений. Том 9: Американские заметки. Карты Италии (Москва: Гослитиздат, 1958). С. 142.

В 1842 году Диккенс сказал то, что многие американцы, безусловно, сказали бы сегодня, поэтому должно быть ясно, что идиома вовлеченности может меняться с течением времени в одной и той же стране. Так, некоторые знаки вовлеченности, вроде строгания ножом, нюхания табака или верчения цепочки для ключей, большей частью выходят из оборота, переставая быть элементами доступного словаря; некоторые, например прядение, совершенно исчезли из американского общества; некоторые, вроде поднесения уха к радиоприемнику или фонографу, появились на нашей памяти, а некоторые, вроде курения, получили новое значение и перестали, как раньше, обозначать степень ситуационной свободы.

Кроме того, в различных социальных группах будут доступны различные подчиненные вовлеченности. Например, в Центральной больнице на перерывах во время репетиции сценического представления, ставящегося пациентами, некоторые пациентки из среднего класса машинально совершали всем телом балетные движения; эта идиома была недоступна присутствующим пациенткам из низшего класса. В нашем обществе вязание — подчиненная вовлеченность, обычно запрещенная для мужчин, точно так же как курение трубки — для женщин. И, как и во всем, что касается распределения вовлеченности, существуют глубокие различия, касающиеся подчиненных вовлеченностей, допустимых для разных возрастов. Например, во многих американских кинотеатрах наблюдается ежедневный и еженедельный цикл гражданского порядка: день — в особенности суббота и воскресенье после полудня — определяется как время, когда допустимо множество подчиненных вовлеченностей, тогда как остальное время определяется в качестве времени для событий, в рамках которых разрешены лишь немногие подчиненные вовлеченности. В Чикаго есть даже кинотеатры, специализирующиеся на том типе социального порядка, который поддерживают дети:

Кинотеатр известен тем, что показывает старые фильмы. Старомодные картины могут увлечь только маленьких детей, поэтому кинотеатр считается детским. Поскольку данное место не воспринимается всерьез, для более взрослых детей оно может служить чем-то вроде закрытой комнаты отдыха — местом, где они могут уделять друг другу больше внимания, чем экрану².

Точно так же для ребенка может быть допустимо сосать палец или соску на улице, надувать и лопать пузыри из жевательной резинки, вести палкой по забору либо полностью прекращать свою главную линию деятельности, чтобы достать камень из ботинка, но когда за подобными занятиями заставляли взрослых пациентов Центральной больницы, персонал считал, что они ведут себя «симптоматично».

Можно ожидать, что в любом конкретном классе социальных сборищ будут существовать нормы, касающиеся разрешенных типов подчиненной вовлеченности. Как было сказано, их выбор, по-видимому, основывается на оценке объема внимания и той части Я, которые будут поглощены данными видами деятельности, и, следовательно, на оценке того, какой объем внимания и какая часть Я будут оставлены для доминирующей вовлеченности. Например, сообщают, что в ходе сеанса групповой психотерапии, проводимого одними сотрудниками детской психиатрической больницы для других, участницам разрешалось держать на коленях кошку, однако если животному уделялось больше внимания, чем предполагали редкие поглаживания, это воспринималось как признак отстраненности от сеанса³.

Как и в случае прочих аспектов структуры вовлеченности, у подчиненной вовлеченности есть своя экология. Например, рассказывают, что между войнами в Лондоне были районы, вроде Бонд-стрит*, где во время прогулки

2 *Elliot Freidson*. An Audience and Its Taste. PhD dissertation (Department of Sociology, University of Chicago, 1952). P. 216.

3 *Hannah Meant*. The Group Therapy Session as a Social Situation. Unpublished paper.

леди не держали в руках ничего, кроме перчаток, поводка или прогулочного зонта; схожие ограничения распространялись на джентльменов. Даже небольшая сумочка под мышкой была не *comme il faut**, поскольку подобная вовлеченность в явную мышечную активность создавала очевидную угрозу для в целом сдержанного внешнего вида, который считался подобающим. На другом конце континуума в том же городе можно было обнаружить места, где люди ходили, согнувшись под тяжестью заплечных грузов или массивных вещей, вроде ящиков или больших рабочих инструментов⁴.

В отличие от многих других форм регулирования вовлеченности, запрещающие правила, касающиеся подчиненных вовлеченностей, часто вполне эксплицитны. Обстановка многих сборищ включает напечатанные правила, запрещающие, например, курить или жевать резинку. В дисциплинарных обстановках, вроде тюрем, эти правила могут включать запрет на разговоры во время еды. В некоторых монастырях такие правила могут регулировать даже «поведение глаз» во время размышлений и молитв, вследствие чего простой взгляд в сторону может оказываться недопустимой подчиненной вовлеченностью⁵.

- 4 В тех крестьянских обществах, где люди работают от рассвета до заката, а не в специально отведенное время, как в наших обществах, допускается и даже практикуется огромное — по крайней мере, по меркам нашей идиомы вовлеченности — множество побочных вовлеченностей. Например, о южноамериканских индейцах сообщают: «Для индеанок считается нормальным предаваться прядению, пока они идут по дороге, торгуют на рынке и сплетничают между собой; мужчины-индейцы тоже плетут и связывают или даже прядут во время ходьбы» (*Beate R. Salz. The Human Element in Industrialization: An Hypothetical Case Study of Ecuadorean Indians [Menasha: American Anthropological Association, 1955]. P. 101*).
- 5 Монахинь прямо учат сохранять большую отстраненность от ситуации в целом, нежели мирян; это важная часть их социализации в служении и препятствие для быстрой адаптации к светской жизни, когда им приходится покинуть сестричество. См.: *Kathryn Hulme. The Nun's Story (London: Muller, 1956). P. 67; Sister Mary Francis. A Right to Be Merry (New York: Sheed & Ward, 1956). P. 18*.

С подчиненными вовлеченностями, допустимыми и недопустимыми в конкретных ситуациях, происходят любопытные исторические перемены. Например, в последние два десятилетия во многих университетских аудиториях стало допустимым вязать и курить, что означает, вероятно, снижение ценности данного события и повышение статуса студентов по отношению к преподавателям. Похожее изменение идиомы и правил вовлеченности можно обнаружить среди американских подростков. Сегодня эта группа, по-видимому, имеет более широкие права на неформальное поведение в публичных местах, чем поколение назад. В то же время, распространение портативных транзисторных радиоприемников обеспечило источник поглощающей подчиненной вовлеченности, который можно переносить во множество различных ситуаций⁶.

Учитывая, что подчиненная вовлеченность отвлекает Я от доминирующей вовлеченности, даже если это отвлечение кажется незначительным, можно ожидать, что когда

«Возвращаясь к поездке в поезде: когда монахиня-затворница покидает монастырь, она все равно остается монахиней-затворницей. Она блюдет свой обет затворничества, где бы она ни находилась, и следует стольким практическим предписаниям, скольким она может следовать, находясь в миру. Например, погруженная в размышления монахиня не станет расхаживать по поезду, „заводя друзей“ или вступая в случайные разговоры, и не будет с любопытством разглядывать все и всех, что и кто привлечет ее взгляд или слух».

- 6 Переносные радиоприемники приобрели популярность не без сопротивления — по крайней мере, в некоторых странах. Информационное агентство «Рейтерс» сообщает из Дижона во Франции (San Francisco Chronicle. 1961. May 28):

«Каноник Феликс Кир, 85 лет, либеральный мэр Дижона, запретил сегодня использовать портативные радиоприемники на публике.

Клирик, также являющийся деканом Национального собрания Франции, выпустил постановление после получения десятков жалоб и визита в местный бассейн.

— Я вынужден был уйти, — сообщил он. — Я не мог выносить какофонию шума, извергаемого всеми этими приемниками; я словно очутился на базаре».

доминирующая вовлеченность будет создавать угрозу безопасности индивида и его самоконтролю в ситуации, он может инициировать или имитировать подчиненную вовлеченность, чтобы показать, что он владеет своими обстоятельствами. Тактичные люди, составляющие источник угрозы, могут инициировать такую защиту за него, например предлагая ему сигарету⁷.

2. Обязанности, связанные с главными вовлеченностями

Во многих социальных ситуациях главная вовлеченность будет восприниматься как неотъемлемая часть социального события, к которому относится ситуация, и определяться как приоритетная или даже обязательная. Например, во время карточной игры от участников может ожидаться, что они будут фокусировать свое внимание на картах, оправдывая такое распределение вовлеченности характером социального события. Как отмечалось выше, мы тем самым можем говорить о диктуемых событиями главных вовлеченностях.

Важность поддержания главной вовлеченности, диктуемой событием, станет яснее, если рассмотреть, что происходит, когда индивид недостаточно осведомлен, чтобы «уловить» смысл происходящего. В подобных случаях он будет испытывать большие сложности с поддержанием внимания и, следовательно, подобающей вовлеченности внутри ситуации. Именно с такой проблемой сталкиваются иностранные студенты во время лекций или не-британцы во время крикетного матча. Аналогично, когда непрофессионал, копающийся в двигателе автомобиля, чтобы установить, почему тот заглох, чувствует себя неудобно перед остальными пассажирами, он может испытывать дис-

- 7 Легкость, выражаемая курением, может уравниваться дрожанием рук индивида, когда ему дают прикурить и он держит сигарету. Поэтому он может не знать заранее, что безопаснее: курить или не курить.

комфорт не только потому, что доставил им неудобства и демонстрирует свою некомпетентность, но и потому, что должен быть вовлечен в свою задачу, а его познаний о моторах может быть недостаточно, чтобы искренне концентрироваться на сломавшемся двигателе⁸. Интересно, что если индивид недостаточно разбирается в предмете, чтобы знать его, так сказать, изнутри, и пытается компенсировать свое отчуждение, надевая идеально правильную одежду, используя идеально правильное оборудование или принимая идеально правильные позы, окружающие могут сказать, что он «слишком вовлечен в ситуацию». Но на самом деле точнее было бы говорить, что он недостаточно вовлечен в диктуемое событием главную вовлеченность и слишком зависит от избранных знаков того, что он умеет осуществлять данную деятельность. Это позволяет объяснить легкое напряжение, вызываемое у присутствующих женщиной, которая, не состоя в тесных связях с усопшим, появляется на похоронах в очень модном, тщательно подобранном черном туалете.

Главная вовлеченность, поддерживаемая индивидом в социальной ситуации, может служить выражением его очевидного повода для нахождения в ней; обязанность иметь надлежащую главную вовлеченность — это обязанность иметь определенную цель. Однако, как уже отмечалось, существуют социальные ситуации, в которых присутствующие имеют цель, даже обязательную, но саму по себе не требующую или даже не допускающую главную вовлеченность, например, когда в общественном транспорте индивид сидит или стоит в ожидании своего пункта назначения. В такие моменты индивид может под-

8 Недостаточный опыт — не единственная причина такого рода затруднений. Когда хозяин стремительно покидает гостей небольшого дружеского события, предоставляя их самим себе, возникает аналогичная проблема: ожидая, что им обеспечат социальное взаимодействие, они могут обнаруживать, что у них нет ничего, что может стать легитимной главной вовлеченностью, и потому нет никаких оснований чувствовать себя испорченно.

держивать довольно поглощающие главные вовлеченности, которые заведомо подчинены пока еще недоступной доминирующей вовлеченности.

Независимо от того, предписана или нет главная вовлеченность, диктуемая событием, участник социальной ситуации — по крайней мере, во время сборищ представителей среднего класса — может быть обязан поддерживать хотя бы некоторую *минимальную главную вовлеченность*, чтобы не создавалось впечатления, будто он вообще ни во что не вовлечен. Это одна из причин, по которой приемные, вагоны-рестораны и пассажирские самолеты в нашем обществе часто оснащаются, по указанию менеджеров, такими предметами первой необходимости, как журналы и газеты, обеспечивающими минимальную вовлеченность, которой можно придавать значение (когда больше нечем заняться, кроме ожидания), но от которой можно моментально отказаться, когда подойдет очередь или по прибытии в пункт назначения. Газеты играют здесь особенно важную роль, представляя собой портативный источник вовлеченности, который можно доставать всякий раз, когда индивид чувствует, что должен быть вовлечен во что-то, но ничего подходящего нет⁹.

Интересной проблемой, с точки зрения распределения вовлеченности, является прием пищи в нашем обществе. В ресторанах поглощение еды определяется как доминирующая вовлеченность, но одновременно считается чем-то таким, чему индивид, по-видимому, не должен уделять слишком много внимания. Поэтому часто, чтобы найти применение незадействованной способности к вовлече-

9 Одним из очевидных неудобств, вызванных забастовкой газетчиков в 1954 году в Британии, было то, что пассажирам метро стало не за чем прятаться, — они лишились предмета, на котором можно подобающим образом сосредоточиться. В результате они начали производить впечатление людей, которым нечем заняться, а у британца из среднего класса это могло вызывать легкую дезориентацию в ситуации и ощущение саморазоблачения и «чрезмерного присутствия».

нию, используются подчиненные вовлеченности. Так, когда индивид обнаруживает, что ему предстоит есть в одиночестве, не имея возможности прикрыться разговором с партнером по еде, он может принести газету или журнал в качестве замены компании¹⁰. Если же ему нечего читать, он может сесть за стойку и, заказав быструю и простую еду, продемонстрировать, что некоторая часть его вовлеченности связана с иными делами, к которым он спешит вернуться. Садясь спиной к сборищу и лицом к стойке, он может корректировать свое положение в ситуации, занимая место на ее границе или даже за ее пределами¹¹.

Интересно, что в ряде ситуаций открыто требуются определенные мелкие вовлеченности, поскольку предполагается, что событие недостаточно значимо, чтобы оправдывать полную поглощенность главной вовлеченностью, диктуемой им. На Шетландском острове молодые женщины, беседуя вечером в кругу семьи, иногда были обязаны одновременно вязать, поскольку данная побочная вовлеченность была важным источником домашнего дохода. Точно так же нам сообщают, что в одном из монастырей монахини осознавали:

В комнату для отдыха следовало приходить со своей рабочей сумкой... В сумке была работа, которой ты должен заниматься, сидя в кругу, поскольку нельзя, чтобы руки лежали без дела на коленях.

10 Интересно, что если индивид в подобных ситуациях читает научную книгу, он может казаться слишком поглощенным для добавляющего публичного поведения, слишком отвлеченным от доминирующей деятельности и, порой, слишком недоступным для ситуации в целом, если от него вдруг потребуется направить внимание на что-либо. Можно добавить, что карманные книги, сколь бы серьезным ни было их содержание, позволяют обойти это правило благодаря своему виду и цене, что составляет одну из возможных причин их популярности.

11 В некоторых европейских ресторанах для одиноких посетителей, которые не хотят есть в одиночестве, сбоку устанавливают большой стол; то, что этого не делают в Америке, говорит об интересных различиях между американскими и континентальными правилами социальных контактов и принятия пищи.

Более того, это должна была быть ручная работа, например шитье или вязание. Это не могло быть что-то, требующее сосредоточенности, вроде написания писем, рисования или чтения, поскольку это отвлекало бы внимание от сидящих вокруг сестер¹².

Может показаться, что приведенные примеры необходимого баланса между главными и побочными вовлеченностями касаются тривиальных аспектов поведения, но существуют обстоятельства, при которых становится очевидна серьезность вопроса. Например, пациенты постоянно жалуются, что в приемных отделениях психиатрических больниц буквально нечем заняться. Причина не только в том, что там не практикуется лечение, которое бы обеспечивало диктуемому событием вовлеченность, но и в том, что там могут быть недоступны все вышеупомянутые обычные защитные приспособления, способствующие подчиненным вовлеченностям, либо, если они доступны, ими приходится пользоваться в течение более длительного периода времени, чем тот, для заполнения которого они предназначены. В данном случае неподобающее управление вовлеченностью внутри ситуации приходится демонстрировать в обстоятельствах, в которых его наблюдение другими несет с собой серьезную угрозу. Словом, пациент вынужден вести себя странно именно тогда и именно там, когда и где все его мысли заняты тем, как продемонстрировать свою нормальность. Если пациент громко протестует против обстоятельств, в которых оказался, его могут перевести в «изолятор», где может не быть буквально ничего подходящего, что могло бы стать основным предметом внимания. Оказавшись один в пустой комнате, он лишается почти всякой возможности совершать надлежащие действия и тем самым почти всякой возможности вести себя как здоровый человек, поэтому он может пытаться закрыть дверной глазок, чтобы помешать проходящим мимо превратить частное затруднение в социальную ситуацию.

¹² Hulme. The Nun's Story. P. 59.

Неспособность поддерживать необходимую меру и форму главной вовлеченности обусловлена не просто отсутствием восприимчивости к происходящему или скудной средой. Находясь в сборище, индивид может обнаруживать, что его потребности и интересы выходят за его пределы и что их можно удовлетворить в рамках некоторой реальной, но не наличной социальной ситуации¹³. Все мы наблюдали и проявляли возникающее вследствие этого нетерпение, желание вырваться из ситуации. Не менее часто возникают условия, побуждающие индивида утверждать, что ему скучно, и чувствовать себя слишком вялым и недостаточно воодушевленным, чтобы иметь подходящую главную вовлеченность. Следует также упомянуть другую возможность, а именно, что индивид может чувствовать себя явно слишком обеспокоенным и возбужденным, чтобы надлежащим образом принимать участие в происходящем. Какие бы допустимые главные вовлеченности не были доступны в ситуации, индивид может оказываться слишком взволнованным, чтобы уделять должную часть своего внимания какой-либо из них¹⁴. Ерзающие и расхаживающие близки к этому состоянию; маниакальные пациенты в психиатрических лечебницах в нем пребывают. Одна из наиболее запоминающихся сцен в психиатрической больнице — когда пациент слишком возбужден или расстроен, чтобы воспользоваться тем, что доступно в ситуации, но при этом отчаянно пытается это сделать. Так, один знаменитый бывший пациент, описывая свои попытки контролировать себя в периоды возбуждения, отмечает:

Я часто испытывал его [«нездоровое психическое возбуждение»], но при этом нередко чувствовал, что его можно контролировать целенаправленным волевым усилием. Часто я вставал и уверенно

13 Аналогичный феномен, наблюдающийся в разговорах, рассматривается в: *Erving Goffman. Alienation from Interaction // Human Relations. 1957. Vol. 10. № 1. P. 47–60.*

14 Этот тип озабоченности был увековечен в карикатурах о человеке, готовящемся стать отцом.

пересекал комнату или двор, сдерживая себя так, словно я обуздываю лошадь, которая пытается вырваться, невзирая на мундштук, уздечку или удила¹⁵.

Порой складывается впечатление, что пациент знает, что не может удержаться в ситуации, и сейчас озабочен лишь тем, чтобы создать у окружающих впечатление своего подобающего присутствия. В Центральной больнице я наблюдал одного пациента, который сначала направлялся из одного угла комнаты отдыха в другой, где находилась дверь на крыльцо, отважно пытаясь произвести впечатление, что на крыльце находится что-то, требующее его внимания, но затем, не выходя на крыльцо, поворачивался и повторял цикл. Другая пациентка, молодая женщина-психотик, из-за моторного возбуждения перемещавшаяся невероятно быстро, пыталась «протиснуться» в ситуацию, складывая одну пепельницу в другую, одну чашу с водой в другую, одну тарелку с едой в другую, очевидно, в безуспешной попытке продемонстрировать, что она делает что-то приемлемое и осмысленное. Еще одна пациентка раз за разом вставала со своего места в столовой, подходила к двери и затем возвращалась назад, пытаясь скрыть свои беспокойные действия тем, что нарочито сохраняла такое выражение лица, будто ей нужно быть в определенном месте в определенное время.

Существует множество социальных ситуаций, в которых можно встретить индивидов, притворяющихся, что они поглощены занятием, продиктованным событием, но на самом деле преследующих свои специфические цели и поэтому по-своему распределяющих вовлеченность. Фраза «смешаться с толпой» обычно применяется к преступникам, детективам, репортерам и прочим мастерам притворства, но в действительности это довольно распространенный процесс¹⁶. Так, в некоторых городских пу-

15 The Philosophy of Insanity, by a Late Inmate of the Glasgow Royal Asylum for Lunatics at Gartnavel (New York: Greenberg, 1947). P. 23.

16 Goffman. The Presentation of Self. P. 145-149.

бличных библиотеках сотрудники и местные попрошайки могут достигать негласного понимания того, что в библиотеке разрешается дремать, но только если дремлющий сначала взял книгу и поставил ее перед склоненной головой. В Центральной больнице наблюдается интересный пример такого притворства среди популярных санитаров, которые принимают участие в организованном досуге условно выписанных пациентов, не встречая со стороны последних никаких возражений. Когда во время этих встреч между пациентами вспыхивает драка или кто-то пытается сбежать, санитар часто оказывается на месте даже до того, как присутствующие пациенты осознают, что что-то происходит. В такие моменты некоторые пациенты утрачивают иллюзии, понимая, что участие санитаров было отчасти просто шоу, что он не был поглощен событием и все это время был бдительным охранником. В подобных случаях, когда исчезает видимость подобающей вовлеченности, становятся четко видны ограничения, которые обычно не ощущаются и не замечаются.

В стенах общественных учреждений обычно существуют формальные правила, касающиеся диктуемых событием главных вовлеченностей. Скажем, в промышленности важная статусная граница может проходить там, где работникам открыто приказывают «приниматься за работу». (Очевидный радикальный пример — некоторые трудовые лагеря в Алабаме, где «равнодушие к работе» может наказываться плетью или кандалами.) Хорошо известно, что в таких обстоятельствах происходит «имитация работы», т. е. демонстрируются внешние признаки активности и изображается диктуемая событием главная вовлеченность, которой предаются в моменты инспекции. Подобная активность может быть сугубо ситуационной, поскольку часто представляет собой всего лишь шоу.

Проблема поддержания надлежащей главной вовлеченности особенно важна для поведения на улице. Целе-направленное движение по своим делам, придание себе

вида, «будто идешь откуда-то или куда-то»¹⁷, предполагает наличие доминирующей цели, которая освобождает актуальный фокус внимания для иных вещей; пункт назначения и тем самым доминирующая вовлеченность находятся за пределами ситуации. Когда возникающие в результате подчиненные главные вовлеченности становятся интенсивными, как в случае жаркого спора или нежных объятий, другие могут считать индивида не участвующим должным образом в сборище в целом.

Помимо впечатления, что они отвлеклись от дела, которое должно их занимать, индивиды могут производить впечатление, что им вовсе нечем заняться. Присутствие в публичном месте без явной ориентации на цели за пределами ситуации иногда называют бездельничаньем (когда положение фиксировано) и праздношатанием (когда осуществляются перемещения). Каждое может считаться достаточно неподобающим, чтобы приводить к вмешательству представителей закона. На многих улицах наших городов, особенно в определенные часы, полиция будет останавливать любого, кто явно ничем не занят, и просить его «не задерживаться». (В Лондоне недавно было выпущено судебное постановление, гласящее, что индивид имеет право идти по улице, но не имеет законного права просто стоять на ней.) В Чикаго человек в униформе бездомного может спокойно сидеть и «клянчить» на улице, но, покинув свой пятачок, он должен выглядеть так, словно направляется в конкретное место по делам. Точно так же некоторые психически больные пациенты оказываются за решеткой, потому что полиция обнаружила их слоняющимися по улицам в неположенное время без какого-либо явного пункта назначения или цели. Одну из иллюстраций этих правил поведения на улице можно найти в описании Сэмюэлем Беккетом злоключений его вымышленного калечного героя, Моллоя, который пы-

17 *Edmund G. Love. Subways Are for Sleeping* (New York: Harcourt, Brace & World, 1957). P. 28.

тается справиться одновременно со своим велосипедом, своими костылями и своей усталостью:

Так вот, преодолели мы этот трудный переход, мой велосипед и я одновременно. Но чуть подальше мне послышалось, что меня кто-то окликнул. Я поднял голову и увидел полицейского. То есть это я выражаюсь эллиптически, потому как только потом, путем индукции или дедукции, уж не знаю, я узнал, кто он такой. Что вы тут делаете? — спрашивает он. Я привык к этому вопросу, я его тотчас же понял. Отдыхаю, говорю. Отдыхаете, говорит. Отдыхаю, говорю. Вы намерены отвечать на мой вопрос? — заорал он. Вот так со мной постоянно, когда меня втягивают в разговоры, я искренне считаю, что ответил на заданные мне вопросы, а на самом деле ничего подобного. Я не стану воспроизводить этого разговора со всеми его завихрениями. В конце концов я понял, что моя манера отдыхать, моя поза во время отдыха, сидя верхом, руки на руле, голова на руках, была покушением уж не знаю на что — на порядок, на целомудрие¹⁸.

[Затем Моллоя отвозят в участок, допрашивают и отпускают.]

Что определенно, так это то, что никогда больше я не отдыхал таким образом, ноги непристойно стоят на земле, руки лежат на руле, голова на руках, отрешенная и гудящая. В сущности, это печальное зрелище, печальный пример для горожан, так нуждающихся в ободрении, при их тяжком труде, и в том, чтобы не видеть вокруг себя ничего, кроме проявлений силы, радости и отваги, без которых они бы к концу дня рухнули и катались по земле¹⁹.

Бездельничанье и праздношатание часто, но не всегда, запрещают. В обществах с институционализированной культурой кафе бездельничанье широко разрешено. Даже в нашем обществе отчасти допустимы «группы бездельников», участники которых готовы мгновенно переключить внимание на любой появившийся предмет и отказываются поддерживать текущий разговор, если не расположены к этому. Такие скопления людей, коротающих время, можно встретить на углах улиц в трущобах, возле лавок

18 *Сэмюэль Беккет. Моллой* / Пер. с англ. Марины Кореневой (Москва: Текст, 2008). С. 27–28.

19 Там же. С. 35.

и парикмахерских в малых городах²⁰, в теплую погоду на улицах некоторых районов больших городов, где торгуют одеждой оптом, и, как ни парадоксально, на лужайках перед зданием суда в некоторых малых городах²¹.

Правило, запрещающее «не иметь цели» или ничем не заниматься, становится очевидным в тех случаях, когда необременительные вовлеченности используются для рационализации или маскировки желаемого безделья, позволяя скрыть свое физическое присутствие в ситуации за видимостью допустимой активности. Так, когда индивиды хотят сделать «перерыв» в своей рабочей рутине, они могут переместиться туда, где разрешается курить, и там демонстративно курить. Некоторые минимальные «досуговые» виды деятельности тоже используются для маскировки невключенности, как в случае «рыбалки» на берегу реки, где ни одна рыба гарантированно не помешает дремать, или в случае «загорания» на пляже — активности, скрывающей дремоту или сон, хотя, как и в случае бездельничающих бездомных, тут может понадобиться особая униформа, подчеркивающая и институционализирующая такое относительное бездействие. Можно ожидать, что если контекст надежно обеспечивает доминирующую вовлеченность, выходящую за пределы ситуации, как, например, во время поездки в поезде или при авиаперелете, тогда смотрение в окно, дрема или сон могут быть вполне допустимы. Словом, чем больше обстановка гарантирует, что участник не уклоняется от того, во что он должен быть вовлечен, тем большей свободой он будет обладать в отно-

20 См., например: *James West*. Plainville, U.S.A. (New York: Columbia University Press, 1945). P. 99–103; *Hylan Lewis*. Blackways of Kent (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1955). P. 68–72 («The Idling Complex»).

21 См. статьи И. Дойчера о «мелких преступниках»: *Irwin Deutscher*. The White Petty Offender in the Small City // *Social Problems*. 1953. Vol. 1. № 2. P. 70–73; The Petty Offender: A Sociological Alien // *Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*. 1954. Vol. 44. № 5. P. 592–595; The Petty Offender: Society's Orphan // *Federal Probation*. 1955. Vol. 19. № 2. P. 12–18.

шении выражения того, что в противном случае считалось бы отстранением от ситуации.

Здесь полезно вновь обратиться к таким подчиненным вовлеченностям, как чтение газет и рассматривание витрин. Поскольку в нашем обществе эти вовлеченности представляют собой временные легитимные отвлечения от легитимного объекта — своего дела, — они обычно используются для сокрытия нелегитимной цели, как мы все знаем из описаний искусства «сидения на хвосте» у подозреваемого. Когда Сэм Спейд* притворяется, что рассматривает костюм в витрине магазина, его настоящая цель — не создать впечатление, что его интересуют костюмы, а показать, что у него такой же набор целей, как у человека с улицы, на некоторое время отвлекшегося от своих дел, чтобы поглазеть в витрину. Аналогично, бывший бродяга сообщает, что, когда внешность и реальная цель человека делают его неподходящим для текущей поведенческой обстановки, подчеркнуто правильная подчиненная вовлеченность может иметь существенное значение для убеждения других людей в том, что его доминирующая вовлеченность связана с этими подчиненными вовлеченностями:

Одно из предубеждений, которое он [друг] обнаружил, хотя не может объяснить, — отношение полицейских, дежурящих на станциях, к читателям книг. Чтобы читать книгу после семи тридцати вечера на Гранд-централ или Пенн-стейшн, нужно либо носить очки в роговой оправе, либо выглядеть крайне преуспевающим. Все прочие могут становиться объектом слежки. Читатели газет, напротив, никогда не привлекают внимание, и даже распоследний бомж может сидеть на Гранд-централ всю ночь, и к нему никто не будет приставать, пока он продолжает читать газету²².

3. Резервы невовлеченности

Все рассмотренные отклонения тем или иным образом бросают вызов власти социального события над индивидом, оказывающимся участником данного события.

22 *Love. Subways Arc for Sleeping*. P. 28.

Отсюда, однако, не следует делать вывод, что полное погружение в главную вовлеченность, диктуемую событием, может гарантировать соблюдение приличий в ситуациях. Каковы бы ни были предписанные главные вовлеченности и какова бы ни была их одобряемая интенсивность, обычно от индивида — по крайней мере, в средних классах нашего общества — требуется предоставлять наглядные доказательства того, что он не до конца отдается главному фокусу внимания. Как правило, будет требоваться и демонстрироваться небольшой резерв самоконтроля и самообладания, даже несмотря на то, что данная обязанность часто должна уравниваться вышеупомянутой обязанностью поддерживать минимум приемлемой главной вовлеченности.

Обычно индивид способен столь успешно поддерживать впечатление должной невовлеченности, что мы склонны не замечать это требование. Когда возникает реальный кризис, который заставляет индивида полностью погрузиться в ситуативную задачу, сам этот кризис, как новое социальное событие, может скрывать, оправдывать и даже делать обязательным то, что в противном случае было бы ситуационным нарушением. Однако во время небольших кризисов, когда у индивида есть повод для отказа от общей ориентации на сборище, но нет на это права, мы можем наблюдать удивительно серьезные попытки продемонстрировать подобающую невовлеченность, несмотря на трудности. Скажем, когда человек целиком посвящает себя тому, чтобы догнать автобус, или поскальзывается на обледенелом тротуаре, он может держать свое тело оптимистично твердо и прямо, с легкой мучительной улыбкой на лице, словно бы говоря, что на самом деле он не так уж старается держать равновесие и сохраняет ситуационно подобающее владение собой.

Очевидно, существуют различные виды сверхвовлеченности в ситуативные действия, например, когда индивид слишком громко выражает свое одобрение на любительском боксерском матче или слишком глубоко погружает-

ся в безмолвное решение шахматной задачи. Здесь снова видно, что действия, которые на первый взгляд сильно разнятся, могут иметь одинаковое экспрессивное значение. Интересно, что свидетельства более мягкого вида сверхвовлеченности часто обнаруживаются в особом классе фугоподобных побочных вовлеченностей — в тех повторяющихся действиях, которые предполагают, что индивид очень глубоко вовлечен в задачу, часто — диктуемую событием²³. Похоже, лишь немногие ситуации определяются так, что они допускают подобное замыкание в деятельности. Поэтому когда интенсивно вовлеченного индивида застают за одной из таких отклоняющихся побочных вовлеченностей, обычно он демонстрирует смущение, поспешно перераспределяя свою вовлеченность более признанным и признающим образом. Судя по всему, глубокая вовлеченность в задачу допустима только в ситуациях вроде экзамена и спортивного соревнования, в которых интенсивная ситуативная вовлеченность тесно связана с целью события.

Очень распространенная форма контроля вовлеченности наблюдается во время приемов пищи, когда во многих слоях англо-американского общества от индивида ожидается, что он будет есть относительно медленно, не будет брать еду с тарелки соседа и в целом не будет вести себя так, словно наесться досыта — важнейшая вещь на свете, т. е. будет действовать так, будто само по себе принятие пищи требует очень мало внимания. (Например,

23 Эти фугоподобные признаки обычно сопровождаются неподобающей позой (что дает нам некоторое представление о правилах, регулирующих позы). Один из первых и немногих исследователей повседневных социальных сборищ пишет: «Когда в классе ученик по-настоящему погружается в стоящую перед ним задачу, он обычно опускает лопатки, раздвигает ноги, начинает ерошить волосы и совершает множество других необычных действий. Но стоит чарам рассеяться, он выпрямляется на своем сиденье, приводит одежду в порядок и вновь принимает социально подобающий облик» (*Charles H. Woolbert. The Audience // Psychological Monographs. 1916. Vol. 21. № 4. P. 48–49*).

на Шетландском острове, в сообществе, большинство членов которого всегда были немного голодны, принятие индивидом предложения добавки почти неизменно сопровождалось сначала уверением, что он наелся, а затем утверждением, что ему дали слишком много.) В психиатрических лечебницах персонал воздаст этим правилам должное, изобретая социальные типы, к которым относятся нарушающие данные правила пациенты. Например, есть «пихала», который набивает рот едой, пока у него не раздуются щеки и он не начинает багроветь от недостатка воздуха; еще есть «хапун», которого, поскольку он склонен таскать еду с тарелки соседа, либо сажают за отдельный стол, либо привязывают во время приема пищи к стулу с помощью перевязи, пропущенной под воротником рубашки наподобие собачьего поводка, чтобы он не вторгся на чужую территорию. Другие, менее радикальные примеры, наблюдающиеся в больнице, близки к поведению, встречающемуся в свободном обществе. Например, в Центральной больнице «более больные» взрослые пациенты обычно сначала съедали десерт, тем самым демонстрируя недостаточный контроль над своим желанием получить сладкое и слишком сильную вовлеченность в потребление пищи. Это же нарушение, как известно, часто встречается среди маленьких детей, которых нужно научить скрывать как «чрезмерное влечение» к оральным излишествах, так и «чрезмерное наслаждение» процессом их употребления²⁴.

В нашем обществе одним из интересных признаков, свидетельствующих о сверхвовлеченности, считается по-

24 Контроль аппетита и другие правила вовлеченности — важная часть того, чему родители должны научить своих детей. Одним из оснований часто отмечаемого сходства между психически больными людьми и детьми является то, что опекающие их лица должны принуждать обе группы к соблюдению правил вовлеченности. В таком случае, можно сказать, что «регрессия» — это не возвращение к инфантильному состоянию либидинальной организации, а, скорее, манифестация тех проблем с ситуационной дисциплиной, которые время от времени наблюдаются среди детей.

тение; другой признак — «дрожащий» голос. Еще более важен феномен дрожащих рук — проблема, с которой сталкиваются пожилые люди. Индивиды с хроническим тремором становятся «ущербными», поскольку привносят в любое повседневное взаимодействие демонстрацию того, что может восприниматься как недостаточный самоконтроль. Для сокрытия этого признака и для предупреждения ложного впечатления, которое он может создавать о фасаде подобающей вовлеченности, поддерживаемой остальными частями тела индивида, используются определенные стратегии, вероятно, открытые независимо друг от друга. Одна из техник — прятать руки в карманы, другая — крепко прижимать их к столу, третья — держать одну трясущуюся руку другой, уперев локоть в стол для поддержки.

Можно утверждать, что тенденция держать часть себя в резерве может окрашивать деятельность индивида таким образом, что в тех особых ситуациях, где требуется относительно полный отказ от главной вовлеченности, индивид может обнаруживать, что не способен перестать сдерживать себя. Вероятно, именно этим может отчасти объясняться распространенность фригидности в среднем классе. Как бы то ни было, в нашем обществе половое сношение лучше совершать в темноте, служащей экраном вовлеченности, поскольку темнота позволяет участникам хотя бы немного почувствовать себя так, словно их вообще нет в данной ситуации. Эта же проблема (но не это же решение) встречается, конечно, и в других обстоятельствах. Например, часто необходимость делить офис с кем-то еще накладывает ограничения на работу, поскольку полная концентрация и погружение в задачу становятся неподобающим способом вести себя в ситуации. Некоторые сослуживцы, по-видимому, решают эту проблему, постепенно приписывая друг другу статус «не-людей», что позволяет им ослабить давление ситуационных приличий и повысить ситуативную концентрацию. Дело может даже дойти до того, что индивид будет позволять себе

произносить вполголоса восклицания, касающиеся хода выполнения работы, например: «Это ж надо!», «Ага», «Ну-ка, ну-ка», не извиняясь перед коллегами²⁵. В подобных обстоятельствах могут осуществляться и позволяться и другие обособленные побочные вовлеченности, вроде наматывания волос на палец.

25 Эдгар Шейн* указал, что если индивид чувствует себя обязанным изображать глубокую сосредоточенность на предмете внимания, он может, разумеется, имитировать соответствующие выражения.

Глава 5

Некоторые правила, касающиеся объектов вовлеченности

Я показал, что в социальных ситуациях индивид делит свою вовлеченность на главную и побочную, доминирующую и подчиненную, и что в каждой ситуации некоторое деление будет определяться в качестве подходящего. Кроме того, были описаны некоторые типичные отклонения от подходящей вовлеченности: чрезмерно поглощающая подчиненная вовлеченность, отсутствие диктуемой событием главной вовлеченности, недостаточная главная вовлеченность и сверхвовлеченность. В настоящей главе будут рассмотрены специфические *объекты* или *направления* вовлеченности, составляющие центральный предмет нормативного регулирования и нарушений вовлеченности. Поэтому я обращаюсь к тому же самому поведению, но из несколько иной перспективы.

1. Автововлеченности

Тело индивида или предмет, напрямую связанный с его телом, — чрезвычайно распространенные объекты его вовлеченности. И хотя подобная активность может иметь техническое рациональное основание, как, например, когда индивид пытается достать занозу с помощью иглы, обычно в ней присутствует элемент украшения себя или потворства себе. Как бы то ни было, к примерам автововлеченностей, т. е. направленных на себя и предполагающих самопоглощенность физических действий,

относятся употребление пищи, одевание, ковыряние в зубах, чистка ногтей, дремота, сон¹. Эти виды активности я буду называть «автововлеченностями»; более легкий термин «самововлеченности» обозначал бы также менее соматически выраженные вещи, вроде обсуждения себя и фантазий о себе.

Существуют значительные территориальные различия, касающиеся разрешенных автововлеченностей в присутствии других. На торговых улицах американских городов взрослым позволено жевать резинку и даже сосать леденцы. Но практики еды, характерные для набережных, показались бы здесь немного неуместными — они предполагают вовлеченность в себя, которая слишком велика, чтобы не наносить небольшое оскорбление прочим участникам ситуации.

В целом интерес к «собственному телу» воспринимается как подчиненная побочная вовлеченность. Интересный ряд примеров цитирует, с негодованием и удивлением, Сол Беллоу в очерке об отвлекающих вещах:

Занимаясь домашними делами: можно намазать лицо кремом, а волосы накрутить на бигуди; можно тренироваться правильно стоять и ходить; сидя за кухонным столом и чистя картошку, можно делать упражнения для лодыжек и укрепления ног, а также тренировать правильную осанку при сидении... *Разговаривая по телефону* (разумеется, дома): можно делать упражнения для шеи; расчесывать волосы; делать упражнения для лодыжек, для глаз, для укрепления ног, для подбородка и шеи; тренироваться правильно стоять или сидеть; даже массировать десны (слушая собеседника)... *Читая или смотря телевизор:* можно расчесывать волосы; массировать десны; делать упражнения для лодыжек и рук, для укрепления ног; делать упражнения для груди и спины; массировать кожу головы; использовать абразив для удаления лишних волос².

- 1 Множество примеров приводится в: *Maurice H. Krout. Autistic Gestures: An Experimental Study in Symbolic Movement* (Princeton: Psychological Review Company, 1935).
- 2 *Saul Bellow. Distractions of a Fiction Writer // New World Writing. No 12* (New York: New American Library, 1957). Р. 231. Беллоу цитирует популярный буклет Констанции Харт: *Constance Hart. The Handbook of Beauty* (New York: Dell, 1955).

Однако, если присутствуют другие, эти автововлеченности часто кажутся неподобающе отвлекающими от доминирующих вовлеченностей. В любом случае, на них обычно налагаются ситуационные ограничения. Книги по этикету, конечно же, предостерегают от таких вовлеченностей в присутствии других:

Мужчинам никогда не следует смотреться в зеркало или причесываться на публике. Самое большее, мужчина может затянуть галстук и пригладить волосы рукой. Вероятно, нет нужды добавлять, что чесать голову, тереть лицо, прикасаться к зубам или чистить ногти на публике — совершенно малопривлекательные занятия. Всем этим следует заниматься приватно. Даже такие привычки, как проведение пальцем по щеке или позади уха, могут быть крайне непривлекательными, особенно если соответствующие действия совершаются рассеянно и бесцельно³.

Как видно из начала приведенной цитаты, один из типов автововлеченности наблюдается, когда индивид проверяет или исправляет свой внешний вид. Один из очевидных признаков того, что в нашем обществе некоторые ситуации начинают определяться более свободно, — то, что женщинам становится все менее неподобающе уделять внимание своему фасаду в публичных местах, не отправляясь для этого в специальное помещение, например красить губы помадой или поправлять шляпку за столиком в ресторане. В любом случае, эта восстановительная работа считается настолько стратегически необходимой, что нередко предусматриваются соответствующие укрытия, в которых подобные действия можно осуществлять в безопасности. Например, во многих офисах можно встретить полузагороженные умывальники, где секретарша может посмотреться в зеркало, чтобы нанести макияж, причесаться, оценить, как выглядит ее лицо, и т. п., поскольку здесь она может позволить себе ту степень автововлеченности, которая в остальных местах запрещена.

3 *Millicent Fenwick. Vogue's Book of Etiquette* (New York: Simon & Schuster, 1948). P. 11.

Зеркала — важные объекты для исследования проблемы управления автововлеченностями. Бесспорно, в американском обществе очень сложно устоять перед соблазном воспользоваться ближайшим зеркалом; здесь самоконтроль, который обычно предотвращает недопустимую автововлеченность, иногда дает сбой. Часто можно видеть, как взрослые предаются таким мимолетным вовлеченностям, что напоминает нам о преподнесенных им когда-то в детстве уроках, призванных отучить их смотреть на себя в зеркала (или на свои отражения в стеклах) в присутствии других людей.

Внимание к личному внешнему виду часто предполагает приятную самостимуляцию, что дает еще один повод заимствовать термины «прининг» и «грумминг»* из социологии животных для описания социального поведения людей⁴. Радикальный случай такого рода самопоглощенной вовлеченности — получаемое на пляже право медленно и усердно наносить крем для загара на свою кожу. Но, разумеется, и во вполне формально определяемой ситуации индивид может обладать свободой быстро прикасаться к открытым частям своего тела.

Вероятно, наиболее радикальной формой автововлеченности в среднем классе нашего общества является мастурбация. Мы признаём, что мастурбацию можно определять в качестве допустимой в некоторых отделениях психиатрических больниц, но склонны не замечать значение этой проблемы для нормальных обстановок, в которых присутствуют люди одного пола из низшего класса. Например, в Центральной больнице были отделения для хронически больных мужчин, в которых наблюдались два типа мастурбации: совершавшаяся пациентами, которых считали непристойными и распущенными вследствие психоза, и «нормальная» мастурбация, совершавшаяся, обычно полутайно, пациентами, которых другие пациенты и санитары считали попавшими в отделение не столько из-за психической болезни, сколько из-за того, что

4 Я пользуюсь здесь указаниями Рэя Бёрдвистелла*.

у них какие-то «неприятности». Перед нами пример действий, которые во многом идентичны, однако имеют совершенно разное психодинамическое значение⁵. Конечно, «нормальная» форма мастурбации и ее снисходительное социальное определение наблюдаются и в других чисто мужских коллективах, состоящих преимущественно из представителей низшего класса, например в тюрьмах⁶. В женских коллективах тоже встречаются примеры подобной автововлеченности и тоже в пределах того, что вроде бы относится к области нормальной психологии. Пуйе пишет:

Во время визита, нанесенного мной как-то на фабрику по производству военной одежды, я стал свидетелем следующей сцены. Посреди единообразного звука, производимого примерно тридцатью швейными машинами, я внезапно услышал, что одна из машин работает гораздо быстрее прочих. Я взглянул на девушку, которая за ней трудилась; это была брюнетка 18–20 лет. Пока она автоматически управлялась с брюками, которые шила на машине, лицо ее стало оживленным, рот приоткрылся, ноздри расширились, ноги начали нажимать на педали со все возрастающей частотой. Вскоре я заметил конвульсивный взгляд в ее глазах, веки приопустились, лицо побледнело и вновь обрело румянец; она перестала двигать руками и ногами и вытянула их; сдавленный стон, раздавшийся после длинного вдоха, потонул в шуме мастерской. Несколько секунд девушка оставалась неподвижной, затем достала носовой платок и вытерла капли пота со лба, после чего, бросив застенчивый и смущенный взгляд на компаньонку, вернулась к работе. Женщина-мастер, которая была моим провожатым, заметив направление моего взгляда, подвела меня к девушке, которая покраснела, опустила лицо и пробормотала несколько бессвязных слов, прежде чем мастер посоветовала ей сидеть на сиденье полностью, а не с краю.

Покидая фабрику, я услышал, как другая машина в другой части помещения начала работать на повышенных оборотах. Женщина-мастер улыбнулась мне и сказала, что это происходит столь

5 Полезное обсуждение некоторых психодинамических смыслов неадекватной автововлеченности можно найти в: *Thomas S. Szasz. The Psychology of Bodily Feelings in Schizophrenia // Psychosomatic Medicine. 1957. Vol. 19. № 1. P. 11–16.*

6 См., например: *Alfred Hassler. Diary of a Self-Made Convict (Chicago: Regnery, 1954). P. 63: «...обычное дело — зайти в душевую и застать там одного-двух мужчин, мастурбирующих в писсуары».*

часто, что никто не обращает внимания. Она сообщила мне, что особенно это характерно для молодых работниц, подмастерий, и что сидящие на краю сидений таким образом трут свои малые половые губы⁷.

Еще один класс автововлеченностей, требующий рассмотрения, можно назвать «прорывами естества». К ним относятся быстротечные действия, ускользающие от самоконтроля индивида и позволяющие ненадолго возобладать его «животной натуре». Судя по всему, они на непродолжительное время снимают напряжение, испытываемое индивидом, пытающимся оставаться всегда и полностью облаченным в социальный наряд; это кратковременная капитуляция перед зудом, который мучит актера, не желающего чихать во время исполнения своей роли. Потеря контроля во время этих прорывов естества является важным способом демонстрации индивидами того, что они не вполне присутствуют в ситуации.

Вероятно, можно составить континуум или иерархию прорывов естества в соответствии с тем, насколько они дискредитируют готовность индивида реагировать на ситуацию. На одном полюсе находятся мелкие прорывы, вроде почесываний, короткого кашля, потирания глаз, вздохов, зевков и т. п.; на другом полюсе находятся такие действия, как пускание газов, недержание и т. п.; в середине континуума располагаются дрема, отрыжка, плевки, сморкание или ослабление ремня. На всем протяжении континуума встречаются внезапные, так называемые эмоциональные выражения разной степени, вроде громкого смеха, крика, плача или неприкрытой брани; эти действия могут указывать на кратковременную утрату контроля над ранее сдерживаемым аффектом. Можно добавить, что поскольку такие прорывы естества обычно скоротечны, они хорошо подходят для тайного или экранированно-

7 *Theodore Pouillet*. Etude médico-philosophique sur les formes, les causes, les signes, les conséquences et le traitement de l'onanisme chez la femme (Paris: Delahaye, 1880); цит. по: *Havelock Ellis*. Studies in the Psychology of Sex. Vol. 1 (New York: Random House, 1936). P. 176–177.

го выражения, как в случае, когда человек прячет зевок за ладонью, чешет свои интимные места рукой, засунутой в карман, или предусмотрительно вытирает зудящий нос платком.

2. Отрешенность

Когда индивид открыто принимает участие в некоторой деятельности внутри социальной ситуации, он может позволить себе на время переключить внимание с того, что он и все остальные считают реальным или серьезным миром, на игровой мир, в котором участвует только он один. Такой вид внутренней эмиграции из сборища можно назвать «отрешенностью», и он подвергается строгому ситуационному регулированию⁸.

Возможно, наиболее важным видом отрешенности является воскрешение индивидом в памяти событий прошлого или репетиция каких-либо будущих событий в форме того, что по-разному называют мечтательностью, задумчивостью, витанием в облаках, грезами или аутичным мышлением⁹. В это время индивид может демонстрировать свое отсутствие в текущей ситуации с помощью обращенного внутрь, рассеянного взгляда, с помощью неподвижных членов, напоминающих состояние сна, или с помощью того особого класса побочных вовлеченностей, которые могут поддерживаться совершенно «бессознательно» и отвлеченно: напевания вполголоса, рисования каракулей, постукивания пальцами по столу, наматывания волос на палец, ковыряния в носу, почесывания. (Как отмечалось выше, иногда такие фугоподобные побочные вовлеченности могут также сообщать, что ин-

8 Термин «отрешенность» взят из: *Bateson, Mead. Balinese Character*. P. 68–69. См. также: *Goffman. Communication Conduct*. Chap. 17.

9 Психиатрическая версия аутизма представлена в: *Bleuler. Dementia Praecox*; см. также: *Eugen Bleuler. Autistic Thinking* / Transl. David Rapaport // *Organization and Pathology of Thought* (New York: Columbia University Press, 1951). Chap. 20.

дивид поглощен решением умственной задачи.) Так или иначе, мечтательность представляет собой красноречивый признак отстранения от любых конкретных публичных дел внутри ситуации.

О том, в какой мере индивиды обычно отрешены от ситуаций, в которых участвуют, скрывая такое отсутствие привязанности от других или нет, известно мало. Однако можно предположить, что любой жизненный эпизод обеспечивает по крайней мере некоторое число мест, в которых можно беспрепятственно отрешиться. Некоторые занятия подходят для этого особенно хорошо. Например, в туристическом отеле на Шетландском острове посудомойки могли поддерживать рабочий темп, при этом полностью погрузившись в свои мысли, и подчас даже начинали задумчиво напевать, что было настолько очевидным проявлением отрешенности, что тут же пресекалось управляющим. На общинных гуляниях местные музыканты тоже могли играть на сцене, достаточно глубоко уйдя в себя; в конце номера они все вместе возвращались из своих грез и среди них прокатывалась небольшая волна смешков, демонстрирующих, насколько далеко от танцоров они на самом деле были. Разумеется, некоторые виды работ, вроде работы ночного сторожа, могут выбираться с учетом предоставляемых возможностей для такой отрешенности.

Похоже, некоторые общественные учреждения особенно часто страдают от того, что их сотрудники обнаруживают слишком много возможностей для мечтательности. Например, биограф бывшей монахини пишет по поводу группы монахинь, только что принявших постриг:

Ее компаньонки пришли, как обычно, со своими черными сумочками, но некоторые из них, заметила она, выглядели словно лунатики. Пока они кланялись настоятельнице и занимали ближайшие свободные места, перед этим не оглядывая, как прежде, комнату в поисках места в кругу, на котором они смогут приносить наибольшую пользу, их широко открытые глаза были словно устремлены на далекую благодать...

«Склонность к мистицизму всегда составляет проблему в таком смешанном ордене, как наш, где труд и созерцание должны идти рука об руку. Она часто наблюдается у только что принявших постриг, и хотя молодая монахиня, напрямую общающаяся с Господом, — прекрасное зрелище, тем не менее, когда она пребывает в экстазе, она потеряна для общины, и в это время чьи-то другие головы, руки и ноги должны выполнять ее работу. Разумеется, никогда нельзя знать, реальное это состояние или просто одна из тех разновидностей неосознаваемого мысленного уединения, жертвами которого все мы время от времени становимся».

Молчание погруженных в себя сестер не прошло мимо внимания настоятельницы. Она вернула замечтавшихся в швейный кружок, прямо спросив их о заданиях...¹⁰

В некоторых отделениях психиатрических больниц отрешенность не подвергается прямому наказанию, и пациенты могут годами ходить туда-сюда по коридорам, раздумывая о прошлом и выходя из своего отрешенного состояния, только когда администрация больницы насильно принуждает их к этому¹¹. В такой обстановке отрешенность может не только разрешаться, но и поощряться, как в случае, когда находящийся в изоляции пациент не обнаруживает вокруг ничего, чем можно занять свои мысли, или когда всех пациентов отделения на девяносто коек собирают в одной из двух комнат отдыха, чтобы помыть или натереть воском пол во второй, в результате чего они оказываются так близко друг к другу, что эффективным способом защиты становится уход в себя и подавление ориентации на других. В этих контекстах включенный наблюдатель может вскоре научиться не обращать внимания на недержание и галлюцинации в восемнадцати дюймах от него. Нам кое-что известно о том, насколько тяжело индивиду в такой обстановке выйти из состояния отрешенности, чтобы принять участие в разговоре с другими

10 *Hulme. The Nun's Story. P. 69–70.*

11 Хорошее описание данного состояния с точки зрения того, что он называет «хронической деморализацией» и «отчаянием», дает Г. С. Салливан: *Harry Stack Sullivan. Psychiatric Aspects of Morale // American Journal of Sociology. 1941. Vol. 47. № 3. P. 281.*

присутствующими¹². По-видимому, эти факты объясняют классический феномен хронических отделений: когда пациент, достаточно «присутствующий», чтобы вежливо попросить сигарету, настолько погружен в свои мысли, что позволяет сигарете прогореть и обжечь ему пальцы.

Как было сказано в связи с бездельничаньем, индивиды используют множество не требующих усилий действий в качестве прикрытий для мечтательности. Один из примеров — перерыв на кофе и сигареты в одиночестве. Закусочные поддерживают эту практику, размещая сидения для одиноких едоков перед сплошным зеркалом, что позволяет посетителю еще больше отрешиться, украдкой глядя на самого себя. Люди, разочаровавшиеся во всей системе ситуационных обязательств в обществе, могут искать такие места, где погруженность в себя будет, скорее всего, разрешаться. Как сообщил один образованный пациент Центральной больницы: «Во избежание слухов я начал часто прятаться там, где, как мне казалось, меня никто не увидит. Часами я просто сидел, задумчиво уставившись в пространство и предаваясь бессвязным мыслям».

Хотя молчаливая или задумчивая отрешенность является, вероятно, главным типом, наблюдаются и другие. Во-первых, есть то, что обычно называют «говорением с самим собой», которое можно узко определить как разговор, в ходе которого человек обращается к себе при помощи голоса или жестов. На театральной сцене такие действия называются внутренними монологами, и они институционализированы в качестве разрешенного драматургического приема. Однако в реальной жизни в нашем обществе распространено представление о том, что подобную деятельность осуществляют только психически больные, а также необученные и недалекие люди. На са-

12 См., например: *Malcolm L. Hayward, J. Edward Taylor. A Schizophrenic Patient Describes the Action of Intensive Psychotherapy // Psychiatric Quarterly. 1956. Vol. 30. № 1. P. 1–38.*

мом же деле, есть множество обстоятельств, при которых люди говорят с собой и считают это позволительным. Например, если индивид совершает что-то неуместное, он может целенаправленно проклинать себя вслух, чтобы показать, что он тоже считает такие поступки недопустимыми и, вдобавок, нехарактерными для него, тем самым, очевидно, предпочитая быть человеком, который разговаривает с собой, лишь бы не быть человеком, которому свойственно ошибаться только что продемонстрированным способом. Аналогично, когда индивид, как говорят, «ворчит», он хочет, чтобы его лучше считали человеком, который говорит с самим собой, чем человеком, который ничего не делает в ответ на оскорбление. Однако за исключением подобных случаев сохранения лица, люди, разговаривающие сами с собой, обычно стараются делать это, только когда уверены, что ни с кем не столкнутся, т. е. вне социальной ситуации. Разговаривающие с собой люди, которые особенно опасаются того, что их кто-то внезапно застанет, могут экранировать свое потенциальное нарушение приличий, оставляя рот немного приоткрытым, чтобы внезапно появившемуся очевидцу было сложно различить признаки вокализации.

Другой тип отрешенности наблюдается, когда индивид слышимо репетирует или воспроизводит разговор с реальным другим человеком, который в данный момент отсутствует. Безусловно, индивиды часто разговаривают подобным образом «в уме», например, когда готовятся к разговору с начальником или к выступлению перед публикой, но, похоже, они редко разыгрывают такие сценки вслух.

Наконец, следует упомянуть последний тип отрешенности. Когда индивид оказывается в сборище, от деятельности которого он хочет обособиться, он может уделять внимание причудливой, фантазийной активности (в этом смысле напоминающей воображаемый мир грез), но использовать для конструирования этого отчужденного мира материалы, видимые и другим участникам. В его дей-

ствиях будет присутствовать компонент беспристрастного интеллектуального поиска. Иллюстрацию такого рода активности предоставляет индивид, рисующий затейливые узоры, возводящий конструкцию из спичек на горлышке бутылки или складывающий паззл, а также ребенок, идущий так, чтобы не наступать на трещины в тротуаре, или прыгающий вперед на одной ноге, или идущий вдоль забора, ведя по нему палкой, или пинающий по дороге пустую банку¹³. В американском обществе еще один пример — мать, которая, чтобы поиграть со своим ребенком, ненадолго выпадает из взаимодействия в ситуации, которую она не может покинуть физически, даже несмотря на то, что в это время другой взрослый может обращаться к группе собеседников, ратифицированным членом которой является родительница. Позитивное санкционирование материнской любви и представление о том, что с церемониальной точки зрения дети не являются полноценными личностями и потому не представляют собой по-настоящему отвлекающий фактор, помогают тому, кто использует данную стратегию, остаться безнаказанным. На Шетландском острове аналогичное значение придавалось вездесущим домашним котам: шетландец, застрявший в социальном сборище, которое ему не нравится, иногда начинал дразнить кота, проговаривая вполголоса ответы, которые тот мог бы дать на его передразнивания, если бы умел говорить. Например, мужчина, привлеченный на кухню теплом и чаем, но испытывающий неприязнь к собравшимся там женщинам, мог безопасно и комфортно расположиться на кухне, используя кота в качестве средства исключения себя из круга женщин.

В Центральной больнице хронические пациенты часто, чтобы отрешиться, использовали «пустячные вовлеченности». Когда пациенты возвращались с завтрака, идя

13 Превосходные иллюстрации таких ограниченных отклонений приводятся в: *Herbert Fletcher Wright, Roger Garlock Barker. Methods in Psychological Ecology* (Topeka: Ray's Printing Service, 1950). Esp. p. 166.

друг за другом, один из них внезапно нагибался и начинал с наслаждением изучать пятнышко краски на бетоне. Другие пациенты, особенно те, кого считали находящимися в состоянии полной регрессии и распада, в течение длительного времени фокусировали все свое внимание на маленьких кусочках грязи на кончиках своих пальцев, время от времени слизывая крупцы, или на кучках пыли на полу, либо медленно и тщательно обводили пальцами выступы и прочие отметки на полу рядом с тем местом, где они присели. Тем самым они эффективно стягивали весь мир к себе, пока пятно реальности вокруг их носа не сжималось до диаметра в один фут. Безусловно, некоторые пустячные вовлеченности, использовавшиеся пациентами, были не так уж далеки от практик обычных людей. Например, когда возле здания столовой парковался грузовик, доставлявший еду, один пациент начинал выводить пальцем фигуры на пыльном кузове; другой пациент, уже в отделении, в состоянии отрешенности рвал газеты на тонкие полоски.

И заключительное замечание. Разумеется, небольшой эпизод поведения может демонстрировать более чем один тип неподобающей вовлеченности, разными способами показывая, что индивид недостаточно присутствует в ситуации. Например, с состоянием отрешенности часто ассоциируются неподобающие прорывы естества. В Центральной больнице можно было наблюдать, как пациентка достает пережеванные куски курицы из набитого едой рта и тщательно, с огромным любопытством обследует их обеими руками, либо поступает точно так же со слизью, извлеченной из носа. Другая пациентка сплевывала, но недостаточно далеко, чтобы не запачкать платье, после чего сосредоточенно и с интересом наблюдала за тем, как плевок медленно расползается и впитывается тканью. Сердитый престарелый пациент отхаркивал мокроту, а затем задумчиво размазывал ее по столу, прежде чем, некоторое время спустя, вытереть.

3. Оккультные вовлеченности

Произносимые вслух монологи и внутренние диалоги характеризуются тем, что индивид знает, что его собеседником является либо он сам, либо тот, кто на самом деле с ним сейчас не разговаривает. Грезы обладают тем же свойством: индивид знает, что в действительности он не находится в том мире, в который погрузился, или, по крайней мере, ему можно легко напомнить об этом. Однако существует особый тип отрешенности, при котором у окружающих создается впечатление, обоснованное или нет, что индивид не осознаёт, что он «отрешился». Это область того, что психиатрия называет «галлюцинациями» или «бредовыми состояниями». Таким «неестественным» вербальным действиям соответствуют неестественные телесные действия, при осуществлении которых активность индивида явно напоминает решение задачи, но при этом не «понятна» или не «осмысленна». Неестественное действие может даже предполагать держание или хватание чего-либо, как, например, когда взрослый психически больной пациент крепко держит куклу или фрагмент одежды, служащий своеобразным фетишем. В этом случае обычно применяют термины «манерность», «ритуальное действие» или «позирование», которые, как и термин «неестественный», по-своему довольно прозрачны, но вряд ли говорят нам о том, что именно характеризует «естественные» действия. Я буду обозначать эти в чем-то неестественные разговорные и телесные действия термином «оккультные вовлеченности».

Оккультные вовлеченности отличаются от состояний отрешенности тем, что их обнаружение ведет к иным последствиям. Если человек предается своим мыслям, и в этот момент его кто-то застает или он сам ловит себя на этом, обычно он восстанавливает интеракционное внимание и переориентируется на ситуацию в целом; те, кого застали за оккультными вовлеченностями, этого не делают. Четырехлетний ребенок может попросить вас не

прерывать его, когда он разговаривает с собой по ролям, но взрослый, пользующийся этим правом, воспринимается как оккультно вовлеченный.

Одна из беспокоящих и характерных особенностей оккультных вовлеченностей, как вербальных, так и телесных, состоит в том, что присутствующие другие не могут «уловить» общее намерение, которым явно руководствуется индивид, и не могут доверять объяснению нарушителя, если тот его предоставляет. Это означает, что в повседневной жизни присутствует ожидание того, что любая ситуативная деятельность если не очевидно «продиктована событием», то будет обладать определенной степенью прозрачности, непосредственной понятности для всех присутствующих. Конечно, специфические действия индивида не должны быть полностью понятными — они определенно не таковы, например, когда семья наблюдает за тем, как мастер чинит их телевизор, — но они получают ситуационную окраску оттого, что находятся в контексте известных целей и общепринятых техник. Если присутствующие другие не получают гарантии того, что мысли действующего находятся там, где им, по общему мнению, положено быть, они могут чувствовать, что он погрузился в свои мысли слишком глубоко, чтобы проявлять надлежащий интерес к сборищу. Безусловно, оккультные вовлеченности входят в число классических психиатрических симптомов, ведущих к помещению человека в лечебное учреждение. Тот, кто плачет или испытывает острый страх безо всякой причины, или сжигает личные вещи, или рвет свои почтово-сберегательные сертификаты, или макает Библию в таз с водой, производит впечатление человека, который не присутствует в ситуации в том смысле, в каком там предположительно присутствуют его соучастники. Как рассказала одна пациентка во время групповой терапии: «Наверное, пациентам никогда не сидится на месте. Я шла два дня, пока меня не остановили копы; я думала, что иду на маленький остров, чтобы спрятаться. Со мной была буханка хлеба и несколько крычков для удочки».

Вероятно, беспокойство у окружающих вызывает именно это качество не-присутствия и неспособности быстро реагировать на призывы вернуться к сборищу, а не сами по себе особенности неподобающего поведения. Определенно, тенденция производить впечатление отчуждения от деятельности внутри ситуации — одна из немногих вещей, объединяющих все эти достаточно разнородные формы поведения.

Впечатление оккультной вовлеченности часто возникает не из-за прямой ориентации индивида на что-то, чего сейчас нет, а из-за способа, которым он обращается с тем, что другие признают существующим. Например, психиатрическое представление о неподобающем, неуместном или поверхностном аффекте может распространяться на пациента, легко и весело реагирующего на то, что очень важно для него. Может казаться, что если пациент проявляет такого рода вовлеченность, по-настоящему важно для него что-то неестественное и не присутствующее. Похожее впечатление производит пациент, застигнутый дождем во дворе, но, в отличие от остальных пациентов, находящихся там же, не ускоряющий шаг и не запахивающий одежду. Поскольку он не демонстрирует должное беспокойство о своем физическом здоровье, встает вопрос, о чем именно он беспокоится. Иногда пограничным случаем, примыкающим к такой форме оккультной вовлеченности, является рассеянный профессор — человек, слишком погруженный в свои размышления, чтобы подобающе осознавать те мелкие ситуативные детали, с которыми имеют дело обычные пешеходы. Но при этом, конечно же, наличие профессорских вопросов, представляющих интеллектуальный интерес, оправдывает право таких фигур на естественную отвлеченность и на то, чтобы быть рассеянными профессорами¹⁴.

14 Отличным предельным случаем здесь выступает Альберт Эйнштейн, манера одеваться которого была уникальной иллюстрацией допустимой неконвенциональности. Хотя его внешний вид говорил о том, что он полностью погружен в собственный мир, его

Когда видно, что индивид оккультно вовлечен, наблюдатели могут не только ощущать, что им не удастся привлечь должного внимания к себе в данный момент, но и что все предыдущие действия нарушителя ошибочно принимались за признак его участия в происходящем, в то время как он изначально был отчужден от их мира. (Это особенно заметно в случае тех оккультных вовлеченностей в состоянии бодрствования, во время которых нарушитель может предоставить живое описание объекта своей сосредоточенности, которое присутствующие, однако, не могут подтвердить.) Этот ретроспективный аспект нарушения часто вызывает чувство, что любые последующие действия нарушителя подозрительны¹⁵. Тот тип доверия-к-другому, который необходим, чтобы люди находились в присутствии друг друга и занимались каждый своим делом, может утрачиваться, и тогда нарушитель перестает быть подходящим кандидатом для социального взаимодействия. Поэтому параноик — это, в некотором смысле, человек, который вел себя так, что теперь другие относятся ко всем его действиям с подозрением и недоверием; развивающаяся у него в результате мания преследования может быть вполне оправданной¹⁶.

Хотя табу на оккультные вовлеченности становится особенно важным для людей, уже имеющих психическое заболевание или погружающихся в него, оно оказывает диффузное контролирующее воздействие на все наше общество, и именно здесь, среди не-пациентов, оно приобретает наиболее выраженное значение. Несмотря на то, что индивид может никогда в действительности не

особый эксклюзивный мир мог восприниматься как реальный или осмысленный. Единственным человеком, кому могло сойти с рук то, что он одевается как Эйнштейн, был сам Эйнштейн.

15 Этими наблюдениями я обязан неопубликованной работе Гарольда Гарфинкеля*.

16 В этой связи см. глубокую статью Э. Лемерта: *Edwin M. Lemert. Paranoia and the Dynamics of Exclusion // Sociometry. 1962. Vol. 25. № 1. P. 2–20.*

демонстрировать оккультную вовлеченность, он определенно будет обнаруживать, что в той или иной ситуации ведет себя так, что другие могут воспринять это, по крайней мере в данный момент, как нечто оккультное. В таких случаях он будет вынужден менять свое действие, чтобы защитить свою репутацию. Например, когда кто-то опускается на четвереньки, чтобы найти упавшую в траву запонку, а другой прохожий внезапно натывается на него, ищущий скорее всего нарушит правило, запрещающее говорить вслух с самим собой, чтобы дать ясно понять, что его действия вполне естественны. Точно так же, когда один человек сталкивается с другим, который ждет третьего возле входа, ожидающий может бросить взгляд на свои часы и вдоль улицы, чтобы придать привычную зримую форму своему намерению и защитить подобающую доминирующую деятельность, которая в данный момент требует от него бездействия.

Здесь необходимо добавить два комментария к тому, что было сказано об оккультных вовлеченностях. Во-первых, то, что другие регулярно интерпретируют деятельность индивида в качестве «бессмысленной» или «безумной», не доказывает, что она именно такова или даже что ее смысл следует выявлять при помощи той широкой символической интерпретации, которую иногда предлагает психоанализ¹⁷. Во-вторых, оккультность действия не является его неотъемлемой характеристикой и, конечно же, должна соотноситься с представлениями той группы, которая его так определяет. Существуют общества, в которых разговор с отсутствующим духом, когда его осуществляет надлежащим образом уполномоченный человек, допустим в той же мере, в какой допустим разговор по телефону в американском обществе. Но даже в американ-

17 Хороший пример такого типа глубинного анализа можно найти в: *Marguerite A. Sèchehaye. Symbolic Realization: A New Method of Psychotherapy Applied to a Case of Schizophrenia* / Transl. Barbro Wursten and Helmut Wursten (New York: International Universities Press, 1951).

ском обществе посетители спиритического сеанса не будут считать неприемлемым, если медиум будет взаимодействовать с «кем-то потусторонним», независимо от того, считают ли они это постановкой или подлинным взаимодействием. И мы безусловно определяем молитву как допустимую, если она совершается в надлежащих обстоятельствах. Во всех этих случаях наблюдатели либо верят в то, что действующий на самом деле общается с кем-то или чем-то, либо они тактично признают, что значительное число других участников может верить в это. В той мере, в какой подобные верования и соображения такта имеются у всех, такого рода вовлеченности, безусловно, перестают быть оккультными в социологическом смысле слова, каков бы ни был их научный статус.

Часть III

СФОКУСИРОВАННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Глава 6

Взаимные включения

Выше было сказано, что рассмотрение ситуационных приличий можно разделить на две части: анализ несфокусированного взаимодействия, связанного с тем, что люди могут сообщать друг другу в силу простого совместного присутствия в одной социальной ситуации, и анализ сфокусированного взаимодействия, связанного со скоплениями индивидов, которые предоставляют друг другу специальное разрешение на коммуникацию и осуществляют совместную деятельность, которая может исключать других присутствующих в ситуации. Теперь рассмотрим сфокусированное взаимодействие.

1. Вежливое невнимание

Когда люди находятся в присутствии друг друга и не вступают в разговор или другое сфокусированное взаимодействие, один человек может открыто, в упор смотреть на других, собирая о них любую доступную информацию и одновременно искренне выражая своим лицом реакцию на то, что он видит; пример — «исполненный ненависти взгляд», которой иногда беспричинно бросает белый южанин на проходящих мимо негров¹. Кроме того, человек может относиться к другим так, словно их здесь вообще нет, словно это предметы, не заслуживающие даже мимолетного взгляда, не то что пристального внимания. Причем, рассматривая в упор или «не видя», индивид

¹ *John Howard Griffin. Black Like Me* (Boston: Houghton Mifflin, 1961). P. 54, 128.

может вообще почти не менять свой внешний вид вследствие присутствия других людей. Здесь мы имеем дело с восприятием другого как «не-человека»; в нашем обществе так иногда относятся к детям, слугам, неграм и психически больным².

Сегодня в нашем обществе такому типу отношения следует противопоставлять тип, который обычно считается более подобающим в большинстве ситуаций; мы будем называть его «вежливым невниманием». Речь идет о том, что один человек дает другому достаточное число визуальных подсказок, демонстрирующих, что он учитывает присутствие другого (и открыто признаёт, что заметил его), но при этом в следующий момент перестает направлять на него внимание, показывая, что тот не является мишенью какого-то специфического интереса или замысла.

При таком проявлении учтивости глаза смотрящего могут встречаться с глазами другого, но обычно при этом не должно происходить «узнавания». Если учтивость проявляется между двумя людьми, проходящими мимо друг друга на улице, вежливое невнимание может принимать особую форму окидывания другого взглядом до высоты примерно восемь футов (во время чего происходит распределение сторон улицы посредством жестов) и последующего опускания глаз по мере того, как другой проходит дальше, — своеобразного переключения на ближний свет. Так или иначе, здесь мы имеем дело, вероятно, с самыми мелкими межличностными ритуалами, которые, однако, постоянно регулируют социальные взаимодействия людей в нашем обществе.

Проявляя вежливое невнимание, индивид предполагает, что у него нет причин подозревать, что у других присутствующих есть скрытые намерения, и нет причин бояться других, быть к ним враждебным или стремиться их избегать. (При этом, выказывая подобную учтивость, он автоматически становится доступен для аналогичного от-

2. *Goffman. The Presentation of Self.* P. 151–153.

ношения со стороны присутствующих.) Это демонстрирует, что ему нечего бояться, что ему не нужно избегать того, чтобы его видели или чтобы видели то, что он видит, и что ему не стыдно за себя или за место и компанию, в которой он оказался. Поэтому выражение его глаз должно иметь определенную «направленность». Как отмечает один исследователь, взгляд индивида не должен быть настороженным, избегающим, увиливающим или оборонительным, как если бы «что-то происходило». Демонстрация таких уклончивых выражений глаз может восприниматься как симптом психического расстройства³.

Вежливое невнимание предполагает настолько тонкое приспособление друг к другу, что люди, вполне ожидаемо, постоянно уклоняются от соответствующих правил. Темные очки, например, позволяют их носителю разглядывать другого человека так, что тот не может быть уверен, разглядывают ли его⁴. Можно смотреть на другого краем глаза. Когда-то похожую помощь в укрывании взглядов оказывали веер и зонтик, и то, что эти инструменты почти вышли из употребления в приличном западном обществе в течение последнего полувека, снизило эластичность коммуникативных практик⁵. Следует также добавить, что

3 *Morris D. Riemer. Abnormalities of the Gaze: A Classification // Psychiatric Quarterly. 1955. Vol. 29. № 1. P. 659–672.*

4 Выдающийся наблюдатель поведения лицом к лицу прозаик Уильям Сэнсом обсуждает этот момент в рассказе «Счастливые каникулы за границей» из сборника «Конкурс леди» (*William Sansom. Happy Holiday Abroad // William Sansom. A Contest of Ladies* [London: Hogarth Press, 1956]. P. 228): «Он не спеша обошел пляж из конца в конец, притворяясь, что просто гуляет, но при этом искоса изучая каждую купальщицу из-под своих темных очков. Кто-то мог бы решить, что настолько темные очки способны скрыть любопытствующий взгляд, но Приди знал лучше, он знал, что все наоборот: как только они поворачиваются в сторону объекта, это мгновенное прямое попадание. Когда на тебе темные пистолеты, ты не можешь делать вид, что смотришь только вперед».

5 См.: *Pearl Binder. Muffs and Morals* (New York: Morrow, 1954). P. 178–196 (Chap. 9 «Umbrellas, Walking-Sticks, and Fans»). Автор пишет (p. 193): «Еще один веер-монокль [в Англии XVIII века]

чем ближе наблюдатели находятся к индивиду, который их интересует, тем более доступной является его (и их) позиция и тем больше они будут считать себя обязанными проявлять к нему вежливое невнимание. Чем дальше они от него, тем больше они будут чувствовать себя вправе потихоньку его разглядывать.

Помимо таких уклонений от правил можно ожидать их частые нарушения. При этом различия в шаблонах поведения, а также в возрасте, в котором эти шаблоны впервые используются, определяются, безусловно, субкультурой социального класса и этнической субкультурой.

Моральные принципы группы, связанные с этой минимальной любезностью вежливого невнимания, — любезностью, которая обычно побуждает видеть в присутствующих просто участников сборища и не учитывать другие социальные характеристики, — проходят проверку на прочность всякий раз, когда присутствует кто-то, имеющий совершенно иной социальный статус или совершенно другую наружность. Например, английское общество среднего класса гордится тем, что предоставляет привилегию вежливого невнимания на публике как знаменитостям, так и обычным людям. Скажем, когда королевские отпрыски прогуливаются по парку, лишь немногие поворачивают голову, чтобы поглазеть на них. Мы теперь

имел вставку из слюды или сеточки, так что леди могла незаметно использовать свой веер в качестве лорнета, пока ее лицо оставалось скрытым от чужих глаз. Данный тип веера предназначался для использования в рискованных играх, в которых благопристойность требовала применения некоего эквивалента прежней маски». Успешные устройства такого рода должны обладать тремя характеристиками: пользователь должен иметь возможность смотреть на другого, он должен иметь возможность демонстрировать, что ему не стыдно, что другой на него смотрит, и он должен иметь возможность скрывать, что на самом деле он шпионит. В начальных школах Шетландского острова дети при появлении незнакомца использовали нечто вроде веера — правда, лишенного двух последних характеристик, — застенчиво пряча лица за двумя ладонями, но при этом рассматривая посетителя через щель между пальцами.

знаем, что в нашем американском обществе одним из величайших испытаний для людей с физическими недостатками является то, что в публичных местах окружающие открыто их разглядывают, тем самым вторгаясь в их личную жизнь и одновременно выставляя их нежелательные атрибуты на всеобщее обозрение⁶:

Обычно один человек не смотрит на другого в упор; это означало бы поместить объект, на который глазят, в отдельный класс. С обезьяной в зоопарке или с уродцем на ярмарке не разговаривают — на них только пялятся⁷.

Увечье, будучи характерной и неотделимой частью тела, может считаться личным делом, которое человек не хочет разглашать. Однако его зримость делает его известным всякому, с кем данный человек встречается, в том числе незнакомцу. Зримое увечье отличается от большинства других личных дел тем, что любой может его увидеть, невзирая на желание калеки; любой может пристально разглядывать увечье или задавать вопросы о нем, и в обоих случаях сообщать и принудительно демонстрировать калеке свои чувства и оценки. Тем самым его действие ощущается как вторжение в личную жизнь. Именно зримость увечья делает вторжение в личную жизнь столь легким. Калеки, как правило, осознают, что они вынуждены раз за разом встречаться с людьми, которые будут задавать вопросы и глазеть на них, и ощущают свое бессилие, поскольку не могут изменить общее положение дел...⁸

Возможно, наиболее наглядной иллюстрацией как вежливого невнимания, так и нарушения этого правила, является ситуация, когда один человек пользуется тем преимуществом, что другой не смотрит на него, и обнаруживает, что объект его взгляда внезапно повернулся и застал незаконного наблюдателя за разглядыванием. Пойманный индивид может изменять направление взгляда, часто с выражением замешательства и некоторого стыда, либо

6 См. чрезвычайно полезную статью: *Ralph K. White, Beatrice A. Wright, Tamara Dembo. Studies in Adjustment to Visible Injuries: Evaluation of Curiosity by the Injured // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1948. Vol. 43. № 1. P. 13–28.*

7 Ibid. P. 22.

8 Ibid. P. 16–17.

он может старательно вести себя так, словно его просто увидели в момент позвольительного наблюдения; в обоих случаях перед нами свидетельство приличий, которых нужно придерживаться.

Вести себя подобающе и иметь *право* на вежливое невнимание — взаимосвязанные вещи: демонстрируемое индивидом соблюдение приличий обычно гарантирует, что ему будет уделяться вежливое невнимание; совершенно неподобающее поведение с его стороны скорее всего приведет к тому, что на него начнут пристально смотреть либо упорно не замечать. Однако нарушение приличий не освобождает других автоматически от обязанности продолжать проявлять вежливое невнимание к нарушителю, хотя часто ослабляет ее. Вежливое невнимание может уделяться даже в случае нарушения, просто в качестве проявления такта, чтобы поддержать видимость упорядоченности ситуации, невзирая на происходящее.

Обычно в обществе среднего класса неспособность поддерживать вежливое невнимание к окружающим не влечет за собой прямых и открытых негативных санкций, за исключением ситуаций социальной дрессировки слуг и детей (последних, в особенности, в связи с проявлением вежливого невнимания к людям с физическими недостатками и увечьями). За примерами подобного рода прямых санкций среди взрослых следует обращаться к деспотичным обществам, в которых взгляд на императора или его представителей может быть наказуемым преступлением⁹, либо к некоторым из наших южных штатов, где распространены довольно изощренные правила в отношении того, как долго и с какого расстояния цветной мужчина может смотреть на белую женщину, прежде чем это будет проинтерпретировано как наказуемое сексуальное посягательство¹⁰.

9 Robert K. Douglas. *Society in China* (London: Innes, 1894). P. 11.

10 См., например, примечательное дело Уэбстер—Ингрэма*, о котором сообщалось 12–13 ноября 1952 года новостным агентством «Ассошиэтед пресс». Во многих обществах Африки и Азии

Учитывая неудобство, возникающее, когда тебя разглядывают, понятно, почему пристальный взгляд часто используется в качестве негативной санкции, позволяющей осуществлять социальный контроль над любыми формами публичного нарушения приличий. Зачастую он представляет собой первое предупреждение индивиду о том, что тот «пересекает черту», и последнее предупреждение, которое ему требуется. Собственно, в случае людей, чей внешний вид испытывает пределы способности сборища уделять вежливое невнимание, разглядывание само может становиться санкцией против разглядывания. Пример можно найти в автобиографии карлика:

Были толстокожие, которые пилились, словно горцы, спустившиеся вниз посмотреть на бродячий цирк. Были подсматривающие, глядевшие тайком и отворачивавшиеся, покраснев, если ты ловил их на этом. Были жалостливые, которые, проходя мимо, чуть ли не цокали языком. Но хуже всего были балаболы, каждая фраза которых словно вопрошала: «Каково тебе, бедный малыш?» Они говорили это своими глазами, своими манерами, тоном своего голоса.

Моей стандартной защитой был холодный взгляд в упор. Подобным образом обезболив себя от окружающих, я мог справиться с главной задачей — входить и выходить из метро живым¹¹.

2. Структура взаимных включений

Когда два человека находятся в присутствии друг друга и потому в какой-то мере вовлечены в несфокусированное взаимодействие, обоюдное проявление вежливого невнимания, представляющее собой важную форму несфокусированного взаимодействия, — не единственный способ установления ими связей между собой. Вслед за этим они могут вовлекать друг друга в сфокусированное взаимодействие, единицу которого я буду называть *взаимным*

существует похожее табу на взгляды, которые мужчины могут бросать на женщин.

11 Henry Viscardi Jr. *A Man's Stature* (New York: John Day, 1952). P. 70. Цит. по: Beatrice A. Wright. *Physical Disability: A Psychological Approach* (New York: Harper & Bros., 1960). P. 214.

включением, или *встречей*¹². Взаимные включения охватывают все случаи, когда два или больше участника ситуации открыто объединяются друг с другом с целью поддержания единого фокуса когнитивного или визуального внимания, что ощущается как единая *совместная деятельность*, предполагающая преимущественные права на коммуникацию. Простой (и один из наиболее распространенных) пример — когда люди, присутствующие вместе в одной ситуации, включаются в разговор друг с другом. Подобная аккредитация совместной деятельности — один из наиболее широких статусов. Даже люди, занимающие совершенно разные социальные позиции, могут оказываться в обстоятельствах, где уместно наделять этим статусом друг друга. Обычно данный статус не имеет «латентной фазы»; он обязывает его носителей включаться во взаимодействие сразу же, как только они получают этот статус.

К совместным действиям и взаимным включениям, в которых они укоренены, относятся светские разговоры, комменсализм*, занятия любовью, игры, формальные дискуссии и персональное обслуживание (лечение, продажа, обслуживание официантом и т. д.). В одних случаях, например во время непринужденной беседы, совместное участие вроде бы не имеет под собой никакого инструментального основания. В других случаях, например,

12 Термин «встреча», гораздо более удобный из двух в использовании, имеет некоторые повседневные коннотации, которые здесь нужно исключить. Во-первых, данный термин иногда употребляется для обозначения как прямого, так и опосредованного контакта между двумя людьми, например, когда люди переписываются друг с другом. Во-вторых, данный термин иногда подразумевает, что во время взаимодействия возникло какое-то затруднение или проблема, как при «стычке». Наконец, данный термин иногда охватывает случаи, когда два человека оказываются легко доступны друг другу, независимо от того, сколько раз они вступали в разговор за это время, как во фразе «Следующий раз я повстречал его на вечеринке у Джонсов». Я попытался рассмотреть внутреннюю динамику встреч в работе «Удовольствие от игр»: *Erving Goffman. Fun in Games // Goffman. Encounters*. P. 17–81.

когда учительница на мгновение задерживается у парты ученика, чтобы помочь ему с заданием, в которое тот сейчас вовлечен и будет вовлечен после того, как она пойдет дальше, встреча определенно выступает обстановкой для взаимной инструментальной деятельности, и эта совместная работа представляет собой лишь фазу того, что прежде всего является индивидуальным решением задачи¹³. Следует отметить, что хотя многие взаимные включения состоят преимущественно в обмене вербальными высказываниями, вследствие чего разговорные встречи могут служить, фактически, их моделью, существуют и другие типы встреч, в которых не произносится ни слова. Это становится особенно очевидно, конечно же, при изучении включений между детьми, которые еще не овладели речью, и поэтому можно видеть постепенную трансформацию простого физического контакта с другим в действие установления социального отношения совместной аккредитации встречи лицом к лицу¹⁴. Но и среди взрослых могут наблюдаться невербальные встречи: важными действиями, которыми они обмениваются, могут быть жесты¹⁵ или даже, как в настольных и карточных играх, ходы. Кроме того, иногда люди сходятся вместе для решения рабочих задач, что ведет к появлению единого фокуса визуального и когнитивного внимания и к тесной координации вкладов, порядок и тип которых определяется совместной оценкой того, какого следующего действия требует текущая задача. В этом случае, хотя может не говориться ни слова о направлении действия или для поддержания беседы, все будут понимать, что недостаточное

13 Идея предложена Артуром Стинчкомбом*.

14 См., например, давнее исследование А. Бивер: *Alma Beaver. The Initiation of Social Contacts by Preschool Children* (New York: Columbia University, 1932). P. 1–14.

15 *David Efron. Gesture and Environment* (New York: King's Crown Press, 1941). P. 38.

внимание или недостаточно скоординированная реакция разрушают взаимную приверженность участников¹⁶.

Если в ситуации присутствует только два участника, встреча, если она состоится, будет *исчерпывать* ситуацию, представляя собой *полностью сфокусированное собрание*. Если участников больше двух, в ситуации могут официально присутствовать люди, официально исключенные

- 16 Одна из форм тесной координации, влияющей на вовлеченность в одну и ту же задачу, превосходно описана в: *Frank B. Miller. «Situational» Interactions: A Worthwhile Concept? // Human Organization. 1958. Vol. 17. № 4. P. 37–47.* Указав на различия между таким типом сфокусированного взаимодействия и типом, с необходимостью предполагающим речь или жесты, автор, однако, не переходит к рассмотрению сходств, например к анализу того, что в обоих случаях отвлечение внимания или неуместность могут подвергаться одинаковому корректирующему социальному контролю. Хорошее описание задачно-ориентированной деятельности как включения содержится в: *Temple Burling. Essays on Human Aspects of Administration (Ithaca: New York State School of Industrial and Labor Relations, Cornell University, 1953).* P. 10–11: «На самом же деле все действия определяются меняющимися потребностями пациента в ходе операции. Когда хирургическая команда проработала вместе достаточно долго, чтобы научиться подлинно командной работе, каждый ее член понимает общую ситуацию и свою роль в ней таким образом, что потребности пациента воспринимаются как однозначные приказы. Задета мелкая артерия и начинает бить струйка крови. В организации с четкой субординацией хирург заметил бы это и сказал бы ассистенту: „Остановите кровотечение“. Ассистент, в свою очередь, сказал бы хирургической сестре: „Подайте зажим“. Так произошла бы координация усилий. В действительности же кровотечение отдаст одновременный приказ всем трем членам команды, которые следили за ходом операции с одинаковым вниманием. Оно говорит хирургу: „Убери руку с пути, пока не будет восстановлен контроль“, оно говорит операционной сестре: „Приготовь зажим“ и оно же говорит ассистенту: „Пережми здесь“. Это величайший и самый действенный тип кооперации из известных. Он настолько эффективен, что выглядит простым и даже примитивным. Он возможен только там, где каждый член команды не только досконально знает свою работу, но и знает достаточно много о всей работе в целом и о работе всех остальных членов команды, чтобы видеть связь того, что он делает, со всем происходящим».

из встречи и не участвующие в данном включении. Эти невключенные¹⁷ участники делают встречу *частично сфокусированной*. Если присутствует более трех людей, в одной ситуации может быть более одной встречи — это *мультисфокусированное* собрание. Я буду обозначать термином *единица участия* как встречи, так и невключенных участников; термин *зритель* будет применяться для обозначения любого присутствующего индивида, который не является ратифицированным участником рассматриваемой встречи, независимо от того, является ли он в данный момент участником какой-либо другой встречи.

В нашем обществе взаимные включения обладают комплексом общих свойств, так что данный класс социальных единиц можно определить как аналитически, так и посредством примеров.

Встреча инициируется тем, кто делает первый ход, обычно с помощью особого выражения глаз, но иногда с помощью высказывания или особого тона голоса в начале высказывания¹⁸. Собственно включение начинается, когда эта увертюра признается другим, который посредством своих глаз, голоса и позы сигнализирует в ответ, что он предоставил себя в распоряжение другого для обоюд-

17 Разумеется, «невключенный» участник может быть вовлечен в текущую задачу или в другой главный фокус внимания и тем самым не быть «отключенным» от ситуации.

18 Когда индивид социально подчинен тому, в отношении кого он собирается инициировать увертюру встречи, он может столкнуться с необходимостью использовать минимальный знак, чтобы вышестоящее лицо могло легко продолжить не замечать его либо отреагировать на этот знак по своему усмотрению. Например, в «Этикете „Эсквайра“» (Esquire Etiquette: A Guide to Business, Sports and Social Conduct [New York: Lippincott, 1953]. P. 24) среди привычек хорошей секретарши называется умение «ждать, пока на нее обратят внимание, прежде чем прервать то, чем вы занимаетесь, когда она зашла переговорить с вами». В подобных случаях поддерживается видимость того, что только старший по званию может инициировать включение. Классическим примером здесь является мифический дворецкий, который осторожно кашляет, чтобы хозяин заметил его присутствие и разрешил передать сообщение.

ной деятельности глаза в глаза, даже если единственная задача инициатора — отсрочить свой запрос к аудитории.

Первоначальный ход и ответный сигнал «разрешения» обычно почти мгновенно следуют друг за другом, причем все участники используют оба сигнала, возможно, чтобы не дать инициатору оказаться в позиции отверженного другими. Такую эффективную одновременность делают возможной, в частности, взгляды. По сути, когда глаза встречаются с глазами, первый взгляд инициатора может быть достаточно неуверенным и неоднозначным, чтобы, если окажется, что его увертюра нежелательна, он мог повести себя так, словно никакой инициации не предполагалось.

Таким образом, взгляд глаза в глаза играет особую роль в коммуникативной жизни сообщества, ритуально закрепляя признаваемую открытость для вербальных высказываний и надлежащим образом усиленную взаимную релевантность действий¹⁹. По словам Зиммеля:

- 19 Во взаимных включениях, в которых реализуется формальная спортивная деятельность, начальные ходы могут принимать иные формы. Например, боксеры соприкасаются перчатками или фехтовальщики — рапирами, чтобы поместить текущую встречу, так сказать, в спортивные кавычки или рамку. Если участники хорошо знают друг друга, сигналы позволения могут восприниматься как нечто само собой разумеющееся, и инициатор может делать короткую паузу или каким-либо еще образом немного менять первоначальное действие в знак любезности, а потом действовать так, как если бы позволение было получено.

Интересно, что в некоторых типах взаимных включений координация активности чаще всего осуществляется при помощи стандартных ритуальных кавычек узнающего взгляда и обмена словами, но при определенных обстоятельствах они тщательно иницируются, поддерживаются и прекращаются *без* обычного вербального или жестикуляционного сопровождения. Так, во многих психиатрических лечебницах пациенты ожидают, что они могут попросить огонька у *любого* курящего пациента, независимо от того, насколько отстраненным или регрессивным тот выглядит. Просьба огонька при помощи жеста неизменно выполняется, но очень часто исполнитель решает только техническую задачу, отказываясь от любого другого типа обсуждения или содействия. По-

Среди органов чувств глаза созданы для уникальной социологической функции: соединения и взаимодействия индивидов, которое заключено в обмене взглядами. Это, может быть, самая чистая и непосредственная взаимосвязь, какая вообще бывает. Обычно там, где сплетаются социологические нити, они обладают объективным содержанием и порождают объективную форму. Даже сказанное и услышанное слово имеет все же некое предметное значение, которое могло бы быть передано и еще каким-то другим способом. Но то живейшее взаимодействие, в которое вовлекает людей взгляд глаза в глаза, не кристаллизуется ни в какое объективное образование, и то единство, которое такой взгляд между людьми устанавливает, остается растворенным непосредственно в событии, в действии. И так сильна и тонка эта связь, что осуществляется она только по кратчайшей, прямой линии между глазами, и малейшее отклонение от нее, малейший взгляд в сторону полностью разрушит уникальность этой связи. Тут не остается никакого объективного следа, какой обычно остается, опосредованно или непосредственно, от всяких видов связей между людьми, даже от слов, которыми они обменялись; взаимодействие умирает в тот момент, когда ослабевает непосредственность действия; но все общение людей, их взаимопонимание и взаимоотталкивание, их близость и их холодность друг к другу, изменились бы непредсказуемым образом, если бы не существовало взгляда глаза в глаза — того, который, в отличие от простого смотрения или разглядыва-

хожий пример деритуализированной встречи наблюдается, когда мужчина придерживает дверь для незнакомой женщины в обстоятельствах, которые могут предполагать увертюру или наводить на нежелательные мысли о причинах появления женщины в данном месте; в этих обстоятельствах мужчина может старательно проявлять вежливое невнимание, одновременно великолепно приспособивая свое физическое поведение к движениям женщины. Эмили Пост говорит о похожем проявлении любезности (*Emily Post. Etiquette* [New York: Funk & Wagnalls, 1937]. Р. 26): «Поднимание шляпы — общепринятый жест вежливости, обращаемый только к незнакомым людям; его не следует путать с поклоном — жестом, применяемым при встрече со знакомыми и друзьями. Поднимая свою шляпу, джентльмен лишь немного приподнимает ее над лбом — за край в случае плотной шляпы или за верх в случае мягкой — и возвращает на место; он не улыбается, не кланяется и даже не смотрит на объект своей любезности. И джентльмен никогда не станет внимательно и открыто рассматривать женщину, если она ему не знакома».

ния Другого, означает совершенно новую и ни с чем не сравнимую связь между людьми²⁰.

Поэтому понятно, что индивид, считающий, что у него есть причина для отчуждения от окружающих, будет выражать это через некоторую «ненормальность взгляда», чаще всего — отводя глаза²¹. Также понятно, что индивид, желающий контролировать доступ других к нему и получаемую им информацию, может избегать смотреть на человека, который ищет его взгляда. Например, официанты могут не давать ожидающему клиенту «словить свой взгляд», чтобы помешать ему сделать заказ. Аналогично, если пешеход хочет обеспечить себе определенное положение на улице по отношению к другому пешеходу или если водитель хочет обеспечить приоритет линии своего предполагаемого движения над линией предполагаемого движения другого водителя или пешехода, одна из стратегий — избегать смотреть другому в глаза и тем самым избегать просьб о кооперации²². Если же инициатор находится в социальной позиции, требующей, чтобы он пре-

20 *Георг Зиммель. Социология чувств: запахи. Из «Экскурса о социологии чувств»* / Пер. с нем. Кирилла Левинсона // Новое литературное обозрение. 2000. № 3. С. 6. Интересные рассуждения о некоторых вещах, которые можно сообщать посредством одного лишь контакта глаз, содержатся в работе Ортеги-и-Гассета «Человек и люди» (*Хосе Ортега-и-Гассет. Человек и люди* / Пер. с исп. Александра Матвеева // *Хосе Ортега-и-Гассет. Избранные труды* [Москва: Весь мир, 1997]. С. 562–564). Он предполагает, что существует целый словарь взглядов, и описывает некоторые из них.

21 *Morris D. Riemer. The Averted Gaze* // *Psychiatric Quarterly*. 1949. Vol. 23. № 1. P. 108–115. Было бы очень интересно изучить техники, используемые слепонемыми для производства функциональных субститутов разрешающих сигналов, а также другие способы использования глаз в структуре коммуникации лицом к лицу.

22 Общий смысл этого примера был раскрыт Т. К. Шеллингом в его анализе способности индивида заключать сделки, убедительно держащая свою линию действия путем демонстрации неспособности получать сообщения с требованиями и угрозами. См.: *Thomas C. Schelling. An Essay on Bargaining* // *American Economic Review*. 1956. Vol. 46. № 3. P. 281–306, esp. 294–295.

доставлял другому формальное право инициировать все встречи, могут появляться возможности для выражения неприязни и для издевательств, пример которых приводит Мелвилл в «Белом бушлате»:

Но порой случается, что командиру неможется, или он в дурном настроении, или ему угодно покапризничать, или ему пришло в голову показать свое могущество, а то, может статься, старший офицер чем-либо уколол или обидел его, и командир не прочь продемонстрировать ему пред лицом всей команды, что есть на корабле начальство и повыше его. Как бы там ни было, но лишь одной из перечисленных гипотез можно было объяснить то странное обстоятельство, что капитан Кларет нередко упорно прохаживался взад и вперед по полуюту, старательно отвращая свои взоры от старшего офицера, который в самом неловком ожидании высматривал малейший знак признания во взгляде своего начальника.

«Ну, уж теперь я его поймал! — верно, произносил он про себя, когда командир поворачивался в его сторону во время прогулки, — теперь самый раз!» — и рука офицера взлетала к козырьку, но увы! командир уже лег на другой галс, и матросы у пушек лукаво перемигивались при виде того как смущенный старший лейтенант от досады кусает губы.

В некоторых случаях сцена эта повторялась несколько раз подряд, пока наконец капитан Кларет, полагая, что в глазах всей команды достоинство его достаточно упрочено, не направлялся к своему подчиненному, глядя ему прямо в глаза, после чего рука последнего взлетала к козырьку, а командир, кивнув в знак того, что рапорт принят, спускался со своего наместа на палубу²³.

Как показывают все эти примеры, чтобы уклониться от встречи, обычно достаточно не смотреть друг на друга, поскольку контакт глаз открывает человека для взаимного включения.

Наконец, я хотел бы добавить, что существует связь между использованием взгляда глаза в глаза для передачи запроса на инициацию встречи и другими коммуникативными практиками. Чем более настоятельно индивидам запрещается разглядывать других в упор, тем больше значения можно придавать пристальному взгляду, в данном

23 *Герман Мелвилл. Белый бушлат / Пер. с англ. Ивана Лихачева (Ленинград: Наука, 1973). С. 237.*

случае — значение запроса на встречу. Таким образом, правило вежливого невнимания позволяет и «подходит» для того, чтобы наделять взгляды в глаза других функцией разрешения. Оно также позволяет наделять специфической функцией продолжительное удержание взгляда незнакомца, как в случае, когда два незнакомых человека, договорившихся о встрече, таким образом узнают друг друга²⁴.

Когда некоторая совокупность участников явно открылась друг другу для включения, обычно они тщательно поддерживают экологический обмен взглядами глаза в глаза, максимизирующий их возможность следить за тем, как они воспринимают друг друга²⁵. Участники мысленно

- 24 В неопубликованном докладе «Гомосексуальное сообщество», прочитанном в Копенгагене 4 августа 1961 года, Эвелин Хукер* отмечает: «Гомосексуалы говорят, что если другой человек ловит и удерживает взгляд, больше о нем не надо ничего знать, чтобы понять, что он один из них».
- 25 Это может быть не универсальная практика. Согласно одному из первых отчетов о северо-западном берегу Амазонки, «когда индеец говорит, он сидит; пока говорящие стоят, разговоры не допускаются, если только не обсуждаются серьезные разногласия. Говоря, индеец не смотрит на собеседника, а собеседник — на него. Оба смотрят на какие-нибудь посторонние предметы. Такой же подход индеец демонстрирует, когда обращается к более чем одному слушателю, из-за чего создается впечатление, будто он говорит с кем-то невидимым» (*Thomas Whiffen. The North-West Amazons: Notes of Some Months Spent among Cannibal Tribes* [London: Constable, 1915]. P. 254). Однако не сложно понять, что когда в нашем обществе заключенным запрещают разговаривать друг с другом, но они этого хотят, они могут успешно скрывать свою совместную вовлеченность, разговаривая так, чтобы не шевелить губами и не глядеть друг на друга. См., например: *Jim Phelan. The Underworld* (London: Harrap, 1953). P. 7–8, 13. Также понятно, что, когда технические обстоятельства мешают взгляду глаза в глаза (как в случае хирургической сестры, получающей указания от хирурга, который не должен отводить взгляд от операционного поля), реципиент должен проявлять огромную дисциплину, чтобы коммуникация продолжалась. Наконец, мы можем обратить внимание на то, что слепой должен научиться действовать так, словно он смотрит на говорящего, хотя на самом деле слепой реципиент мог бы точно

концентрируются на одном предмете и (в случае разговора) фиксируют глаза на одном говорящем, хотя, конечно, единый *фокус* внимания может перемещаться в определенных границах от темы к теме и от говорящего к говорящему или от одной цели к другой²⁶. Начинает доминировать общее определение ситуации, которое включает согласие относительно релевантных и нерелевантных аспектов воспринимаемого и «рабочий консенсус», предполагающий некоторую степень взаимной предупредительности, симпатию и замалчивание различий во мнениях²⁷. Часто скла-

так же направить свой незрячий взгляд куда угодно. В связи с последним случаем см.: *Hector Chevigny. My Eyes Have a Cold Nose* (New Haven: Yale University Press, 1962). P. 51.

26 См.: *Robert F. Bales, Fred L. Strodtbeck, Theodore M. Mills, Mary E. Roseborough. Channels of Communication in Small Groups // American Sociological Review. 1951. Vol. 16. № 4. P. 461*: «Разговор обычно протекал так, что говорил один человек за раз, а все члены группы участвовали в одном разговоре. В этом смысле, можно сказать, что у групп был „единый фокус внимания“, т. е. они не предполагали несколько одновременных разговоров, как на вечеринке с коктейлями или в вестибюле гостиницы. Единый фокус внимания является, видимо, фундаментальным ограничивающим условием излагаемых здесь обобщений». К этому следует добавить предупреждение о том, что множественность фокусов внимания, которую можно наблюдать в местах наподобие вестибюлей гостиниц, одновременно сопровождается несфокусированным взаимодействием.

27 Поэтому, как мне подсказал Освальд Холл*, когда близость и симпатия должны быть сведены к минимуму (например, во время разговора дворцового с гостем или когда офицер поучает новобранца), подчиненный может избегать взгляда глаза в глаза, неподвижно глядя вперед. Отзвук этого фактора можно встретить даже в опосредованном разговоре, когда слуги обязаны отвечать по телефону «Резиденция миссис Такой-то» вместо «Алло».

Способность взгляда глаза в глаза вызывать симпатию замечательно схвачена Троцким в описании пятидневных уличных беспорядков в «Истории русской революции» (*Лев Троцкий. История русской революции. Том 1 [Москва: ТЕРРА, Республика, 1997]. С. 128*): «Несмотря на благоприятные слухи о поведении казаков, может быть, слегка и преувеличенные, толпа к коннице относится все же с опаской. Кавалерист воздымается высоко над толпой, и его душа отделена от души демонстранта четырьмя ногами лошади. >

Фигура, на которую приходится глядеть снизу вверх, кажется всегда значительнее и грознее. Пехота — тут же, рядом, на мостовой, ближе и доступнее. К ней масса старается подойти вплотную, заглянуть ей в глаза, обдать ее своим горячим дыханием. Большую роль во взаимоотношениях рабочих и солдат играют женщины-работницы. Они смелее мужчин наступают на солдатскую цепь, хватаются руками за винтовки, умоляют, почти приказывают: „Отнимите ваши штыки, присоединяйтесь к нам“. Солдаты волнуются, стыдятся, они тревожно переглядываются, колеблются, кто-нибудь первым решается, и — штыки виновато поднимаются над плечами наступающих, застава разомкнулась, радостное и благодарное „ура“ потрясает воздух...». Более формализованная версия этой же тенденции описана среди бедуинов. См.: *Alois Musil. The Manners and Customs of the Rwala Bedouins* (New York: American Geographical Society, 1928). Р. 455: «Приветствие, если на него отвечают приветствием, — гарантия безопасности в пустыне, *as-salâm salâme*. Если незнакомец путешествует без сопровождения *hawî* по территории неизвестного ему племени и приветствует кого-то — пусть даже это маленькая девочка — и его в ответ тоже приветствуют, он может быть уверен, что на него не нападут и не ограбят, поскольку эта маленькая девочка и вся ее родня будут защищать его. Если же соплеменники девочки нападут на него и ограбят, *mâhûd*, он должен лишь попросить помощи у ее родни, и они должны встать на его сторону. Девочка — лучший свидетель: „Путник поприветствовал меня в таком-то месте, был такого-то возраста, одет так-то, верхом на верблюдице“, которую она тоже описывает. Часто это спасает даже врага, когда того стремительно настигают. Осознав, что ему не убежать, он резко меняет направление, возвращается кружным путем в лагерь своих преследователей, приветствует ребенка и, взяв его за руку, дает отвести себя в палатку родителей. Взрослые бедуины, будучи более осторожными, не отвечают сразу на приветствие человека, которого они не знают. В частности, если двое или трое всадников приближаются ночью к лагерю, стражник откликается на их приветствие следующим образом: „Вы вне закона; я не должен приветствовать вас в ответ; *tarâkom mwaşşedin w-lâ 'alejkom radd as-salâm*“, потому что те, кто вне закона, *mwaşşed*, считаются врагом, которого нет смысла приветствовать».

В силу обязанности участников включения проявлять предупредительность в отношении друг друга, особенно важную для коммуникации между говорящим и конкретным участником, которому он адресует свои реплики, индивиды иногда «говорят в пустоту» или бормочут, целенаправленно ни к кому не обращая свои слова либо обращая их к ребенку или к домашнему животному. >

дывается групповая атмосфера — то, что Бейтсон называл этосом²⁸. Одновременно, судя по всему, возникает острое чувство моральной ответственности за свои действия²⁹. Формируется «мы-принцип», общее ощущение того, что

Тот, для кого предназначаются данные реплики, может тем самым полувынужденно исполнять роль подслушивающего, что позволяет поступать в отношении него более свободно, чем это было бы комфортно делать при прямом обращении.

28 *Gregory Bateson. Naven: A Survey of the Problems suggested by a Composite Picture of the Culture of a New Guinea Tribe drawn from Three Points of View* (Cambridge: Cambridge University Press, 1936). P. 119–120: «Когда группа молодых образованных англичан или англичанок разговаривают между собой и шутят, остроумно и с легким налетом цинизма, среди них на время устанавливается определенный тон приемлемого поведения. Такого рода специфический тон поведения всегда указывает на этос. Он выражает стандартную систему эмоциональных установок. В данном случае люди решили некоторое время придерживаться определенного набора чувств в отношении окружающего мира, определенной установки в отношении реальности, и будут шутить о вещах, к которым в другое время относились бы серьезно. Если один из них внезапно произнесет что-то искреннее или реалистичное, это будет воспринято без энтузиазма — вероятно, повиснет небольшая пауза и возникнет легкое чувство, что искренний человек совершил солецизм*. В другом случае та же самая группа людей может принять иной этос; они могут говорить реалистично и искренне. Если при этом недотепа отпустит фривольную шутку, она не произведет желаемого эффекта и может быть воспринята как солецизм».

29 Отсюда следует, что включение во взаимодействие с кем-либо может использоваться инициатором в качестве формы социального контроля, как в случае, когда учитель обрывает реплику ученика *sotto voce**, посмотрев ему в глаза и спросив: «Что ты сказал?», или когда на отсутствие вежливого невнимания реагируют так, как описывает Норман Мейлер в романе «Олений заповедник» (*Norman Mailer. The Deer Park* [New York: Signet Books, 1957]. P. 212): «Беда [знаменитость] перевел взгляд на женщину, которая с любопытством рассматривала его, и когда он подмигнул ей, она смущенно отвернулась. — О господи, туристы, — произнес он». Интересно, что, поскольку совместное участие в какой-то встрече позволяет и даже в некоторой мере обязывает участников полностью осматривать друг друга, мы обнаруживаем, что одной из стратегий, используемых индивидом, взгляд которого поймал тот, кого он

мы, участники, занимаемся сейчас вместе одним делом. Кроме того, скорее всего будут использоваться мелкие церемонии, обозначающие окончание включения и появление и уход конкретных участников (если во встрече участвуют больше двух человек). Эти церемонии, наряду с социальным контролем, осуществляемым во время встречи, чтобы держать участников «в строю», представляют собой разновидность ритуального завершения совместной активности, поддерживавшейся во время встречи. Таким образом, индивид, как правило, либо полностью погружается в текущую встречу, либо остается целиком за ее пределами³⁰.

По-видимому, включения разговорного типа, по крайней мере в нашем обществе, регулируются некоторыми пространственными конвенциями. Группа индивидов, вынужденных сидеть в нескольких футах друг от друга из-за особенностей расположения мебели, будет сталкиваться с трудностями в поддержании неформальной беседы³¹, а индивиды, оказавшиеся менее чем в полутора футах друг от друга, будут обнаруживать, что им сложно общаться на-

разглядывает, состоит в том, чтобы вести себя так, будто это разглядывание было первым шагом в увертюре ко включению, тем самым ратифицируя и легитимируя неспособность проявлять вежливое невнимание.

30 Одним из распространенных способов подтверждения и закрепления ухода является физическое отдаление уходящего от другого или других. В таких местах, как Шетландский остров, это может быть проблематичным. Иногда два человека останавливаются, чтобы пообщаться, но после разговора обнаруживают, что движутся в одном направлении. Если они идут нормальным шагом, им приходится завершать встречу, имея при этом беспрепятственный физический доступ друг к другу. Иногда один из них, извинившись, ускоряет шаг; иногда он может, даже если ему приходится уклониться от своего пути, пойти дорогой, которая нигде не пересекается с дорогой его недавнего собеседника.

31 *Robert Sommer. The Distance for Comfortable Conversation: A Further Study // Sociometry. 1962. Vol. 25. № 1. P. 111–116. См. также его работу: Studies in Personal Space // Sociometry. 1959. Vol. 22. № 3. P. 247–260.*

прямую, и могут направлять высказывания немного в сторону, чтобы компенсировать близость³².

Словом, встречи организуются посредством специального набора действий и жестов, составляющих коммуникацию о коммуникации. Как отмечает лингвист:

Существуют сообщения, основное назначение которых — установить, продолжить или прервать коммуникацию, проверить, работает ли канал связи («Алло, вы меня слышите?»), привлечь внимание собеседника или убедиться, что он слушает внимательно («Ты слушаешь?» или, говоря словами Шекспира, «Предоставь мне свои уши!», а на другом конце провода: «Да-да!»)³³.

- 32 См.: *Edward T. Hall. The Silent Language* (New York: Doubleday, 1959). P. 204–206. В дискуссии на одном из симпозиумов Рэй Бёрдвистелл отмечает (см.: *Bertram Schaffner* [ed.]. *Group Processes, Transactions of the Fourth Conference* [1957] [New York: Josiah Macy Jr. Foundation, 1959]. P. 184): «Американцы, оказываясь лицом к лицу, обычно стоят примерно на расстоянии вытянутой руки. Когда они стоят плечом к плечу, требуемая дистанция гораздо меньше. Если „среднестатистические американцы“ окажутся лицом к лицу на меньшем расстоянии, они либо постепенно разойдутся, либо начнут сближаться, демонстрируя признаки раздражения. Однако, если они оказываются в ситуации, где от них не требуется взаимодействовать — скажем, в трамвае, — они могут стоять довольно близко, вплоть до полного контакта.

Размер этой территории в разных культурах различен. Возможна ситуация, когда сталкиваются две или три этнические группы, занимающие разные территории, т. е. разную площадь личного пространства. Например, поместите рядом еврея из юго-западной Европы (который занимает примерно половину области личного пространства) и американца из среднего класса, и оба придут в страшное раздражение, особенно если американец из среднего класса начнет смещаться в сторону, чтобы не оскорблять собеседника, а еврей из юго-западной Европы будет стремиться сохранить положение лицом к лицу. Получится настоящий танец, который очень часто заканчивается чуть ли не дракой».

- 33 *Роман Якобсон. Лингвистика и поэтика* / Пер. с англ. Игоря Мельчука // Структурализм: «за» и «против» (Москва: Прогресс, 1975). С. 201. Ср. понятие метакоммуникации в: *Jurgen Ruesch, Gregory Bateson. Communication: The Social Matrix of Psychiatry* (New York: Norton, 1951).

Различные аспекты встреч схватываются словами обыденного языка. «Скопление», «кучка», «кружок собеседников» — все эти термины делают акцент на физических аспектах, а именно на совокупности людей, располагающихся физически близко друг к другу и повернутых лицом друг к другу и спиной к тем, кто не является участником. Термин «личная встреча» описывает данную единицу с точки зрения предоставляемой или даже предписываемой ею возможности установления определенного типа социальной близости. В литературе иногда используется термин «взаимодействие», обозначающий либо деятельность, разворачивающуюся внутри скопления людей в каждый отдельный момент времени, либо всю деятельность, разворачивающуюся с момента образования скопления и заканчивая моментом его официального распада. И, конечно, там, где происходит обмен речевыми сообщениями, особенно в неформальных обстоятельствах, применяются термины «болтовня», «разговор» или «беседа».

Можно отметить, что хотя все участники в равной мере обладают вышеописанными правами и обязанностями, существуют некоторые права, которые могут дифференцированно распределяться в пределах встречи. Так, в разговорных встречах право слушать принадлежит всем, но право говорить может строго ограничиваться, как, например, в случае сценических представлений и крупных публичных собраний. Аналогично, детям за обеденным столом иногда позволяют слушать, но запрещают говорить³⁴; если им не запрещают говорить, им могут «помогать», тем самым отрицая правило коммуникативной вежливости, требующее предоставлять человеку возможность закончить сообщение самому³⁵. В некоторых включениях одной категории участников может быть позволено гово-

34 *James H. S. Bossard. Family Modes of Expression // American Sociological Review. 1945. Vol. 10. № 2. P. 229.*

35 *Ibid.*

рить только «да, сэр» или «нет, сэр» либо подавать лишь ограниченное число сигналов, допускаемое модуляцией аплодисментов. Другой пример — права игроков, в отличие от прав стоящих вокруг непрошенных советчиков.

Когда между двумя или более индивидами установлена общность взаимного включения, возникающее в результате состояние ратифицированного совместного участия может сохраняться на протяжении разного времени. Когда есть четко обозначенная задача, включение может длиться часами. Когда ясной рабочей или досуговой задачи нет, и участников держит вместе только общительность, предпочтение отдается включениям определенной длительности. Контакт может быть очень коротким, фактически, не длиннее начального обмена взглядами. В нашем обществе среднего класса существует «болтовня», для участия в которой два индивида считают нужным оставить на непродолжительное время свои занятия; существуют приветствия, в ходе которых общность создается и поддерживается достаточно долго, чтобы участники обменялись краткими межличностными ритуалами; наконец, существуют взгляды узнавания или «дружеские» взгляды, самые короткие из всех. (Разумеется, взгляд узнавания может быть лишь первым актом более обширного приветствия, а приветствие — лишь начальной фазой болтовни, но такое расширение соучастия наблюдается не всегда.) За исключением ритуала вежливого невнимания, простой обмен дружескими взглядами является, вероятно, наиболее распространенным из наших межличностных ритуалов.

С миром праздничных домашних событий связаны встречи обязательного типа. В некоторых социальных кругах гость, пришедший на вечеринку, имеет право быть поприветствованным хозяином или хозяйкой и отконвоированным на место действия, находясь в зримом контакте с уполномочивающим лицом, благодаря чему данная встреча легитимирует и знаменует участие новоприбывшего в событии. Его уход может обозначаться по-

средством аналогичной церемонии, которая официально подводит черту под его участием³⁶. При этом событие замыкается в покинутом им месте, «обволакивая» его, и если ему понадобится вернуться за забытой вещью, скорее всего он будет чувствовать смущение, особенно если этос ситуации изменился и его уходу было уделено значительное церемониальное внимание³⁷.

Безусловно, обычно встречи воспринимаются как выражение состояния социальных отношений. И, как мы увидим позже, в той мере, в какой контакт носит практический характер, он должен осуществляться таким образом, чтобы не отрицать эти отношения³⁸. Кроме того, каждое включение обычно инициируется с определенным ажиотажем, соответствующим периоду отсутствия кон-

36 В этой связи интересна разница между англо-американскими и французскими традициями; во Франции приходящий или уходящий человек ратифицирует свое появление или исчезновение не только посредством контакта с тем, кто управляет событием, но и, зачастую, посредством рукопожатий с некоторыми или всеми гостями.

37 Аналогичное смущение возникает, когда сотрудник организации, которому организовали прощальную вечеринку и сделали прощальный подарок, символизирующий окончание его членства и создающий сцену для выстраивания группой новых отношений с тем, кто придет на его место, узнаёт, что ему необходимо остаться или вернуться в организацию. Он обнаруживает, что группа «распрощалась» с ним и что хотя он еще присутствует физически, социально он отсутствует.

38 Конечно, взаимные включения — не единственные формы контакта, исполняющие церемониальные функции. Подарки, открытки, поздравительные телеграммы и телефонные звонки тоже служат этой цели. Любое социальное окружение вырабатывает нормы, касающиеся того, как часто и обширно их следует использовать для укрепления отношений между географически разделенными людьми, в зависимости от цены использования этих инструментов для каждой группы. Как друзья, оказавшиеся на одной вечеринке, должны уделить хотя бы какое-то время тому, чтобы поболтать друг с другом, так и муж, уехавший из города по делам, может считаться находящимся «в пределах досягаемости» и обязанным каждый вечер звонить домой.

тактов, и прекращается с ажиотажем, соответствующим ожидаемому периоду разлуки. В результате происходит своеобразное преодоление и компенсация ослабляющих эффектов расставания³⁹. Поэтому на вечеринках часто доминирует та или иная версия правила миссис Пост: «Если вы встречаете одного человека много раз в течение приблизительно часа, ему не нужно кланяться после второго или, в крайнем случае, третьего раза. После первого раза нужно смотреть в сторону либо просто улыбаться»⁴⁰. Та же простая улыбка между теми же двумя людьми, только что столкнувшимися друг с другом в чужой стране, может быть вопиющим оскорблением их отношений.

Я сказал, что взаимное включение — достаточно четко выраженная единица, в силу чего индивид обычно должен быть либо целиком внутри него, либо целиком вне его. Это прекрасно подтверждается затруднением, возникающим, когда кто-то пытается быть наполовину внутри и наполовину снаружи. Тем не менее существуют коммуникативные практики, находящиеся посередине между простым соприсутствием и полномасштабным соучастием, одну из которых следует рассмотреть. Когда два человека молча идут по улице или дремлют рядом на пляже, окружающие могут воспринимать их как находящихся «вместе» и, вероятно, имеющих право внезапно начинать словесную или жестовую коммуникацию, хотя о них вряд ли можно сказать, что они непрерывно поддерживают совместную активность. Такое нахождение вместе представляет собой своего рода свернутую вербальную встречу, функционирующую скорее в качестве средства исключения не-участников, чем в качестве основания для поддержания сфокусированного взаимодействия между участниками⁴¹.

39 *Erving Goffman. On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction // Psychiatry. 1955. Vol. 18. № 3. P. 229.*

40 *Post. Etiquette. P. 29.*

41 Нахождение «с» кем-то в данный момент следует отличать от отношения, наблюдающегося на вечеринках, когда кто-то «прихо-

Лица, способные поддерживать между собой свернутые встречи, получают возможность обойти проблему «запаса безопасных тем» для беседы — проблему необходимости иметь достаточный набор безобидных предметов для обсуждения на время, пока доминирует официальное состояние разговора. Так, на Шетландском острове, когда три-четыре женщины вязали вместе, одна из вязальщиц говорила что-то, затем минуту или две ничего не происходило, после чего другая вязальщица произносила дополняющую реплику. Аналогичным образом семья, сидевшая вокруг очага на кухне, смотрела на пламя, перемежая ответы на высказывания периодами наблюдения за огнем. С той же целью шетландские мужчины использовали продолжительные паузы, необходимые им для ухода за своими трубами.

К этим комментариям относительно структуры включений я хотел бы добавить короткое замечание по поводу сообщаемой встречами информации о ситуации в целом. В одном из предыдущих разделов было сказано, что индивид разглашает сведения о себе самим фактом своего присутствия в ситуации. Точно так же он сообщает информацию о себе теми встречами, в которых его застают либо не застают другие. Следовательно, вовлеченность в сфокусированное взаимодействие неизбежно вносит вклад в несфокусированное взаимодействие, сообщая что-то всем присутствующим в ситуации в целом.

В нашем обществе то, что говорит об индивиде нахождение в публичных местах внутри или вне встреч, значительно различается в зависимости от пола данного индивида и дней недели. Утро и обед — время, когда любой может появляться в одиночку практически где угодно, не сообщая тем самым ничего о своем положении в социальном мире; однако ужин и прочие вечерние занятия говорят об индивиде без компании нелицеприятные вещи,

дит с» кем-то; последний случай предусматривает предпочтения в отношении того, с кем человек уйдет, кому он будет верен и т. п.

наносящие особенно сильный ущерб в случае женщин. В этой связи вечерам выходных дней и таким церемониальным поводам, как День благодарения, Рождество и, в особенности, Новый год, придается особое значение, поскольку в это время одинокий индивид в полупубличном месте может ощущать свою крайнюю неуместность.

Наконец, следует добавить, что поскольку окружающие дают индивиду социальную оценку исходя из компании, в которой его видят, для него оказаться во включении вместе с другим значит быть социально идентифицированным так же, как идентифицируется этот другой.

3. Доступность

В любой ситуации присутствующие обязаны сохранять определенную готовность к потенциальным взаимным включениям. (Об этой готовности уже говорилось выше как об одном из способов выражения ситуационного присутствия.) Есть много важных причин, по которым индивид обычно обязан отвечать на просьбы о взаимном включении. Прежде всего, он должен делать это ради себя самого, поскольку часто такая коммуникация будет служить его собственным интересам, как, например, когда незнакомец сообщает ему, что он что-то обронил или что путь перекрыт. По тем же причинам он должен быть доступен ради других присутствующих, а также отсутствующих, посланниками которых могут быть присутствующие. (Потребность в такой коллективной солидарности усиливается городской жизнью, помещающей в пределы досягаемости друг друга индивидов, между которыми существует огромная социальная дистанция.) Кроме того, как говорилось ранее, участие во взаимном включении может быть признаком социальной близости и тесных связей; когда кто-то предлагает возможность участия, ее не следует отвергать, так как отклонить подобную просьбу — значит отвергнуть того, кто предпринял усилие, чтобы дать знать о желательности контакта. Более того, отказ от

предложения предполагает, что отказывающий отвергает притязание другого на участие в сборище и в социальном событии, к которому относится сборище. Поэтому люди редко отрицают обязанность отвечать.

Хотя у индивида есть веские причины сохранять свою доступность для взаимных включений, у него есть веские причины и опасаться ее.

Позволив другому приблизиться к нему для разговора, индивид может обнаружить, что его обманом поставили в положение, в котором на него могут напасть и нанести физический ущерб. В обществах, в которых общественная безопасность не гарантирована, особенно в таких местах, как пустыня, где путешественник в течение длительных периодов времени находится вдали от любого источника помощи, опасность того, что взаимное включение может стать прелюдией к нападению, становится существенной, и поэтому обычно используются всевозможные техники избегания или приветствия на расстоянии⁴². Здесь, безусловно, накладываются «физическая безопасность», как компонент гражданского порядка, и компонент коммуникации. Но даже если не учитывать эти крайние случаи, необходимо понимать, что когда индивид открывается для разговора с другим, он открывается для просьб, приказов, угроз, оскорблений и дезинформации. Взаимная предупредительность, характерная для включений, усиливает эти опасности, подвергая симпатию и тактичность индивида угрозе злоупотребления и вынуждая его действовать против собственных интересов.

Кроме того, слова могут использоваться для «завязывания отношений»: когда индивид уделил другому достаточно внимания, чтобы выслушать его, появляются некоторые взаимные обязательства, которые инициатор, в свою очередь, может использовать в качестве основа-

42. Случай контактов в пустыне выразительно описывается в рассказе Пола Боулза «Нежная добыча» (*Пол Боулз. Нежная добыча* / Пер. с англ. Василия Кондратьева // *Пол Боулз. Под покровом небес* [Москва: Симпозиум, 2001]. С. 381–390, особ. 383–384).

ния для дальнейших притязаний; как только эта новая расширенная связь нехотя или охотно устанавливается, могут выдвигаться новые притязания на социальную или материальную благосклонность. Поэтому (если обратиться к важному примеру) мужчина и женщина могут начать общаться как незнакомцы, но при надлежащих условиях со временем из случайной встречи может вырасти брак. Нам достаточно проследить историю многих близких отношений между взрослыми, чтобы увидеть, как взаимные включения оборачиваются чем-то, что изначально не предполагалось. Конечно, обычно люди устанавливают «подходящие» отношения, не позволяя случайным встречам стать завязкой чего-то еще. Но в системах сегрегации веселья достаточно пробелов, чтобы у матерей были причины беспокоиться о своих дочерях и чтобы снабжать развлекательную литературу одним из ее базовых романтических сюжетов.

Я указал на некоторые причины, по которым индивиды, по крайней мере в нашем обществе, обязаны оставаться доступными для взаимных включений, а также обозначил некоторые опасности, которым они при этом подвергаются. Эти две противоположные тенденции уживаются в обществе, очевидно, благодаря соблюдению особого негласного договора или джентльменского соглашения: учитывая, что на другого будет распространяться обязательство, часто неприятное, отвечать на увертюры, потенциальные инициаторы должны сдерживать свои желания. Поэтому человек может делать себя доступным для других, ожидая, что они будут ограничивать свои притязания на его доступность и не будут заставлять его платить слишком высокую цену за то, что он доступен. Их право инициировать контакт контролируется их обязанностью становиться на его точку зрения и инициировать контакт с ним, только когда он сам может легко признать оправданность этого контакта; словом, они не должны злоупотреблять своими привилегиями.

Этот негласный коммуникативный договор (и последствия его нарушения) широко отражен в мифологических историях, например в нашей сказке про кричавшего «Волки!». Понятно, что несоблюдение правила, запрещающего нежелательные увертюры, вызывает определенное беспокойство, поскольку реципиент должен либо согласиться с запросом, либо продемонстрировать себе и остальным присутствующим, что его доступность для взаимных включений была не неотъемлемой частью его личности, а ложной позой, поддерживавшейся, только пока ему не требовалось платить за это цену.

Приняв во внимание негласный договор, который делает присутствующих искусно доступными и недоступными друг для друга, мы можем далее указать на основополагающий баланс приязни и неприязни в социальных ситуациях. Причины, по которым индивиды обязаны воздерживаться от увертюр к встречам, часто являются также причинами, по которым они могут хотеть эти увертюры, а обязанность быть подобающим образом доступным часто скрывает желание быть избирательно недоступным. Поэтому многие публичные или полупубличные места, вроде коктейль-баров и вагонов-ресторанов, приобретают специфический тон и характер, специфическую пикантность, которая спутывает линии коммуникативных действий, вызывая у каждого участника желание вторгаться туда, куда он, вероятно, не имеет права доступа, и воздерживаться от взаимных включений с другими, которые, возможно, имеют право на эти включения. Каждый индивид, таким образом, не только соблюдает основополагающий коммуникативный договор, но также испытывает надежды и страхи и осуществляет действия, которые обходят правила или даже фактически нарушают их.

Выше было сказано, что существует общее правило, обязывающее индивида делать себя доступным для встреч, даже если он может что-то потерять от вступления в них, и что он вполне может чувствовать неоднозначность данного требования. Обратным примером здесь служат

психически больные пациенты, которые могут показать нам, какую цену приходится платить за отказ становиться доступным, и заставляют нас осознать, что существуют причины, по которым тот, кто может быть доступным, готов тем не менее платить цену за то, чтобы оставаться недоступным.

Если коротко, пациента, отказывающегося отвечать на увертюры, называют «неконтактным», и это состояние часто воспринимается как однозначное свидетельство того, что человек глубоко болен и фактически оборвал все связи с окружающим миром. В случае некоторых «органических» пациентов это обобщение, основанное на наблюдаемой недоступности, выглядит вполне достоверным, как и в случае некоторых «функциональных» больных. Например, есть пациенты, которые перед тем как попасть в больницу постепенно отказывались реагировать на такие вещи, как телефон и дверной звонок, а в больнице отвергают любые увертюры к включениям со стороны персонала, что составляет лишь один из примеров общего отсутствия у них интереса к жизни.

Однако в случае других пациентов отказ от участия в предлагаемых включениях нужно воспринимать не как признак безразличия к сборищу, но, скорее, как признак отчуждения, вызванного сильным чувством, вроде страха, ненависти и презрения, которое может быть понятным в данных обстоятельствах и может позволять пациенту демонстрировать полное уважение к другим ситуационным приличиям.

Так, некоторые пациенты встречают прямые попытки вовлечь их в разговор холодным взглядом, отвергая любые увертюры со стороны персонала, сколь бы привлекательными, манящими или настоятельными те ни были, но при этом сами тщательно иницируют и прекращают взаимные включения без обычных любезностей. Есть также пациенты, которые не контактируют с большинством людей в отделении, но участвуют в иницируемых ими самими встречах с небольшим числом избранных других посред-

ством закодированных сообщений, иностранного языка, шепота или обмена записками. Некоторые пациенты, не желающие вступать в разговоры с кем бы то ни было, с готовностью вступают в иные типы взаимодействия, например танцы или карточные игры. Я также знал пациента, который часто полностью игнорировал приветствия со стороны других пациентов в коридоре, но относительно которого можно было быть совершенно уверенным, что он не пропустит ни одной подсказки во время исполнения главной роли в спектакле, поставленном пациентами.

Таким образом, можно ожидать, что пациент, отказывающийся вести себя подобающим образом во взаимных включениях, может вполне хорошо вести себя на уровне несфокусированного взаимодействия⁴³. Одна из иллюстраций была предоставлена пациенткой, за которой я наблюдал, — молодой женщиной тридцати двух лет, которая на одной из стадий своей «болезни» была готова относиться к своей одежде и манерам со всей выверенной сдержанностью, требуемой от ее пола, но при этом грязно ругалась. Во время другой фазы своей болезни эта пациентка совершала в компании дружественной медсестры поездки за покупками в соседний город, в ходе которых она и ее опекунша получали извращенное удовольствие от того, что пациентку принимали за «нормального» человека. Однако стоило кому-то прямо обратиться к больной, маскарад распадался, поскольку в тот период пациентка молчала при любых вербальных взаимодействиях или, в лучшем случае, говорила с огромным трудом.

Трогательный пример этой же разницы в способности к несфокусированному и сфокусированному взаимодей-

43 Книги манер говорят о том же. См., например: *Good Manners: Reliable Advice on Etiquette, Simply Told* (New York: L. M. Garrity & Co., 1929). Р. 31: «Многие люди, демонстрирующие хорошие манеры „в деле“, имеют неважные манеры „в словах“. Они могут распространять слухи, рассказывать неприличные истории, сообщать вещи, задевающие чувства людей, или непрерывно говорить, так, что никто не может вставить ни слова».

ствию демонстрировали пациенты Центральной больницы, которые боялись и опасались всего вокруг, но тем не менее предпринимали целенаправленные попытки показать, что они такие же, какими были до попадания в больницу, и что они уверенно и собранно контролируют ситуацию. Один мужчина средних лет ходил с деловым видом по коридору, держа под мышкой утреннюю газету и повесив сложенный зонтик на вторую руку, с таким выражением лица, словно он опаздывает на встречу. Молодой мужчина, облачившийся в поношенный серый фланелевый костюм, за которым он тщательно следил, аналогичным образом торопился из одного места, в котором он не был, в другое. При этом оба уступали дорогу любому идущему навстречу сотруднику и мучительно отворачивали голову, когда кто-то обращался к ним с высказыванием или приветствием, поскольку оба избегали разговаривать с большинством встречаемых. Управление фасадом, характерное для среднего класса, было в этих обстоятельствах столь рискованным и сложным делом, что (для обоих) оно явно составляло главное занятие на протяжении дня⁴⁴. Безусловно, в других случаях недоступность людей, в остальном демонстрирующих подобающие манеры, объясняется не страхом, а враждебностью: признать увертюру персонала значит отчасти признать легитимность сотрудника, делающего увертюру, а если тот серьезный и достойный человек, таким же должно быть и его предполагаемое убеждение в том, что индивид, контакт с которым он иницирует, а именно сам пациент, является психически больным человеком, содержащимся

44 Как очевидно, что индивид способен следовать правилам, касающимся несфокусированного взаимодействия, при этом не следуя нормам, касающимся сфокусированного взаимодействия, так встречаются и случаи психически больных пациентов, которые одеваются исключительно неподобающим образом, но при этом готовы быть социально покладистыми собеседниками. Эти два свидетельства подтверждают необходимость концептуального различения сфокусированного и несфокусированного взаимодействия.

в психиатрической лечебнице. Поэтому для усиления впечатления, что он на самом деле здоров, индивид может полагать разумным воздерживаться от встреч, в которых будет подразумеваться противоположное, — даже несмотря на то, что это ведет именно к такому поведению (т. е. к недоступности), которое подтверждает мнение больничного персонала о психическом нездоровье данного индивида.

Наконец, по поводу доступности необходимо отметить следующее. Как говорилось выше, разговорные включения часто принимают форму вовлеченностей, подчиненных некоторому другому насущному делу, точно так же как побочные вовлеченности, вроде курения, часто принимают форму действий, подчиненных главной разговорной вовлеченности. Возникает вопрос: каковы пределы такого сосуществования в обществе среднего класса? Например, имеются описания того, как моряки из среднего класса воздерживаются от посещения галюна, пока там кто-то есть, чтобы не сталкиваться с необходимостью осуществлять дефекацию, когда ты доступен другим для разговора. Информантка из среднего класса также сообщила мне, что она всегда нервничает, когда ей приходится красить ногти в присутствии мужа, поскольку окрашивание ногтей требует слишком много внимания, чтобы она могла выказывать беседе должное уважение.

4. Права, связанные с уходом

Точно так же как индивид обязан не злоупотреблять доступностью других (иначе им придется платить слишком высокую цену за свою обязанность быть доступными), он обязан отпускать тех, во взаимодействие с кем включен, когда они, посредством общепринятых подсказок, демонстрируют, что хотят уйти (иначе им придется платить слишком высокую цену за свое тактичное воздержание от того, чтобы открыто покинуть его). Напоминанием об этих правилах ухода могут служить учебные классы начальных школ, в которых практики ухода еще не до конца

освоены, и поэтому, например, учитель, вызвав ученика к столу, чтобы исправить что-то в его тетради, должен развернуть того и слегка подтолкнуть к его месту, чтобы прервать разговор.

Права на уход, которые должны предоставляться индивиду, и правило тактичного покидания встречи, которому должны следовать остальные участники, могут вступать в конфликт. Этот конфликт часто разрешается очень характерным для коммуникативной жизни способом — люди, исполняющие разные роли, негласно сотрудничают для облегчения ухода. Скажем, бизнес-этикет дает следующий пример:

О том, когда уходить. Есть множество подсказок тому, что вам пора уходить, начиная с прямых завершающих фраз (обычно в форме «Спасибо, что зашли») и заканчивая отсутствующим или отвлеченным взглядом. Но в любом случае они должны исходить от того, кто ведет собеседование. Ему не обязательно резко вставать; вы должны почувствовать висящее в воздухе прощание задолго до этого, чтобы собрать свои вещи, сместиться к краю стула и самому начать короткую благодарственную речь. И не нужно задавать щекотливый вопрос: «Я не отнимаю ваше время?»; если эта мысль приходит вам в голову, пора уходить⁴⁵.

На самом деле люди могут настолько привыкать к помощи со стороны того, кто выступает причиной поиска помощи, что, когда им отказывают в сотрудничестве, они могут обнаруживать, что не знают, как разрешить инцидент. Например, некоторым психически больным пациентам свойственно удерживать сотрудника клиники во встрече, невзирая на то, сколько намеков тот делает о необходимости сейчас прерваться. Когда сотрудник начинает уходить, пациент может следовать за ним вплоть до запертой двери и даже пытаться пройти вместе с ним. В этот момент сотрудник может силой удержать пациента или резко захлопнуть дверь, продемонстрировав не только то, что он бросил пациента, но и что проявление персоналом заботы о пациенте — это, в некотором смысле, всего лишь

45 Esquire Etiquette. P. 59.

шоу. Уличные торговцы и попрошайки инициируют аналогичный процесс; они полагаются на то, что индивид, к которому они пристают, согласится на покупку, чтобы не показаться человеком, покидающим встречу без официального разрешения.

Глава 7

Знакомство

В нашем обществе, как и в других, существуют институты, специфически связанные с привилегией и обязанностью участия во взаимных включениях. Речь идет прежде всего о социальных отношениях «знакомства». Необходимые для них условия соблюдаются, когда каждый из двух индивидов может идентифицировать личность другого на основании знаний о том, что отличает этого другого от всех остальных, и когда каждый признаёт за другим такую взаимную информированность. Судя по всему, после того как между двумя людьми установились подобные информационные отношения, эти отношения, за некоторыми исключениями, приводят к появлению социальной связи, ставящей обоих индивидов в новое, обычно бессрочное положение по отношению друг к другу. Впоследствии, оказавшись в одной социальной ситуации, они скорее всего будут либо обязаны, либо вправе инициировать взаимное включение. (Если один из индивидов забыл «лицо» другого, другому будет достаточно лишь восстановить контекст первоначального знакомства, чтобы получить право на включение, а нередко и извинения.) Таким образом, право инициировать взаимные включения столь значимо, что обычно оно составляет один из важных ингредиентов отношений.

Мы можем начать рассмотрение института знакомства с прояснения двух повседневных смыслов термина «узнавание». Во-первых, есть то, что можно назвать *когнитивным узнаванием*, — процесс, в ходе которого один индивид каким-либо образом «причисляет» или идентифицирует другого, связывая его внешний облик

с совокупностью информации о нем. Одним из наглядных примеров является ритуал идентификации при опознании преступника среди стоящих в ряд людей; другой пример — «узнавание» человека, с которым вы договорились о встрече, по какой-то вещи, которую тот обещал взять с собой или надеть. Обычно когнитивное узнавание предполагает соотнесение узнаваемого человека с информацией, касающейся исключительно его, например: с его именем, особой конфигурацией статусов или уникальной личной биографией — словом, с «персональной идентичностью». Однако иногда когнитивное узнавание предполагает лишь причисление индивида к некоторой общей социальной категории, но в контексте, в котором любой член данной категории может играть ключевую роль, например, когда карманники опознают переодетого полицейского, которого лично не знают, тем самым, как они выражаются, «выставляя его»¹. Таким образом, когнитивное узнавание представляет собой процесс, посредством которого мы социально или персонально идентифицируем другого.

Во-вторых, существует *социальное узнавание*, а именно процесс открытого принятия или, по крайней мере, признания инициации включения, например, когда кто-то отвечает взаимностью на приветствие или улыбку. Возможно, сюда следует отнести и согласие с особой ролью во включении, как в случае, когда председательствующий признаёт и выполняет желание индивида получить слово. Когнитивное узнавание — приватное действие, которое можно осуществлять тайком, хотя осуществлять его, ничем не выдавая, что ты его совершаешь, сложно. Со-

1 David W. Maurer. Whiz Mob: A Correlation of the Technical Argot of Pick-Pockets with Their Behavior Pattern (Gainesville: American Dialect Society, 1955). P. 140–141: «Считалось, что и Маккарти, и Вилкерсон [два детектива] умеют делать феноменальную штуку — *выставлять человека*, т. е. определять преступника по его одежде, манерам, внешнему виду, поведению и т. д., даже если он не знаком им лично».

циальное узнавание — это взгляд, специально функционирующий в качестве церемониального жеста контакта с кем-либо.

Следовательно, как отмечалось выше, чтобы реализовывать определенные формы социального узнавания, участники должны узнавать друг друга когнитивно, либо изображать такое узнавание, либо просить прощения за то, что они не узнали. В таком случае можно ожидать, что в момент встречи двух плохо знающих друг друга людей будут наблюдаться два разных типа первоначального выражения лица: выражение лица того, кто ожидает мгновенного социального узнавания со стороны другого, и выражение лица того, кто осуществляет быстрый когнитивный процесс физического опознания или «причисления» кого-либо. Разумеется, обычно эти два выражения возникают одновременно, но в некоторых случаях выражение социального узнавания может на мгновение опережать прочие выражения, вызывая смущение. Иногда же, когда контекст делает для человека опасным признание того, что он с кем-то знаком, или когда индивид сталкивается с человеком, о котором знает, но с которым ранее не встречался, имеет место «причисляющее» выражение лица без социального выражения лица.

По поводу знакомства следует задать вопрос: насколько это важная часть отношений?

В целом знакомство представляет собой один из аспектов любых социальных отношений, основанных на взаимной личной идентификации; это общее свойство отношений, как бы сильно они ни различались по степени и типу. Тем не менее можно ожидать, что знакомство будет малозначительным аспектом отношений. Однако есть исключения. Здравый смысл обозначает термином «просто знакомство» отношения, основным содержанием которых является право социального узнавания. Кроме того, бывает, что после того как люди были «близки», их отношения расстроились, застыв на той стадии, когда они «продолжают общаться» или когда они (после разрыва)

«не общаются», и в обоих случаях практики простого включения получают способность характеризовать отношения.

Специфическую силу обязанности социального узнавания знакомых, т. е. обязанности быть легко доступным для них, можно выявить разными способами. Наиболее очевидный случай мы находим в обществе среднего класса, где существует сильное табу на «игнорирование» — практику целенаправленного отрицания увертюры к встрече. В книгах по этикету содержится множество предупреждений относительно такой коммуникативной практики:

Возьмите за общее правило никогда никого не *игнорировать* на улице. Даже особ, известных вам по партии или пароходу, следует привечать едва заметным движением. Когда же они собираются заговорить с вами или останавливают вас, дабы познакомиться со своим спутником, время воспользоваться своим моноклем и произнести: «Никогда прежде вас не знал»².

Мисс Пост предлагает несколько более современную версию:

Бывает досадно, когда знакомый проходит мимо вас, «не заметив», но нужно соблюдать осторожность и не путать невнимание, вызванное задумчивостью, с осознанным и намеренным пренебрежением.

Откровенное игнорирование

Взглянуть прямо на другого человека и не ответить на его кивок — значит столь грубо нарушить правила хорошего тона, что лишь непростительный проступок этого человека может заставить сделать ему подобное внушение. И лишь самая тяжкая причина может вынудить леди проигнорировать джентльмена. Но ни при каких обстоятельствах джентльмену нельзя игнорировать женщину, которую можно, хотя бы из одной лишь любезности, назвать леди.

Игнорирование — нечто совершенно иное [нежели слабое зрение или забывчивость]. Это прямой взгляд, выражающий полнейшее пренебрежение, и он не только оскорбляет жертву, но и смущает любого очевидца. К счастью, он практически не известен в воспитанном обществе³.

2 *A Gentleman. The Laws of Etiquette.* P. 62.

3 *Post. Etiquette.* P. 30.

Из этого правила следует, что когда один человек не хочет включаться в приветственное взаимодействие с другим, он обычно будет вести себя так, чтобы другой мог поверить (или, по крайней мере, притвориться, что поверил), что невнимание было вызвано непреднамеренным замечанием увертюры; в свою очередь, человек, создающий увертюру, если он сомневается насчет того, как его воспримут, не будет делать свое приветствие настолько очевидным, чтобы оно не оставляло ему возможности сохранить социальную видимость, если его увертюра будет отвергнута. Когда же известно, что один индивид может чувствовать себя обязанным игнорировать другого, и сама эта пара, и остальные будут обычно стараться предотвратить их встречу, в силу чего между ними будут устанавливаться отношения избегания. Такое табу на игнорирование не является лишь вопросом официального этикета. Даже когда два человека имеют веский моральный повод для взаимной неприязни, они, скорее всего, захотят обменяться парой вежливых слов, доведись им неожиданно столкнуться. И даже когда они не общаются, они все равно могут испытать неконтролируемую потребность обменяться кивками, оказавшись в одном месте. Эта минимальная учтивость особенно важна для нас, поскольку отказ от обмена подобными приветствиями говорит ситуации в целом, что эти двое исполнены неприязни друг к другу и не соответствуют настроению социального события. Поэтому проигнорировать кого-то — значит выразить неуважение к сборищу в целом, проявить вопиющую нечувствительность к минимальной солидарности, которую сборище требует от всех его участников.

Таким образом, знакомство обязывает индивидов предлагать друг другу включения, хотя бы только в форме мимолетных улыбок. Этот обычай еще раз показывает, насколько правила коммуникации, принятые в сообществе, подчиняют себе сиюминутные интересы участников. Но следует ожидать, что будут применяться определенные

формы приспособления, каждая из которых по-своему проливает дополнительный свет на нормы коммуникации.

Например, существуют обстоятельства, при которых учет интересов другого человека требует, чтобы ему предоставлялось право решать, будет или нет происходить социальное узнавание и приветствие. Так, когда контекст бросает тень на находящегося в нем человека (особенно если этот человек — женщина, и ее присутствие замечает знакомый мужчина), право решать, состоится ли включение, может получать тот, кто больше всего потеряет от раскрытия факта его присутствия. Некоторые авторы книг по этикету полагали, что поскольку джентльмен никогда не может знать, когда леди находится в контексте, в котором ее идентификация нежелательна, инициатива должна всегда исходить от женщины: «Признак хорошего воспитания — не заговаривать с женщиной на улице, пока по повороту ее головы не станет ясно, что она заметила вас»⁴. Другие авторы модифицируют это предписание: «В формальной обстановке леди должна первой кивнуть джентльмену, хотя люди, хорошо знающие друг друга, кивают спонтанно, не следуя данному правилу этикета»⁵.

Можно добавить, что в некоторых обществах социальное узнавание между представителями разных полов может угрожать репутации женщины и потому повсеместно ограничивается. Один из примеров — индуистское общество:

Вне дома отношения между полами чрезвычайно скудны. Женщины носят длинную вуаль и должны скромно опускать глаза при приближении мужчины. Следствием строгого ограничения свиданий между молодыми мужчинами и девушками является то, что даже мимолетная встреча трактуется как неизбежно ведущая к сексуальному контакту⁶.

4 *A Gentleman. The Laws of Etiquette*. P. 60.

5 *Post. Etiquette*. P. 29.

6 *George Morrison Carstairs. Hinjra and Jiryan: Two Derivatives of Hindu Attitudes to Sexuality // British Journal of Medical Psychology*. 1956. Vol. 29. № 2. P. 135–136.

Другой пример — сельский Парагвай: «Женщина всегда должна быть начеку. Она должна постоянно избегать того, чтобы кто-то мог заподозрить ее в приватном разговоре с мужчиной даже на улице среди бела дня»⁷. Такт, связанный с социальным узнаванием и взаимными включениями, разумеется, не ограничивается отношениями между полами; его можно обнаружить всюду, где одна сторона включения, предполагающего узнавание, считается имеющей дополнительные права или требующей предусмотрительного обхождения⁸.

Предположение, что индивид может намеренно узнавать знакомого, либо игнорировать его, либо различными способами избегать узнавания, может создавать излишне упрощенное представление. Как уже говорилось, данный процесс не так уж легко сознательно контролировать, и отсутствие контроля следует принимать во внимание при выборе стратегий действия. Ощущение подобающего способа поведения при узнавании глубоко укореняется в усвоившем его индивиде, так что его спонтанные тенденции в ситуации могут мешать ему следовать своему текущему представлению о надлежащей линии действия. Рационально выбирая текущее направление действия, он вполне может стараться подавлять более автоматические тенденции — или, скорее, то, что стало для него автоматическими тенденциями. (Данный фактор проявляется во

7 *Elman R. Service, Helen S. Service. Tobati: A Paraguayan Town* (Chicago: University of Chicago Press, 1954). P. 207.

8 Приведу пример из личного опыта, касающийся неформальной социальной жизни в провинциальном британском университете около 1949 года. Если младший преподаватель и старший преподаватель, знакомые друг с другом, заходят в преподавательскую комнату, когда там почти никого нет, младший преподаватель иногда считает, что сесть далеко от старшего было бы проявлением недружелюбия, а сесть на расстоянии разговора было бы наглостью, поэтому он иногда садится в кресло посередине между этими двумя дистанциями, ставя старшего преподавателя в положение, позволяющее тому выбирать, какое количество словесного взаимодействия будет иметь место, если оно вообще состоится.

всех формах коммуникативного поведения.) Если индивид избегает смотреть на другого, на кого, тем не менее, обращено его спонтанное внимание, его избегание будет заметным и неловким. Не глядя на того, на кого спонтанно обращено внимание, индивид обычно совершает неуклюже блокируемое движение в его сторону; это становится особенно заметно, когда индивид предвосхищает включение во взаимодействие с ним, но при этом находится не в той социальной позиции, которая позволяет инициировать встречу самому.

Физический характер многих сцен социального взаимодействия связан с расхождением между тем, что индивид намеревается сделать, и тем, что он начинает делать бессознательно. Часто в ситуации будут присутствовать многочисленные барьеры для зрительной и звуковой коммуникации — нередко ими будут тела и действия других людей, — что обеспечивает незамечающего извинениями, сколь бы слабыми они ни были, и может, в свою очередь, использоваться незамечаемым в качестве извинения незамечающего. Делая правила коммуникации более эластичными, эти барьеры увеличивают число случаев, когда один человек ориентируется на включение с другим, но сомневается, поскольку не уверен в доступности этого другого. Пример можно найти в романе:

Дойдя до улицы Гюстав-Бон, Риго заметил в противоположном конце, на другом тротуаре, фигуру господина Марге. При встречах с нотариусом он всегда испытывал какое-то томительное беспокойство. В самом деле, иногда нотариус его узнавал, отвечал на приветствия, даже первым кланялся, но бывало он проходил мимо, не замечая. Быть может, это была случайность, но это могло быть также и капризом (он всегда узнавал видных лиц города), что-то избавляло его от рассеянности и заставляло подносить руку к шляпе. Риго старался держать голову очень прямо, то и дело бросая беглые взгляды в сторону, чтобы быть в курсе намерений нотариуса. Тот шел, потупив глаза, и казался поглощенным мыслями. Рассчитав, что его поклон вернее всего останется незамеченным, Риго решил сделать едва уловимый приветственный жест в последний момент, что даст ему возможность в случае надобности притвориться, будто

он чешет ухо. Но в последний момент неразумный, почти благоговейный страх заставил его ускорить движение. Больше четырех шагов отделяло его от соответствующего приличия места, а он уже поднес руку к шляпе. На другом тротуаре господин Магре поднял глаза и ответил широким приветствием. Риге почувствовал облегчение, волна счастья нахлынула на него. Это было нечто большее, чем тщеславие — это был восторг от удовлетворения какого-то социального инстинкта⁹.

Поняв роль знакомства в социальной жизни, следует задаться вопросом, каким образом складываются подобные отношения между двумя индивидами. По-видимому, знакомство может возникать «неформально», например, когда люди, работающие в одном офисе или на одном заводе, «узнают» друг о друге и постепенно признают это друг за другом, так что знание о человеке становится знанием человека. Особый случай этой практики наблюдается среди ритуально профанных лиц, например детей. В этом случае, чтобы знакомство автоматически предполагалось, достаточно, чтобы каждый знал, что другой ходит в ту же школу.

Знакомство также может возникать неформально в результате совместного участия в одной и той же встрече, хотя при этом разница в статусах участников способна накладывать свои ограничения. Иллюстрацию предоставляют воспоминания одного уборщика о реакции другого уборщика на то, как с ним обошелся больничный врач:

Конечно, они [доктора] не все такие. Некоторые из них не скажут «привет», даже если споткнутся о тебя. Вот взять доктора Цайглера. Один раз он пришел сюда и попросил Эла починить какую-то свою штуковину, и Эл бросил дела, пошел и починил ее. Цайглер был вполне мил, довольно дружелюбно стоял рядом и болтал с Элом, пока тот чинил ту штуку. Так вот, Эл говорит, что встретил его в коридоре на следующий день, и доктор прошел мимо, как будто никогда его в глаза не видел. Эл говорит, что с тех пор много раз встречал доктора, и тот никогда не показывал, что знает его. Эл спросил меня: «Как думаешь, что на него нашло?» А я сказал ему:

9 *Марсель Эме. Мельница на Сурдине / Пер. с франц. Юлии Мирской (Москва: Журнально-газетное объединение, 1937). С. 26–27.*

«Не знаю, Эл, может некоторые из этих докторов думают, что они лучше нас. Просто не обращай на него внимание»¹⁰.

В нашем обществе отношения знакомства могут также складываться «формально», как в случае, когда два индивида представляются друг другу, обычно — с помощью третьей стороны, но иногда, при соответствующих условиях, и сами. Представление, даже больше чем неформальное знакомство, должно, предположительно, иметь устойчивые последствия, навсегда помещая представленных людей в положение особой доступности друг для друга. Разница состоит в том, что если неформальное знакомство может возникать, даже когда участники на самом деле не «знают» друг друга по имени, формальное знакомство, судя по всему, предполагает обмен именами и обязанность отныне называть друг друга по имени. Таким образом, у людей, которые были формально представлены друг другу или которые называли друг друга по имени в силу неформального знакомства, преступная забывчивость может принимать две разные формы: незнание того, что следует знать конкретного человека (большой их двух грехов), и знание человека, но неспособность вспомнить его имя.

Если знакомство устанавливает между индивидами предпочтительные коммуникативные отношения или, скорее, *является* предпочтительным коммуникативным отношением, это позволяет понять, почему некоторые люди будут избегать тех мест и событий, где вероятны неприятные представления. Но что еще важнее — можно легко предугадать, что представляющий может чувствовать себя обязанным удостовериться, что новые отношения не нанесут вреда тем, чьи коммуникативные отношения друг с другом он изменит. Поскольку такого рода вред обычно наносится богатым бедному, мужчиной — женщине, сильным — слабому, представляющий может чувствовать себя обязанным, прежде чем представлять людей друг

10 Фрагмент интервью, записанного Э. Ленц (*Edith Lentz. A Comparison of Medical and Surgical Floors. Mimeo* [New York State School of Industrial and Labor Relations, Cornell University, 1954]).

другу, выяснить, хочет ли этого тот, кто больше потеряет, предполагая при этом, что тот, кто приобретет, не будет возражать против новых отношений¹¹. В закрытом или продолжающемся контексте, мешающем представляемым любезно отказаться от своих прав, представляющий будет, вероятно, вести себя особенно предусмотрительно. Как сказано в одной книге по этикету:

Никогда не следует представлять людей друг другу в публичных местах, пока вы не будете твердо уверены, что оба согласны быть представленными. Нет более тяжкого светского проступка, чем представить значительной персоне того, кого она не хочет знать, особенно на корабле, в гостинице или в другом очень тесном публичном кругу, в котором люди столь близко соприкасаются друг с другом, что сложно избежать назойливых знакомых, пользующихся представлением для завязывания отношений¹².

Одна из сложностей при понимании института представления в нашем обществе заключается в нашей системе межличностного почтения, поскольку представление — одна из ее ритуальных монет¹³. Когда индивид находится

11 Здесь обнаруживаются некоторые поразительные кросс-культурные сходства. См., например: *James M. Dixon. Japanese Etiquette // Transactions of the Asiatic Society of Japan. 1885. Vol. 13. P. 2: «Друзей или знакомых можно не представлять друг другу до тех пор, пока не станет известно, что обе стороны согласны быть представленными. Однако, если встречаются две osoby одного ранга и общественного положения, правильно будет удовлетворить просьбу одной из них быть представленным, не спросив предварительного разрешения у второй. Не хорошо представлять особу более низкого ранга особе более высокого ранга, не получив сначала однозначного разрешения последней, но просьбу особы более высокого ранга быть представленным особе более низкого ранга следует исполнять незамедлительно».*

12 *Post. Etiquette. P. 16.*

13 *Формы представления, конечно же, связаны с системой почтения, и поэтому на них будут сказываться различия в относительном ранге представляемых лиц. Так, «в приличном обществе» обычно представляют нижестоящего вышестоящему. Кроме того, использование имен может быть асимметричным, когда одного представляют, скажем, по имени, а второго — по формальному титулу. При*

«с» кем-то, случайное свидание с третьим требует, чтобы индивид представил их друг другу, за исключением ситуаций, когда контакт с новым лицом будет явно коротким. В обществе среднего класса отсутствие представления может рассматриваться как открытое оскорбление одного или обоих не представленных. В основе данной конвенции лежит правило, согласно которому индивид, при надлежащих условиях, имеет право представлять друг другу любых двух лиц, с которыми он знаком (вследствие этого правила на индивида может оказываться давление или возлагаться обязанность «устраивать представление»).

Проблемы, порождаемые обязательными представлениями, решаются различными способами, помимо базового, предполагающего ограничение знакомств кругом социально равных, которых не будет смущать то, что их представляют друг другу, а также кругом доверенных лиц, которые не будут злоупотреблять устроенными им представлениями. Как указывает миссис Пост, существует этикет посредника:

Когда два человека — друзья или знакомые — идут вместе и встречают третьего, который останавливается, чтобы переговорить с одним из них, второй медленно идет вперед, а не стоит неловко рядом и ждет, пока его представят. Если знакомый с третьим человеком приглашает его присоединиться к ним, они нагоняют прогуливающегося и их представляют друг другу. Однако третий не должен присоединяться к ним, если его не пригласили¹⁴.

Кроме того, представления, совершаемые в таких случаях и даже мельком — во время крупных социальных событий, порой воспринимаются обеими представляемыми сторонами лишь как «проявления учтивости» и не ис-

этом, будь представление симметричным или асимметричным, используемые имена могут браться с разных уровней иерархии формальности, начиная с кличек и заканчивая названиями административных должностей. Наконец, право инициировать или модифицировать использование конкретного способа называния между двумя людьми может распределяться дифференцированно.

14 *Post. Etiquette*. P. 16–17.

пользуются, когда эти индивиды снова оказываются в похожей ситуации, если только каждый из них не указывает с помощью заблаговременных знаков, что намерен сделать это. Наконец, если статус незнакомых людей заметно различается, может использоваться стратегия установления отношений знакомства без представления:

Порой случается, что, говоря с одним человеком, вы хотите ввести в разговор еще одного, но без представления. Предположим, вы беседуете в своем саду с торговцем семенами, и к вам присоединяется ваша подруга. Вы приветствуете подругу, а затем вводите ее в разговор словами: «Мистер Смит предлагает мне вырыть эти канн и посадить дельфиниумы». Независимо от того, высказывает ли ваша подруга свое мнение по поводу смены цветовой гаммы вашей клумбы, она становится участником вашей беседы.

К этому же маневру, позволяющему обойти представление, можно прибегать, когда вы не уверены, что знакомство будет приятно одному или обоим из тех, кто по воле случая оказались рядом¹⁵.

Такое же «половинчатое» представление использовалось, когда гостям дома представляли обслугу¹⁶.

¹⁵ Ibid. P. 17–18.

¹⁶ Ibid. P. 18.

Глава 8

Включения между незнакомыми людьми

Можно сказать, что обычно в социальной ситуации знакомым людям нужна веская причина, чтобы не включаться во взаимодействие, тогда как незнакомым людям нужна веская причина, чтобы включаться в него¹. В основе этих двух правил, судя по всему, лежит один и тот же фундаментальный принцип, а именно, что способность индивида открываться для встреч не должна ставить под угрозу его благополучие. В случае знакомых людей готовность осуществлять социальное узнавание спасает другого от унижения, связанного с тем, что его не заметили; в случае незнакомых людей готовность воздерживаться от просьб о встречах спасает другого от неуместных увертюр и запросов.

Если верно предположение, что в основе коммуникативного поведения лежит негласный договор, можно представить себе обстоятельства, при которых *любые* два незнакомых человека могут включаться во взаимодействие, не нарушая приличий, — обстоятельства, при которых один человек может обращаться к другому, — поскольку всегда можно представить обстоятельства, которые сводят на нет предполагаемую опасность контакта. Я хочу рассмотреть теперь некоторые из этих обстоятельств, делающих допустимыми, а иногда даже

1 Очевидно, есть заметная разница между англо-американской и латиноамериканской традициями. В последней встречи с незнакомцами явно допустимы гораздо шире. См. интересное описание двух систем манер в: *Fenwick, Vogue's Book of Etiquette*. P. 117–118.

обязательными, определенного рода включения между незнакомыми людьми в нашем американском обществе среднего класса².

1. Открытые позиции

Любая социальная позиция может быть понята как условие, которое открывает занимающего ее человека для включения во взаимодействие с определенными категориями других. В некоторых случаях круг этих других будет в основном ограничен людьми, с которыми индивид уже знаком или которым он был только что представлен в рамках текущего включения. В случае других позиций, например продавца или секретаря, индивид должен быть готов, что к нему будут обращаться незнакомые другие, если таковы его каждодневные обязанности. (Поэтому одни получают удовольствие от исполнения предписанных ролей, а другие считают это социально низким занятием.) Здесь мы имеем дело с важным примером включения между незнакомыми людьми, которое не ведет к разрушению социальной дистанции, поскольку существует очевидная причина для того, чтобы соблюдающие приличия покупатели хотели инициировать подобные встречи.

Однако есть такие социальные позиции, которые открывают занимающего их человека не только для других, предусмотренных его профессиональными обязанностями. Так, в городах к полицейским, священникам и, нередко, уличным продавцам газет обращаются самые разные люди за самой разной информацией и помощью, отчасти потому, что, как принято считать, вряд ли кто-то будет пытаться использовать эти публичные фигуры в корыстных

- 2 Следует подчеркнуть, что в данном случае, а также в случае коммуникативных практик, которые еще предстоит рассмотреть, существуют значительные вариации между разными обществами. В качестве иллюстрации см. описание поведения на улице в Индии: *Nirad C. Chaudhuri. A Passage to England* (London: Macmillan, 1959). P. 82–86.

целях. Особенно любопытен случай полицейских и священников, поскольку незнакомцы могут включаться во взаимодействие с ними, просто иницируя приветствие, вместо того чтобы запрашивать информацию.

Кроме того, в нашем обществе есть широкие статусы, вроде стариков или маленьких детей³, которые иногда считаются обладающими настолько мизерной сакральной ценностью, что это позволяет думать, будто их представителям нечего терять от включений, и значит с ними можно включаться во взаимодействие по своему усмотрению. Можно заметить, что никто из этих людей не носит униформу, которую можно снять; ни у кого из них не бывает нерабочего времени в течение дня. Поэтому в данном случае другим открываются *люди*, а не просто носители позиций; это «открытые люди».

Есть и еще одно общее обстоятельство, открывающее индивида для взаимных включений, а именно то, что он может быть вне роли. Учитывая допущение, что интересы индивида не должны страдать из-за принудительного вовлечения его в контакт, и учитывая, что его интересы выражаются через исполнение им серьезных ролей, можно ожидать, что когда он не находится при исполнении одной из своих ролей, есть меньше причин проявлять щепетильность по отношению к нему в коммуникации. Так

- 3 В некоторых городах к детям можно обращаться по своему усмотрению даже с просьбами о небольших услугах. С другой стороны, опять же вполне ожидаемо, в некоторых беспокойных городах, вроде Чикаго, инициирование взрослыми включения с незнакомыми детьми может восприниматься с подозрением, как проявление злого умысла, так что в некоторых случаях взрослые будут стараться не включаться во взаимодействие с детьми беспричинно, даже просто проходя мимо. Когда ребенок «со» взрослым, неподобающие возможности для контакта могут быть исключены, что восстанавливает права незнакомого взрослого. Это объясняет, почему комментарий мужчины по поводу ребенка может использоваться в качестве способа инициирования контакта с сопровождающей ребенка женщиной. Безусловно, собаки даже еще более профанны, чем дети, поэтому они представляют собой еще один классический пример «мостика» к их хозяевам.

и происходит. Например, когда индивид заметно пьян, или одет в маскарадный костюм, или занят несерьезным видом спорта, к нему можно обращаться практически когда угодно и обмениваться с ним шутками, вероятно, в силу допущения, что данный индивид может легко отделить себя от того Я, которое проецируется этими видами деятельности, и поэтому его не нужно оберегать или заботиться о нем. Аналогично, когда индивид ненадолго оказывается в необычном физическом положении, например: спотыкается, поскользывается либо каким-нибудь еще образом проявляет неловкость, он делает себя открытым для веселых комментариев, поскольку окружающие должны продемонстрировать ему, что они сочли его действие не угрожающим его взрослому Я, и поэтому в его интересах позволять им инициировать шуточный контакт с ним для достижения данной цели⁴. Так, вполне предсказуемо, первые американцы, начавшие ездить на «Фольксвагенах», делали себя открытыми для включений со всеми подряд, поскольку они явно не представляли себя другим в роли серьезных водителей или, по крайней мере, в роли водителей серьезных автомобилей⁵.

Чтобы описать некоторые основания пренебрежения обычным правом индивида не становиться мишенью досаждающих увертюр, я использовал язык статусов и ролей. Но есть случаи получения разрешения, к которым терминология социальных ролей не очень подходит. Так, если индивид явно нуждается в помощи и если эта помощь необременительна для потенциального помощника, удовлетворение такой «свободной потребности» стано-

4 На Шетландском острове местный землевладелец уже не обладал почти никакой реальной властью, но все еще имел право сохранять некоторую дистанцию по отношению к мелким фермерам. Однако когда он чинил крышу или возился с лодкой, фермеры полагали, что он открыт для подтрунивания.

5 См., например, сообщение о поездке из Нью-Йорка во Флориду в 1955 году: *Grace H. Glueck. On the Florida Highroads in a Low Car // New York Times. 1955. January 30. Sunday.*

вится неподозрительным основанием для инициирования коммуникативного контакта. Например, когда индивид, не заметив этого, роняет что-то на улице, он тут же становится открытым для увертюры, поскольку любой имеет право сообщить ему о произошедшем. Современный этикет гласит:

Женщины обязаны благодарить всех, в том числе незнакомцев, кто оказывает им маленькие услуги. Например, если незнакомец, будь то мужчина или женщина, открывает для женщины дверь либо поднимает оброненную ею вещь, женщина должна преодолеть свою робость или застенчивость и сказать приятным нейтральным голосом «спасибо». Если же незнакомец попытается начать непрощенный разговор, можно столь же вежливо, но более твердо отказаться от беседы. Однако симпатичнее принимать как должное, что жест был вызван любезностью, чем сразу же подозревать иное намерение⁶.

Необходимо добавить, что в прошлом некоторые авторы полагали, что угроза обращения к леди в публичном месте или даже того, что ее увидят в одиночестве, порой является достаточно веской причиной, чтобы чистосердечный незнакомец попытался опередить остальных:

Ежели леди идет одна к своей карете или находится одна в публичном месте, в котором леди обыкновенно или прилично иметь сопровождение, вы должны предложить ей свою руку и услуги, даже когда она вам не знакома. Но подобные манеры в покоях могут быть сочтены вольностью⁷.

Более современная версия данного правила хорошего тона — прием, к которому иногда прибегает мужчина, столкнувшийся с незнакомой женщиной ночью на узкой уединенной дорожке: вместо того, чтобы открыто оказывать женщине вежливое невнимание, мужчина может сказать пару слов, чтобы показать, что в отличие от потенциального обидчика он хочет быть идентифицированным.

Наконец, можно упомянуть еще одно основание для открытости. Действия индивида могут вызывать у дру-

6 *Fenwick. Vogue's Book of Etiquette. P. 35.*

7 *Anonymous. The Canons of Good Breeding. P. 66.*

гих потребность, которая открывает их для включения. Например, если он налетел на другого человека или споткнулся о него (или каким-либо иным образом лишил его права безопасного прохода), он может претендовать на право включения во взаимодействие с последним с целью оказания помощи, предоставления объяснения, извинения и т. п. Предполагается, что потребность других людей в такого рода возмещении ущерба перевешивает их нежелание включаться во взаимодействие с незнакомцем. То же самое верно в отношении потенциальных и реальных оскорблений. В купе поезда, например, попутчик может спросить индивида, не будет ли тот возражать, если спрашивающий закурит или откроет (либо закроет) окно. Поскольку такие начальные включения явно в интересах тех, чей комфорт может пострадать, оскорбление или вред, которые могут нанести предстоящие действия индивида, делают попутчиков открытыми для предварительных заботливых распросов.

2. Открывающие позиции

Рассмотрев некоторые обстоятельства, при которых люди становятся доступны для незнакомцев, мы можем исследовать другую сторону вопроса: когда индивид имеет право инициировать увертюры в отношении тех, с кем он незнаком? Очевидно, один из ответов состоит в том, что он может это делать, когда другой находится в открытой позиции. Другой ответ состоит в том, что некоторых из тех, кого определяют как открытых, обычно также определяют как «открывающих», как индивидов, которым изначально позволено обращаться к другим. Как не подвергаются сомнению намерения обращающихся к ним, так и, в некоторых случаях, могут не вызывать подозрений их намерения при обращении к другим. Один из примеров — священники и монахини; другой — полицейские, которые предположительно способны предоставить легитимное обоснование включения после его инициации. Еще один

пример — люди, на которых лежит ответственность за управление социальными событиями или доступом к ним, поскольку им позволено (а нередко и возлагается обязанность) инициировать приветственные включения со всеми прибывающими, знакомы они или нет. В тех обществах, где магазины чаще, чем у нас, определяются в качестве сцены непродолжительного социального события, владельцы магазинов часто оказываются в роли хозяина, от которого требуется включаться в особое приветственное взаимодействие с каждым входящим и выходящим. Фрейя Старк приводит пример из Аравии:

В Кувейте все еще бросается в глаза, насколько очаровательны хорошие манеры.

Входя в обшарпанную лавку, ты приветствуешь владельца словами «мир вам», а он и все, кто услышал, отвечают на это любезнейшее приветствие не полнейшим игнорированием, а громогласным и дружелюбным хором. Когда же ты уходишь, вслед твоим удаляющимся шагам несется их «fi aman Allah», пожелание божественной защиты. Их магазинчики для них — маленькие гостиные, где заглянувший покупатель — это гость, поэтому, верша свои дела за чашкой кофе, они будут смотреть с глубоким, но снисходительным удивлением на грубого человека с Запада, который проскальзывает внутрь, чтобы порыться в седельных сумках или кинжалах, игнорируя правила хорошего тона...⁸

В нашем обществе разрешение на обращение, как и разрешение становиться объектом обращения, получают (а подчас и предоставляют) индивиды, которые временно находятся вне роли. В этом случае разрешение инициировать неподобающий контакт — лишь один из элементов синдрома разрешения, сопутствующего анонимности, в том смысле, что индивид, проецирующий чуждое ему Я, не несет полной ответственности за хорошее поведение этого Я. (Когда он спотыкается или поскальзывается, он точно так же проецирует Я, от которого способен отделить свою внутреннюю сущность.) Мы опять обнаруживаем связь между открытыми и открывающими позициями,

8 Freya Stark. Baghdad Sketches (New York: Dutton, 1938). P. 192.

поскольку само отчуждение индивида от проецируемого им Я, позволяющее другим считать это Я «расходным», т. е. Я, к которому можно обращаться в любой момент, позволяет ему неподобающе вести себя от имени данного Я. Индивид, о котором складывается ложное представление, может иметь особую потребность в том, чтобы создавать увертюры и добиваться их, но в обоих случаях он способен сообщать о своем понимании того, что тот, кем он кажется, — это не его подлинное Я.

Включение во взаимодействие с незнакомцами в силу экстренной необходимости происходит не только когда это включение явно на руку тому, к кому обращаются. В нашем обществе, как и, по-видимому, в других, связи между незнакомыми людьми считаются достаточно сильными, чтобы обеспечивать удовлетворение «свободных потребностей», даже когда получателем услуги является инициатор встречи, делающей это возможным. Явно не угрожающая потребность кажется достаточной гарантией добрых намерений просящего о содействии. Так, в нашем обществе индивид имеет право инициировать просьбы о точном времени, огоньке, указании дороги и мелких монетах, хотя, учитывая совершаемый при этом выбор, обращающийся⁹ обязан находить среди присутствующих индивида, положением которого он менее всего способен злоупотребить.

Аналогично, если индивид оказывается в положении, когда он крайне нуждается в том, чтобы его извинения или объяснения были приняты, он имеет определенное право включаться во взаимодействие с другими. Свобо-

9 Взаимные обязательства, связанные с такими вещами, как поиск пути, могут быть достаточно сильными, чтобы заставлять белых южан вежливо отвечать на просьбы негров указать дорогу. См., например: *John Howard Griffin. Black Like Me* (Boston: Houghton Mifflin, 1961). Р. 85. Харви Сакс* обратил мое внимание на то, что в случае указания дороги автоматически подразумевается небольшое вознаграждение, а именно предположение (которое может быть верным), что спрошенный человек выглядит как «уроженец здешних мест».

да извиняться за случайно причиненное другому человеку беспокойство — это также свобода представлять себя в подобающем свете, даже ценой нарушения правил коммуникации. Например, если вернуться к уже приводившейся ситуации, человек, расхаживающий по газону в поисках оброненных ключей, имеет право прокомментировать свое несчастье идущему мимо одинокому незнакомцу, чтобы продемонстрировать, что он не вовлечен в неподобающую оккультную деятельность. Такое же разрешение получает индивид, которому кажется, что незнакомый другой плохо с ним обошелся, и он инициирует жалобу, угрозу или предупреждение. Хотя защита своей чести может доставлять неприятности тому, против кого предпринимается действие, индивид, осуществляющий данное действие, находится вне подозрений в том, что касается нарушения правил коммуникации.

3. Обоюдная открытость

Я рассмотрел некоторые условия, при которых индивид может подобающим образом становиться открытым для взаимного включения с незнакомыми людьми, а также некоторые условия, при которых он может инициировать встречу с ними. Теперь я хочу рассмотреть обстоятельства, при которых незнакомые индивиды могут обоюдно открываться друг другу, так что каждый из них получает право инициировать и обязанность соглашаться на встречу с другим.

Важным основанием обоюдной доступности выступает определенная неформальность и солидарность, складывающаяся между индивидами, которые признают друг друга членами одной специфической группы, в особенности, естественно, если это группа ущемленных или ритуально профанных индивидов. В американском обществе на автобусных остановках негры часто приветствуют других негров, с которыми они не знакомы, как и ортодоксальные евреи или бородатые мужчины, сталкивающиеся

друг с другом в «мещанской» обстановке¹⁰. Водители спортивных машин могут делать то же самое на дороге — особенно, когда у них редкие автомобили одной марки. И, конечно, когда соотечественники встречаются в экзотической стране, они могут считать себя обязанными или имеющими привилегированное право инициировать разговор.

Обоюдная доступность также возникает, когда каждый из двух участников оказывается в позиции, которая одновременно является открытой и открывающей. Как уже отмечал один из исследователей, если два человека нечаянно прикасаются друг к другу, идя по улице, оба оказываются в роли виновного, вследствие чего оба получают разрешение инициировать встречу с целью извинения¹¹. Даже когда ясно, что вина лежит только на одной из сторон, может возникать обоюдная открытость. Обидчик может считать себя открывающим лицом, которое должно объясниться по поводу недоразумения, при этом полагая, что другой нуждается в заверениях и, следовательно, помещает себя в открытую позицию. В то же время обиженный может ощущать, что у него есть право инициировать требование извинений или подтверждения того, что это не было оскорблением. Аналогично, когда два пешехода должны разминуться на узкой дорожке или когда пешеход и водитель сомневаются относительно того, как будет двигаться другой, они могут при помощи взаимно инициируемого контакта глаз ненавязчиво поделить стороны дорожки или гарантировать другому право на проход, либо ратифицировать и консолидировать распределение путей, о котором было сообщено.

Другое важное основание для обоюдной доступности появляется в областях пространства, которые можно называть «открытыми», — в физически ограниченных местах, где «любые» два человека, знакомые или нет, име-

¹⁰ Последний пример был предложен Дэвидом Саднау*.

¹¹ *Jackson Toby. Some Variables in Role Conflict Analysis // Social Forces. 1952. Vol. 30. № 3. P. 325.*

ют право инициировать включение друг с другом с целью приветствия. Открытые области различаются в зависимости от того, воспринимается ли это право также как обязанность, каков характер допустимого включения, нужно или нет представляться в ходе встречи и каковы исключенные категории участников. Я бы хотел коротко описать некоторые виды открытых областей.

В англо-американском обществе существует своеобразная «линия кивка», которую можно провести в определенной точке шкалы сообществ, ранжированных по размеру. Любое сообщество, находящееся ниже данной линии и, следовательно, имеющее численность меньше определенной величины, будет требовать от своих членов — как знакомых между собой, так и нет — взаимно приветствовать друг друга¹²; любое сообщество, нахо-

- 12 В местах, где незнакомцы обязаны обмениваться приветствиями на ходу, необходимо исследовать возникающее включение в связке с вежливым невниманием, которое предшествует и следует за ним, поскольку оба типа поведения являются частью единого комплекса, посредством которого индивиды в таких местах утверждают друг друга в качестве персон, к которым можно приближаться без опаски. Насколько серьезным может становиться данный тип активности, показывает жизнь ковбоев в американских прериях: «Когда ты встречал в пути другого человека, этикет требовал, чтобы ты приблизился к нему на расстояние слышимости и сказал пару слов, прежде чем изменить направление движения, если только это изменение не было вызвано очень веской причиной. На Западе считалось, что любой имеет право знать намерения всех остальных относительно него. Необоснованное нарушение этого права обычно толковалось как признание вины или как преднамеренное и грубое оскорбление.

После того, как два человека встретились, поговорили и разъехались, если кто-то из них оглядывался через плечо, это было нарушением кодекса Запада. Подобное действие считалось проявлением недоверия, словно человек боится выстрела в спину. Если он останавливался по дороге для разговора, он слезал с лошади и ослаблял подпругу, чтобы проветрить спину своего скакуна. Приветствуя незнакомца в дороге, нужно было следить за тем, чтобы не поднимать руку, если незнакомец верхом на норовистой лошади. Некоторые животные, едва человек поднимал возле них руку,

дящееся выше данной линии, будет освобождать любые пары незнакомых людей от этой обязанности. (Где проводится эта линия, зависит, разумеется, от области.) В случае сообществ, находящихся выше линии кивка, даже люди, когнитивно узнающие друг в друге соседей и знающие, что это состояние обоюдной информированности существует, могут иногда из осторожности воздерживаться от включений во взаимодействие друг с другом¹³, вероятно, исходя из теории, что после того, как живущие по соседству люди познакомились, им может быть сложно поддерживать достаточную дистанцию в отношениях.

Безусловно, в деревнях, городах и сельских общинах, находящихся ниже линии кивка, не абсолютно все должны приветствовать друг друга. Например, на Шетландском острове было распространено мнение, что неизвестных моряков, по произношению и внешнему виду напоминающих британцев, следует включать в круг человеческих существ, а моряков из иностранных портов — нет. Мимо последних обычно проходили и смотрели на них так, словно они не социальные, а, скорее, физические объекты; их, как правило, считали «не-людьми». И все же, несмотря на эти ограничения, сельские поселения можно назвать «открытыми областями», попадание в которые делает человека доступным для всех окружающих¹⁴.

бросались прочь. Поэтому он просто кивал и говорил: „Как дела?“ Если незнакомец слезал, чтобы дать лошади отдохнуть, второму не следовало продолжать разговор из седла. Хорошим тоном было спешиться и говорить лицом к лицу. Это показывало, что никто не пытается получить преимущество над другим» (*Ramon F. Adams. The Old-Time Cowhand* [New York: Macmillan, 1961]. P. 57–58).

13 В одном исследовании домохозяйств приводится удачная фраза на этот счет: такой сосед не «подставляет глаз» другому. См.: *Leo Kuper. Blueprint for Living Together // Leo Kuper (ed.). Living in Towns: Selected Research Papers in Urban Sociology* (London: The Cresset Press, 1953). P. 61.

14 На Шетландском острове возникали определенные сложности. На острове было три экологически разделенных сообщества, и поэтому некоторые жители были не знакомы между собой. Знакомые мужчины, проходя мимо друг друга по дороге, обычно обмени-

Хотя сельские общины и малые города являются, вероятно, наиболее крупными открытыми областями, они ни в коем случае не единственные. Один из очевидных примеров — английские спортивные поля, о которых сообщается в описании социальной жизни американских военных в Британии:

Некоторые [американские] летчики, игравшие в гольф в Дэвихулме, были поражены дружелюбием остальных игроков. «Как так! Они разговаривали с нами!» — говорят они. Объяснение, что для британца присутствие человека на спортивном поле эквивалентно представлению и потому разговоры с незнакомцами допустимы, воспринимается с недоверием. Другие виды спорта тоже создают приятельскую атмосферу — атлетика, авиация и, конечно, дартс¹⁵.

В американском обществе бары¹⁶, коктейльные залы и вагоны-рестораны обычно определяются как открытые места, по крайней мере, среди мужчин (и хотя женщины

вались дружескими репликами. Незнакомые мужчины, которые идентифицировали друг друга как коренных жителей острова, обменивались очень короткими двух- или трехсловными шаблонными приветствиями. Британца или местного жителя, не имеющего статуса мелкого фермера, обычно приветствовали иначе. В целом на Шетландских островах публичная солидарность распространялась за пределы приветствий или удовлетворения свободных потребностей. Когда мужчина обращался к другому мужчине с не требующей большого времени просьбой, помощь часто предоставлялась автоматически, независимо от того, знакомы они или нет.

15 The Americans in Our Midst // Manchester Guardian Weekly. 1954. August 5.

16 Сидящие у барной стойки в закусочной находятся, согласно общепринятому правилу, в особенно открытой позиции по отношению к сидящим рядом. Это правило, по всей видимости, может применяться еще более последовательно благодаря другому правилу, которое в целом запрещает женщинам сидеть за барной стойкой без сопровождения. Предполагается, что рядом с женщиной, пришедшей в сопровождении мужчины, находится уже знакомый ей собеседник, что обычно ограничивает возможность разговора с ней незнакомца, сидящего по другую сторону. В любом случае, в барах, где женщинам без сопровождения позволено сидеть у стойки, такой их выбор будет, скорее всего, восприниматься как знак того, что они если и не готовы завести разговор с незнакомым

не имеют права инициировать включения с мужчинами, увертюра, адресованная мужчиной женщине в такой обстановке, определенно не является тяжким социальным проступком, что составляет один из важных атрибутов этих обстановок). Что-то подобное можно сказать о домах отдыха и других очень замкнутых обстановках:

Корабль можно сравнить с сельской гостиницей. Хороший тон — дружески приветствовать остальных пассажиров, но не слишком бесцеремонно. Вы можете поговорить с теми, кто сидит рядом на палубе, но не стоит навязывать им разговор. В целом, как и в доме друга, позволительно представляться, но это не означает, что от вас ожидается что-то большее, нежели простой кивок, когда вы приветствуете других пассажиров при встрече в течение дня¹⁷.

Очевидно, открытые области создаются также во время вечеринок и сборищ в частных домах, где участники имеют право не только включаться во взаимодействие с любыми присутствующими, но и инициировать включения, представляясь самостоятельно, если сборище слишком велико, чтобы хозяин или хозяйка заранее их представили. Как говорится в одном из первых американских пособий по этикету:

Повстречав за столом у джентльмена или в гостиной у леди особу, о которой вам не доводилось слышать, вы можете беседовать с ней со всеми подобающими приличиями. Формальное «представление» — лишь оглашение общим другом того, что два джентльмена по своему положению и манерам подходят для знакомства друг с другом. Обо всем этом можно заключить уже из того, что эти двое повстречались в уважаемом доме. Такова теория вопроса. Однако обычай требует, чтобы затем вы при ближайшей возможности были представлены данной особе надлежащим образом¹⁸.

В современном руководстве эта тема формулируется вновь: «Тем не менее все еще верно, что в частном доме

мужчиной, то по крайней мере не будут оскорблены, если незнакомый мужчина попробует с ними заговорить.

17 *Amy Vanderbilt. Complete Book of Etiquette* (New York: Doubleday, 1958). P. 637.

18 *A Gentleman. The Laws of Etiquette*. P. 101.

или на вечеринке гость может разговаривать с любым другим гостем безо всякого представления»¹⁹. Еще одна иллюстрация открытых областей, создаваемых увеселительными событиями, — карнавалы. Во время костюмированных уличных торжеств над улицами, по социальному определению, простирается единая «крыша», предоставляющая соответствующие права и устанавливающая контакт между присутствующими — контакт, усиливаемый тем, что они находятся вне роли.

Предположение о взаимном уважении и доброй воле, сопутствующее открытым областям, гарантирует наличие мотива для снижения потенциальной злонамеренности контакта между незнакомцами, что выступает одним из оснований доступности для общения. Есть и другие основания. Во время природных катастроф, когда индивиды внезапно оказываются в одинаковом, явно неприятном положении и становятся зависимыми друг от друга в плане информации и помощи, обычные коммуникативные ограничения могут сниматься²⁰. Но опять же, происходящее в ситуации гарантирует, что встречи будут инициироваться не ради того, чего можно неподобающим образом добиться благодаря им. В той мере, в какой это условие обеспечивается, ограничения на контакты могут быть ослаблены. (Если бедствие достаточно сильное, скорее всего, каждый будет вынужден выходить из своей роли и тем самым становиться доступным для всех остальных.)

Наконец, можно указать на последнее обстоятельство, влияющее на обоюдную открытость. Ранее в данной работе говорилось, что в нашем обществе индивид имеет право получать вежливое невнимание. Также говорилось, что когда люди ратифицируют друг друга в качестве соучаст-

19 *Fenwick. Vogue's Book of Etiquette. P. 60.*

20 Превосходную литературную иллюстрацию, касающуюся пожара в меблированных комнатах, дает Томас Вулф в романе «Домой возврата нет»: *Томас Вулф. Домой возврата нет / Пер. с англ. Норы Галь и Раисы Облонской (Москва: Художественная литература, 1977). Глава 19 «Непредвиденный поворот», особ с. 282–283.*

ников встречи, правило, запрещающее смотреть прямо на другого, отменяется. Поэтому обычно человек может легитимно начинать разглядывать другого за мгновение до того, как инициирует встречу, и эта легитимность приписывается ретроспективно, после демонстрации того, что именно данный индивид намеревался сделать. Следовательно, если люди обнаруживают, что должны смотреть в упор друг на друга, они могут пытаться решить данную задачу, инициируя беседу; здесь увертюра (сколь бы сильное смущение она не вызывала) оправдывается тем, с чем она позволяет справиться.

Существуют стандартные условия, при которых правило, запрещающее разглядывание, создает проблемы. Когда несколько человек оказываются в тесном пространстве, например в купе европейского вагона или у входа в еще не открывшийся магазин, соблюдать такт, поддерживая вежливое невнимание, очень сложно. Не разглядывать окружающих — значит подчеркнуто смотреть в иных направлениях, что может привлекать к себе слишком много внимания, а также слишком откровенно сообщать о неспособности или нежелании включаться во взаимодействие с присутствующими²¹. В качестве иллюстрации можно привести длинную цитату из очерка «Куда же смо-

21 В этой связи чрезвычайно поучительно описание затруднительного положения сидящих близко друг к другу посетителей дешевых ресторанов на юге Франции, приводимое К. Леви-Строссом в «Элементарных структурах родства» (*Claude Lévi-Strauss. Les Structures Élémentaires de la Parenté* [Paris: Presses Universitaires de France, 1949]. Chap. 5 «Le Principe de Réciprocité»; перевод: *The Principle of Reciprocity* / Transl. Rose L. Coser and Grace Frazer // *Lewis Coser, Bernard Rosenberg* (eds.). *Sociological Theory: A Book of Readings* [New York: Macmillan, 1959]. P. 88–91). Леви-Стросс анализирует «напряжение», возникающее, когда приходится сидеть напротив человека, отношения с которым не предполагают разговор, и описывает институционализированное решение: каждый посетитель наливает вино из своего маленького графина в стакан сидящему напротив, и после такого обмена разрешительными знаками стол становится открытым для разговора, а посетители — ратифицированными соучастниками социальной встречи.

треть» Корнелии Отис Скиннер, напрямую касающуюся рассматриваемой темы:

К счастью, ситуации типа «куда же смотреть» возникают не так уж часто. Но одна из них довольно распространена. Это ситуация в лифте... как внутри, так и во время его ожидания. Ожидание лифта пробуждает в людях подозрительность. Вы подходите к закрытой двери и нажимаете кнопку. Появляется еще один и, бросив друг на друга оценивающий взгляд, вы с ним быстро отводите глаза и продолжаете ждать, думая друг о друге не самые лестные вещи. Новенький подозревает, что вы не нажали кнопку, а вы ждете, проявит ли он себя старым недоверчивым брюзгой и ткнет ли кнопку еще раз... молчаливое напряжение, снимаемое одним из вас, подходящим и нажимающим кнопку. Вернемся к расположению ждущих и проблеме, куда смотреть. Смотреть другому человеку в глаза — значит поступать слишком прямолинейно; обычно этого не требуется. Туфли — ваши или чужие — вот удобный предмет для изучения, хотя если вы переусердствуете, могут решить, что вы начинающий обувной фетишист²².

[Проблема «куда же смотреть»] сохраняется даже внутри лифта... особенно в битком набитых клаустрофобных коробках современных высоток. Любой взаимный обмен взглядами между пассажирами добавляет каплю бесстыдства в банку с уже и так тесно прижатými друг к другу сардинами. Чтобы избежать этого, одни упираются взглядом в затылок лифтера, а другие завороченно смотрят, как загораются маленькие лампочки, обозначающие этажи, словно безопасность поездки зависит от глубины концентрации на них.

Похожая ситуация возникает в пульмановском вагоне-ресторане, когда вам приходится сидеть напротив незнакомого человека за столиком для двоих. Чем заполнить неловкую паузу между выписыванием «Ланча № 4 с кофе» и его прибытием и сервировкой? Если вы не из тех, кто при малейшем поводе завязывает дружелюбную беседу с незнакомцем, опасность того, что возможный собеседник как раз из таких, заставляет вас вести себя словно беглый преступник. Иногда становится очевидно, что другой чувствует то же самое... открытие, вызывающее легкий шок, но не решающее проблему. Два незнакомца, сидящие прямо напротив на расстоянии полутора футов и пытающиеся вежливо, но твердо избегать смотреть друг другу в глаза, участвуют в восхитительной маленькой

22 *Cornelia Otis Skinner. Where to Look // Cornelia Otis Skinner. Bottoms Up! (New York: Dodd, Mead, 1955). P. 29–30.* Все многоточия принадлежат автору.

игре под названием «Я не шпионю». Они перечитывают меню, вертят столовые приборы, изучают свои ногти так, словно впервые их видят. А когда наступает неизбежный момент и их глаза встречаются, они тут же отводят взгляд и начинают глазеть в окно, сосредоточенно разглядывая проносящийся мимо пейзаж²³.

Можно добавить, что в эти непростые моменты индивид, если он решает не вступать в контакт, вполне может найти для себя какую-то деятельность, в которую он будет зримо погружен, чтобы дать другим присутствующим возможность сохранить лицо, оправдав отсутствие внимания к ним. Здесь мы опять сталкиваемся с ситуационными функциями, которые в нашем обществе могут выполнять газеты и журналы, позволяющие носить с собой экран, который можно возвести в любое время, чтобы предоставить себе или другим извинение за отсутствие инициирования контакта.

Авиаперелеты и длительные автобусные поездки указывают на некоторые интересные аспекты. Люди, сидящие рядом, хотя они, скорее всего, не знакомы между собой, не только слишком близки друг к другу физически, чтобы отсутствие включения было комфортным, но и находятся на одном месте в течение длительного периода времени, так что однажды начатый разговор бывает сложно закончить или приостановить. В таких случаях стратегия заключается в «разрядке» встречи путем придания ей безличного характера и отказа от взаимного представления по имени, что гарантирует возможность некоторой степени неузнавания друг друга в будущем. Примером служит газетный совет от Эми Вандербильт*:

23 Skinner. Where to Look. P. 30–31. Аналогичное затруднение упоминает Гортензия Калишер в рассказе «Ночные всадники из Нортвилля» (*Hortense Calisher. Night Riders of Northville // Hortense Calisher. In the Absence of Angels* [Boston: Little, Brown, 1951]. P. 121): «Пить одному в баре может быть неудобно. Человек по ту сторону стойки — он в этот момент просто вас обслуживает, или следует признать тот факт, что два человека находятся вместе в пустой комнате?».

Что до современных самолетов, сидящие рядом могут не перекинуться и словом за время путешествия через континент. Но самолетный разговор вполне уместен, если обе стороны не возражают против него и если он остается обезличенным. Как и в поездах, называть свои имена нет необходимости. Да и зачем? В конце концов удобнее разговаривать не представляясь.

В нашем обществе, когда необходимо вступить в разговор с обслуживающим персоналом, отношения с ним могут «разряжаться» точно таким же способом, хотя иногда персонал может пытаться препятствовать такой «разрядке», спрашивая имя покупателя и называя свое.

4. Уклонения и нарушения

Теперь следует рассмотреть одну важную тему. Учитывая преимущества, которые можно получить благодаря неподобающему инициированию встречи, и наказания, сопряженные с этими нарушениями приличий, можно ожидать, что люди будут использовать определенные ухищрения, чтобы уклоняться от правил и безопасно достигать запрещенные цели. Вероятно, самый мягкий из таких приемов — когда индивид намеренно помещает себя в позицию, облегчающую увертюры в отношении него. Классическим примером является, конечно же, леди, роняющая свой носовой платок так, чтобы у конкретного мужчины был подобающий повод заговорить с ней²⁴.

- 24 В колонке Энн Ландерс* проблема девушки, желающей встретиться с парнем, который проявляет к ней интерес, но застенчив, решается следующим образом: «Ваша задача — заставить мужчину заговорить с вами первым; он сам этого хочет. Я не могу придумать для вас лучший способ, чем вытаскивание из автобуса тяжелого багажа размером с вас! Это может быть что угодно — сойдет даже несколько десятков кирпичей, хорошенько упакованных в огромную коробку. Рыцарские инстинкты нашего героя не позволят ему стоять в стороне, наблюдая за мучениями девицы. Он очутится рядом, прося разрешения помочь. Если он этого не сделает, попробуйте уронить коробку и/или подвернуть лодыжку. Когда доберетесь до вашего дома, позвольте ему занести багаж внутрь, предложите освежающий напиток и поблагодарите».

Психически больные пациенты предоставляют примеры более решительного манипулирования этими правилами. Одна пациентка, которую я наблюдал в течение трех месяцев, не столько нарушала правила, сколько вопиющим образом не предлагала оправданий их нарушения. Она иногда просила людей — как знакомых ей, так и нет — о небольших одолжениях (например, сообщить ей время), так что человек, к которому она обращалась, постепенно понимал: услуга была лишь оправданием и просящая лишь забавлялась с общепринятыми условиями контакта. Порой она донимала сотрудников кухни просьбами о добавке, опять же лишь для того, чтобы злоупотребить связями, лежащими в основе обмена небольшими услугами между людьми. Охранники и санитары тоже были излюбленными мишенями ее тяги к включениям.

Одно из наиболее серьезных нарушений правил коммуникации связано с пристаиваниями на улице. Конечно, их разнообразие имеет определенные законодательные ограничения, запрещающие попрошайничать, торговать с рук и просить милостыню на улицах. Но основной силой, удерживающей людей на своих коммуникативных местах в нашем обществе среднего класса, является страх того, что тебя сочтут нахалом, наглецом или безумцем, страх навязывания отношений, которых не желают, — страх, в конце концов, что тебя открыто отвергнут и даже проигнорируют. Однако мы знаем, что существует множество обстоятельств, в которых индивид соглашается с возможностью получить отказ и подвергнуться подобному риску, с целью капитализировать свободу, которую ему приносит «грехопадение». Один из не самых ярких примеров — вольности, которые позволяют себе пьяные и ряженые. Есть и другие поступки, которые мы прощаем менее охотно. Вероятно, классическим типом неподобающе открывающего человека является индивид, извлекающий из этой роли устойчивую экономическую²⁵ и психо-

25 Похоже, в западных обществах тенденция к ограничению подобных открывающих действий — если не на уровне города в целом,

логическую прибыль. Примеры — уличный пристава, продавец палатки и попрошайка, соглашающиеся быть объектом неприязни в сообществе, чтобы убедить его членов что-то купить или отдать. Особый случай — уличная проститутка; взгляды, улыбки и остроты, с которыми она обращается к мужчине, говорят нам о том, как именно должны стараться не вести себя все остальные женщины, чтобы не подумали, что в отношении их допустимы вольности.

Думаю, будет поучительно рассмотреть еще один тип человека, злоупотребляющего коммуникацией, — гомосексуала. Считается, что, «курсируя» с целью знакомства, такой человек будет использовать обычные контакты, предполагающие безобидные просьбы или безобидные замечания, в качестве прикрытия. Особая важность такого рода злоупотребления публичной солидарностью заключается в том, что оно может осквернять обычные контакты между гетеросексуалами. Когда к гетеросексуалу обращается незнакомый мужчина с, как выясняется, неподобающими сексуальными намерениями, его может мучить мысль о том, что дело в его внешнем виде и что

то на большинстве улиц — усиливается. К примеру, можно сравнить нынешний социальный контроль на улицах Лондона с условиями жизни в нем, привычными для прошлого: «Крики зазывал, столь красочно описанные в „Лондонском нищем“ Лидгейта, были необходимым, хотя зачастую режущим ухо искусством, которое играло ту же роль, что вся современная реклама, и могло приносить вполне удовлетворительные результаты, когда достигало публики, редко знавшей в точности о характере и качестве товара, который она желала приобрести. Среди торговцев, полагавших, что они производят слишком слабое впечатление, было обычным делом хватать желанных покупателей за рукав и пытаться задержать их с помощью уговоров, в связи с чем лондонские повара выпустили в 1475 году повеление, поскольку „всяческие лица одного ремесла с руками в жиру и потрохах повадились приставать к иным жителям, равно благородного звания и простолюдинам, хватая за рукава и одежду, дабы купили те их припасы, отчего множество перебранок и свар сотрясают непрестанно общественный покой“» (*Salisbury. Street Life in Medieval England*. P. 172–173).

другие присутствующие, идентифицируя обратившегося, будут ошибочно приписывать гомосексуальность тому, к кому тот обратился. Что еще важнее, когда к нему невинно обращается представитель одного с ним пола, он может быть не уверен в его невинности, точно так же как, невинно обращаясь к другому мужчине, он может сомневаться в том, как тот его воспринимает. Все это ставит под угрозу обычную солидарность между незнакомыми мужчинами. В одном из романов автор приводит экстремальный пример: затруднительное положение, в котором находится искренне желающий прикурить гомосексуал в гомосексуальном баре:

Лишь сев возле входа и достав сигареты, я понял, что у меня нет спичек. Вокруг меня курило не менее десяти-пятнадцати человек, но в подобном месте попросить огня можно было, только если ты кого-то знаешь. Здесь законная фраза «У вас огонька не найдется?» воспринималась как вполне открытое предложение знакомства. Я подошел к стойке и купил коробок²⁶.

- 26 Rodney Garland. *The Heart in Exile* (New York: Lion Library Editions, 1956). P. 47. Как говорилось выше, еще один набор достаточно испорченных отношений — отношения между неграми и незнакомыми им женщинами-южанками. Можно привести иллюстрацию из Гриффина (*Griffin*. *Black Like Me*. P. 22), описывающего, как, будучи негром, он привстал, чтобы уступить место белой леди, и наткнулся на ее взгляд: «Своим движением я привлек внимание этой белой женщины. На миг наши глаза встретились. Я почувствовал симпатию к ней, и решил, что заметил симпатию в ее взгляде. Мы смотрели друг на друга достаточно долго, чтобы разрушить межрасовые барьеры (которые были в новинку для меня), поэтому я улыбнулся и едва заметным жестом указал на пустое место позади себя, чтобы дать ей знать, что она может занять его.

Ее голубые глаза, до этого светлые, потемнели и она взвизгнула:

— Ты чего на меня *так* уставился?

Я покраснел. Остальные белые пассажиры начали тянуть шеи, пытаясь разглядеть меня. Я испугался внезапной волны враждебности.

— Прошу прощения, — сказал я, глядя себе в колени. — Я не здешний.

Внезапно рисунок на ее юбке изменился — она повернулась вперед. >

Таким образом, гомосексуальность делает с чисто мужским (и, в определенной мере, с чисто женским) миром то, что уже было сделано с коммуникативными контактами между полами, за тем исключением, что в последнем случае то, что тебя считают желанным объектом, не обязательно является оскорблением — напротив, это может быть ожидаемым комплементом.

Систему контактов в нашем обществе подрывают не только гомосексуалы, но и «сексуальные извращенцы», которые используют право взрослых обращаться к неизвестным им молодым людям и детям и злоупотребляют такого рода контактами способами, которые считаются непорядочными²⁷.

В этом отношении особый интерес представляет поведение, классифицируемое в психиатрии как «экзгибиционизм». Независимо от того, состоит ли осуждаемое действие в произносимых словах, демонстрируемых жестах или совершаемых поступках, коммуникативная структура события часто заключается в инициировании индивидом включения с незнакомцем противоположного

— С каждым днем они наглеют все больше, — произнесла она громко. Ее поддержала другая женщина, и между ними завязался разговор».

- 27 Распад публичного доверия, взаимных обязательств, связывающих незнакомцев, может происходить и в других контекстах. Иногда во время междоусобного вооруженного конфликта в публичных местах наблюдается очень высокий уровень недоверия и тревоги. Вот, например, что пишет Лоренс Даррел о беспокойном периоде 1953–1958 годов на Кипре (*Лоренс Даррел. Горькие лимоны* / Пер. с англ. Вадима Михайлина [Москва: Б.С.Г.-Пресс, 2007]. С. 337): «Но злой гений терроризма зовется иначе: подозрительность. Человек, который останавливается рядом с вами и просит прикурить; повозка со сломанной осью на дороге, а возле нее погонщик, поднявший руку; неподвижная человеческая фигура в лесу среди деревьев; три подростка по дороге в деревню поздно вечером; ночью за околицей голос пастуха, окликающий кого-то невидимого, так что не разобрать ни слова; внезапный звонок в дверь среди ночи. Тонкая цепочка доверия, на котором основаны все человеческие отношения, рвется — и террорист об этом знает и предпочитает именно на этом оттачивать свои когти...»

пола посредством особого сообщения, которое было бы подобающим, только если бы оно передавалось в закрытой и интимной обстановке. Экспозиционисты не только демонстрируют психодинамические проблемы, но зачастую довольно зрелищно разрушают защитные социальные механизмы контроля, которые обеспечивает сохранение межличностной дистанции между индивидами, даже когда они находятся физически близко друг к другу. При этом объектом покушения выступает не столько собственно индивид, сколько система прав и символов, используемая индивидом при выражении наличия или отсутствия связей с находящимися рядом людьми. Например, в исследуемой больнице психически больная пациентка средних лет играла в следующую игру: в день посещений она надевала только купальный халат и тапочки, заводила вполне непринужденный разговор с посетителем-мужчиной и затем, когда она находилась очень близко к нему в состоянии ратифицированного разговора, внезапно распахивала халат. В этот момент посетитель оказывался «заперт» во включении, из которого он не мог тут же сбежать, но которое он не мог и подобающим образом поддерживать.

Следует добавить несколько слов по поводу связи между открытыми персонами и нелегитимно открывающими персонами. Смутьяны, нарушающие течение коммуникации и систематически подрывающие джентльменское коммуникативное соглашение, нередко расплачиваются за свои вольности. Их считают профанными лицами, ради прибыли пожертвовавшими причитающимся им уважением. Поскольку индивид принес подобную жертву, нет никаких особых причин, по которым другие не могут обращаться к нему, так как ему нечем удерживать людей на расстоянии, за исключением тех случаев, когда он заразен. Поэтому человек, пристающий к другим, зачастую является человеком, к которому другие могут обращаться, когда им вздумается; подобная же взаимность, как было сказано, распространяется и на тех, чья сакральность отрицает-

ся не по их собственной вине, например на очень маленьких детей, которые еще лишены своей квоты *мань**, и на престарелых, которые уже лишились ее.

Упомянутые мной открывающие действия — как легитимные, так и нет — иницируют официальное включение, пусть даже скоротечное, и поддерживают убеждение, что индивид либо целиком внутри встречи, либо целиком вне ее. Но когда это нормативное условие прочно закрепилось, из него, безусловно, можно вполне ожидаемо извлекать определенную выгоду. Например, в некоторых западных сообществах существует практика, когда мужчина сообщает о привлекательности проходящий мимо незнакомой женщины, присвистывая ей вслед или адресуя ей какой-либо другой экспрессивный знак. Дальнейшее зависит от нее. Она может действовать так, словно никакой релевантной коммуникации не состоялось. Либо она может обернуться и ратифицировать комментарий посредством дружелюбной или враждебной реплики, в обоих случаях включаясь в непродолжительное взаимодействие. (Очевидно, чем более безлично оценивающим является свист, т. е. чем более его можно понимать не как заигрывание, тем легче девушка будет воспринимать его²⁸.) Но она также

- 28 Дэйв Ларсен, ведущий колонку «Мужчина с вопросами», обсуждая тему «Нравится ли вам, когда вам присвистывают?» (*Dave Larsen. Do You Like to Be Whistled At? // San Francisco Chronicle. 1961. July 3. Monday*), приводит слова моделей из Дома очарования (в Сан-Франциско), показывающие, что свист может восприниматься благосклонно. Одна информантка сообщает: «Любой хорошо одетой женщине нравится, когда ее хлопотам воздают должное. Свист — довольно грубая форма выражения, но, думаю, это что-то похожее на одобрительное шиканье в Мексике или щипок в Италии. Незнакомец не может подойти к красивой девушке и заговорить с ней, поэтому он прибегает к американскому свисту». По словам другой: «Это же прекрасно — знать, что ты способна вызывать свист. Если я полагаю, что заслуживаю этого, я иногда поворачиваюсь и говорю спасибо. Свист — это комплимент. Особенно если ты знаешь, что мужчина всего лишь комментирует твою красоту, а не пытается подцепить тебя. Если он пытается меня подцепить, я делаю каменное лицо и иду дальше». Третья доба-

может заметно улыбнуться (так, чтобы свистящий узнал, что его сообщение было получено и одобрено), продолжая смотреть прямо вперед, чтобы обособленность не исчезла и не началось включение. Последняя тактика представляет собой, по сути, тайный сговор двух индивидов против правил коммуникации — нератифицированное разрушение коммуникативных барьеров. Однако это незначительное нарушение, поскольку индивид, которому присвистывают, уже уходит от свистящего и вскоре окажется за границами включения²⁹.

5. Контрконтроль

Я сказал, что юридические санкции и применяемые к себе правила не дают людям неподобающим образом обращаться к другим. Но наравне с этими средствами социального контроля есть и другие, призванные не столько изменить шаблон неправильного поведения обидчика,

влет: «Длинный приглушенный свист бодрит девушку. Он может заставить ее улыбнуться, сделать ее шаги живее, зажечь огонек в ее глазах. Он может сделать для нее больше, чем новая шляпка. Он может быть грубоватым, но это комплимент. Еще забавно, что часто непонятно, кто свистнул. Ты оборачиваешься и пытаешься угадать, кто это был».

- 29 Это также объясняет, почему индивиду в движущемся корабле, поезде или автобусе безопасно и, следовательно, не оскорбительно приветствовать стоящего или идущего в ином направлении незнакомца.

В нашем обществе, когда большое число мужчин, парней или девушек находятся вместе, один из компании обычно приветствует проходящего мимо незнакомца. Предполагается, что опасность последующего двухстороннего включения ослабляется числом присутствующих и поэтому переносится легче. Когда группа в униформе и, следовательно, в некоторой мере находится вне роли, обычно они получают даже более широкую свободу действий, если это не запрещено лидером группы. Если члены такой группы к тому же перемещаются в транспортном средстве, которое они не могут остановить, и тем самым удаляются от мишени своих острот, они получают и им предоставляют еще более широкую свободу действий.

сколько позволить жертве избежать потерь, вызванных нарушением. Я хочу остановиться на некоторых из этих техник, хотя они применяются (и создают последующие проблемы) в отношениях как со знакомыми, так и с незнакомыми людьми.

Некоторые стандартные стратегии защиты упоминаются в книгах по этикету:

Если на улице к вам подошел попрошайка и вы не хотите давать ему деньги, можно действовать одним из трех способов: можно избавить его от неловкости, вызываемой отказом, сделав вид, что вы не заметили его; либо можно отказать ему, сказав: «Простите, нет»; либо можно остановиться и предложить помощь, указав благотворительную организацию, в которую несчастный может обратиться. Добросердечный человек может дополнить этот перечень, но главное — если вас просят о снисхождении, отказ должен сопровождаться извинением. Не говоря уже о прочих вещах, любое проявление гнева или раздражения свидетельствует о полнейшей невоспитанности³⁰.

Еще одну стратегию можно назвать «обрывающим увиливанием». В этом случае нежелающий общаться получатель увертюры нехотя обращает внимание на говорящего, дает уклончивый ответ и затем максимально быстро отворачивается, считая само собой разумеющимся, что другой воспримет его ответ в качестве «увольнительной». В нашем обществе данную технику часто применяют родители в отношении своих назойливых детей и сотрудники психиатрических больниц — в отношении назойливых пациентов.

Учитывая, что объекты приставания стараются избегать пристающих, можно ожидать, что пристающие будут пытаться использовать контрприем против этого контрприема (а объекты приставания, в свою очередь, будут пытаться отвечать контрприемом на такие попытки использовать контрприем против контрприема).

Контрприемом против стратегии поведения, при которой делается вид, что увертюра не была получена, является

30 Fenwick. *Vogue's Book of Etiquette*. P. 13.

побуждение индивида к взрывной демонстрации того, что на самом деле он не настолько не вовлечен и не затронут просьбами, как хочет показаться. В повседневном языке это иногда называется «выведением из себя». Так, дети часто играют в игру, заключающуюся в кривлянии друг перед другом с целью выяснить, кто победит в противостоянии «каменного лица» и смешного жеста³¹. В психиатрических лечебницах выведение из себя — распространенная практика, осуществляемая низшим персоналом и пациентами в отношении пациентов, притворяющихся немыми, а также пациентами, которые предпринимают восхитительно забавные попытки вовлечь персонал в коммуникативный контакт.

В изучаемой автором больнице пациентка средних лет применяла ряд сложных техник вовлечения других людей в разговор против их воли. Она постепенно подходила к нежелающему общаться участнику, усиливая громкость своих реплик, неприличность их содержания и гротескность своих гримас, пока не наступал момент, когда участник больше не мог поддерживать видимость невключенности и тем или иным образом реагировал. Помимо этой техники прогрессирующей профанации она практиковала ужимки, танцы, скачки и прыжки в непосредственном присутствии строптивного участника, останавливаясь, только когда успешно вовлекала другого в коммуникацию. Если эти ужимки не действовали, она иногда прибегала к стратегии внезапной остановки

31 Явление выведения из себя — или, наоборот, выхода из себя — наблюдается и когда мишень уже вовлечена во взаимное включение со стимулирующим ее индивидом; в этом случае выведение из себя будет заключаться в том, что мишень будут вынуждать внезапно «взорваться» и резко повысить свой уровень наблюдаемой серьезности, веселья и т. п. Иногда дразнящий бросает мимоходом реплику, которая рассчитана на то, чтобы мишень внезапно почувствовала себя униженной, но в следующую секунду осознала бы несерьезность намерения. Порой человека непрерывно дразнят и подзуживают все больше и больше, пока не будет достигнут успех, как во время игры в «дюжины»*.

и заглядывания другому в глаза с предложением вступить в тайный сговор с целью высмеивания того Я, которое только что вело себя экстравагантно. Другой часто вступал в этот сговор, чувствуя единение с индивидом, который вдруг явно стал здоровым. Если и это не срабатывало, она иногда делала оскорбительные, непристойные или подражательные жесты в отношении какого-нибудь индивида, так что их сложно было определить как совершаемые у него за спиной, а затем быстро обращала ко второму индивиду взгляд, говорящий: «Я просто дразню этого дурачка»; получатель такого заговорщицкого взгляда часто оказывался на мгновение захваченным побочной сценой и, следовательно, проигрывал. Любопытно, что она могла бороться с отсутствием вежливого невнимания к ней со стороны медсестер на застекленном посту, которые либо подчеркнуто не глядели на нее, либо пристально следили за ней, выводя их из себя даже через призванную их защищать стеклянную перегородку, порой даже когда они всеми силами демонстрировали, что не будут вступать в коммуникацию, пока к ним подобающим образом не обратится подобающий человек.

Часть IV

ДОСТУПНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ

Глава 9

Границы коммуникации

Я показал, что инициирование включения между знакомыми и между незнакомыми людьми целенаправленно регулируется как теми, кто ищет коммуникативного контакта, так и теми, кто избегает его. Также были рассмотрены, хотя и кратко, правила покидания встречи и ее роспуска. Теперь я хочу рассмотреть нормы, применяемые к взаимному включению после его возникновения, но только когда в ситуации присутствуют зрители, т. е. люди, не являющиеся ратифицированными участниками включения. Поскольку это будет предполагать обсуждение границ, я хочу начать с рассмотрения границ социальных ситуаций.

1. Конвенциональная замкнутость ситуаций

Независимо от того, позволено индивиду находиться в определенной области пространства, например в комнате, или нет, он часто будет должен демонстрировать уважение к физическим границам вокруг нее, если таковые имеются. Конечно, теоретически возможно, что область физически отгорожена от внешней коммуникации границами, вроде толстых стен, но почти всегда некоторая коммуникация через границу физически возможна. Поэтому имеются социальные предписания, которые ограничивают подобную коммуникацию специальной частью границы, например дверьми, и побуждают людей как внутри, так и снаружи данной области вести себя так, *как если бы* этот барьер отсекал больше коммуникации, чем он отсе-

кает на самом деле. Стены делают свою работу отчасти потому, что их чтят или социально признают в качестве барьеров коммуникации, открывающих перед соблюдающими приличия членами сообщества возможность «конвенциональной замкнутости ситуации» в отсутствие реальной физической замкнутости.

Беглое представление об этих конвенциях можно получить, если обратить внимание на один из фактов, связанных с социализацией: в нашем обществе среднего класса детей заставляют крепко усвоить, что хотя и можно кричать другу через стену или привлекать его внимание, стуча по стеклу, вообще это недопустимо, а желание включиться во взаимодействие с кем-либо в данной области должно ратифицироваться предварительным стуком в дверь как формальным способом входа.

Окна сами по себе обеспечивают возможность частичного участия в ситуации и обычно предполагают понимание того, что данной возможностью не следует злоупотреблять. Конечно, можно встретить и отклонения от этого правила. На Шетландском острове приезжие норвежские моряки, которых островитяне описывают как людей «низшего сорта», иногда ходят между коттеджами и заглядывают прямо в окна. Диккенс приводит похожий пример из Америки столетней давности:

После обеда мы снова отправились на железную дорогу и заняли свои места в вагоне вашингтонского поезда. Мы явились рано, и не занятые каким-либо делом мужчины и мальчишки, любопытствуя взглянуть на иностранцев, собрались (по обычаю) вокруг нашего вагона, опустили все окна, просунули внутрь головы и плечи, удобно повисли на локтях и принялись обмениваться замечаниями по поводу моей внешности с такой бесцеремонностью, словно я не человек, а чучело. Никогда еще я не получал такого обилия неоспоримых сведений о собственном носе и глазах, о различном впечатлении, производимом моим ртом и подбородком на разных людей, и о том, на что похожа моя голова, если смотреть на нее сзади, как в данном случае¹.

1 Диккенс. Американские заметки. С. 144.

Во многих психиатрических больницах, в которых се-стринская станция представляет собой застекленный наблюдательный пункт, пациентов приходится учить не слоняться у стеклянных перегородок и не смотреть на то, что происходит внутри. (Любопытно, что не существует больничного правила, запрещающего персоналу наблюдать за пациентами через эти перегородки и тем самым официально подсматривать.) Мода делать панорамные окна во всю стену, безусловно, вызывает социальное напряжение, поскольку требует соблюдения высоких моральных принципов по обе стороны стекла для обеспечения конвенциональной замкнутости; существует множество карикатур, посвященных возникающим вследствие этого проблемам. Можно добавить (как подсказывает цитата из Диккенса), что неспособность к опознанию границы области часто связана с приписыванием тем, кто становится объектом неподобающего наблюдения, статуса не-людей.

Когда известно, что стены между двумя областями очень тонки, возникают проблемы с молчанием². Иногда соответствующие коммуникативные возможности открыто признаются и люди говорят через стену так, словно они находятся в одной социальной ситуации, как показывает анализ блочного двухквартирного жилья в Британии: «Рисуя, со слов жителей, картину соседских связей при помощи звуков, мы обнаружили, что в таких домах можно развлекать жену соседа, громко проигрывая ее любимые пластинки, или присматривать за ее ребенком, или приглашать ее на чай, — всё через общую стену»³. Это, разумеется, указывает на некоторые специфические функции взгляда: живущие по ту сторону общей стены могут отсутствовать или, если они дома, могут не реагировать, но *увидеть* это нет никакой возможности.

2 *Goffman*. The Presentation of Self. P. 119–120.

3 *Kuper*. Blueprint for Living Together. P. 14.

2. Доступные включения

Когда ситуация исчерпывается взаимным включением — все присутствующие являются аккредитованными участниками встречи, — проблема поддержания упорядоченной активности будет в основном внутренней проблемой встречи: предоставления времени для высказываний (если встреча носит разговорный характер), нахождения безобидного предмета для разговора или действий (что можно описать как проблему «запасов безопасных тем»), подавления враждебности и т. д.

Когда присутствуют люди, не являющиеся участниками включения, мы знаем, что они будут неминуемо находиться в положении, позволяющем что-то узнавать об участниках встречи, и будут испытывать влияние того, как протекает встреча в целом. Если взаимное включение должно осуществляться в ситуации, в которой есть зрители, я буду называть его *доступным*.

Всегда, когда взаимное включение доступно для неучастников, существует всеми разделяемое и неразделяемое участие. Все участники собрания в целом будут вариться в общем котле несфокусированного взаимодействия, в котором каждый своим присутствием, манерами и внешним видом сообщает определенную информацию о себе всем в ситуации, и каждый присутствующий получает такую же информацию от всех остальных присутствующих, по крайней мере пока у него есть желание пользоваться возможностями для ее получения. Эта возможность широко доступной коммуникации, а также складывающиеся нормы, которые обеспечивают контроль за данной коммуникацией, превращают просто физическую область в локус социологически релевантной целостности — ситуации. Но сверх и помимо этого всеобщего участия ратифицированные участники конкретного включения будут *дополнительно* участвовать во взаимодействии сфокусированного типа, в котором сообщение, посылаемое одним человеком, призвано вне-

сти специфический вклад в текущее дело и обычно адресовано конкретному получателю, хотя прочие участники встречи — и только они — тоже должны его получать. Таким образом, над всеми разделяемым основанием несфокусированного взаимодействия будут надстраиваться одно или больше частичных оснований сфокусированного взаимодействия.

Разницу между участием в несфокусированном взаимодействии в ситуации в целом и участием в сфокусированном взаимодействии во взаимном включении легко ощутить, но трудно описать в деталях. Такие вопросы, как выбор участников встречи или громкость голосов, релевантны для ситуации в целом, поскольку любой присутствующий в ситуации будет находиться (и будет считаться находящимся) в положении очевидца этих аспектов взаимного включения, представляющих собой демонстрируемую несфокусированную часть коммуникации. Но специфический смысл *конкретных* высказываний, надлежащим образом переданных в рамках взаимного включения, будет недоступен для ситуации в целом, хотя, если предпринимаются специальные усилия, чтобы сохранить тайну, эта скрытность как *общий* аспект происходящего может фактически становиться достаточно широко наблюдаемым и важным элементом текущего несфокусированного взаимодействия. Та часть происходящей во время взаимного включения коммуникации, которую нельзя передать по опосредующим каналам, является ситуационной, но этот ситуационный аспект встречи становится частью несфокусированной коммуникации в ситуации в целом, только когда имеют место более грубые нарушения приличий, например крик, шепот и размашистые жесты.

При рассмотрении доступных включений удобно помещать наблюдательный пункт внутри такого рода встреч и описывать предмет с данной точки зрения. Тогда принадлежащих к сборищу в целом можно разделить на участников и зрителей в зависимости от того, являются ли они

официальными участниками данного включения, а предмет рассмотрения можно разделить на обязанности перед встречей и обязанности перед сборищем в целом (и перед стоящим за ним социальным событием, выражением которого является это сборище).

Чтобы включение сохраняло границы и целостность и чтобы избежать поглощения сборищем, и участник, и зритель будут соответствующим образом регулировать свое поведение. Но даже кооперируясь с целью поддержания приватности конкретной встречи, и участник, и зритель все равно будут обязаны защищать сборище в целом, демонстрируя, что все присутствующие в ситуации некоторым образом действуют вместе, а не разделены из-за дифференцированного участия.

3. Конвенциональная замкнутость включений

Доступное включение по определению не исчерпывает ситуацию; ничто не обособляет его, физически или конвенционально, и не отделяет от не-участников. Вместо этого мы имеем дело с определенными обязательствами и определенными попытками со стороны как участников, так и зрителей, действовать так, словно включение физически отделено от остальной ситуации. Словом, наблюдается «конвенциональная замкнутость включений». Я хочу рассмотреть теперь некоторые элементы социальной организации, предполагаемые такой замкнутостью.

а) Зрители проявляют особый тип вежливого невнимания, который предназначен для встреч, а не для индивидов. Зрители обязаны воздерживаться от злоупотребления коммуникативной позицией, в которой они находятся, и открыто показывать участникам сборища, что они фокусируют свое внимания на чем-то другом, — учтивость, создающая определенные трудности, поскольку слишком подчеркнутое невнимание к тому, что способен услышать

зритель из своего положения, может легко испортить шоу невнимания⁴.

Поскольку существует множество причин, по которым индивид может хотеть услышать содержание включения, участником которого он не является, он может часто симулировать невнимание, создавая впечатление наличия конвенциональной замкнутости, в то время как на самом деле он украдкой следит за разговором. Насколько распространено такое подслушивание и в каких ситуациях оно имеет место, сказать сложно.

Невнимание и невовлеченность, демонстрируемые теми, кто физически находится вблизи встречи, участниками которой они не являются, принимают крайнюю форму, когда индивид может присоединиться к встрече (в той мере, в какой речь идет о ее участниках), но оказывается «психологически» неспособен на это. В результате может возникать разновидность разговорного паразитизма, часто встречающаяся в психиатрических больницах. Например, одна молодая женщина-психотик, за которой я наблюдал, имела обыкновение сидеть возле своей матери, пока та разговаривала с медсестрой, и смотреть прямо вперед, поддерживая видимость вежливого невнимания к происходящему по соседству включению. Но, стараясь сохранять выражение лица, подходящее для безучастного, незаинтересованного зрителя, она одновременно давала непрерывные иронические комментарии по поводу услышанного, с огромным напряжением произнося их углом рта громким сценическим шепотом. Психологически она находилась, вероятно, в состоянии «диссоциации»,

4 Я не собираюсь переоценивать роль рациональных намерений в ситуационном поведении. Индивид должен быть либо целиком внутри встречи, либо целиком вне ее. Но даже желающий следовать этому правилу не может полностью контролировать выражаемое направление своего внимания. Если его внимание привлекает доступная встреча, его попытки скрыть данный факт, скорее всего, будут заметны как тем, вместе с кем он должен принимать участие, так и тем, на кого он вынужден не обращать внимания.

но направление, в котором двигался поток двух диссоциированных линий поведения, — участия в разговоре и вежливого невнимания, — похоже, был полностью детерминирован социальной организацией коммуникации, стандартной для социальных ситуаций в нашем обществе. Таким образом, в социальной ситуации индивид может разрываться, но испытывая при этом стандартные мучения, выражаемые стандартным образом.

В некоторых обстоятельствах участникам сложно демонстрировать тактичное доверие зрителям, а зрителям — поддерживать вежливое невнимание; словом, иногда конвенциональной замкнутостью сложно управлять.

Один из примеров можно вновь встретить в небольших замкнутых местах, вроде лифтов, где индивиды могут оказываться настолько близко друг к другу, что, по-видимому, не способны претендовать на то, что ничего не слышат. В таких случаях, по крайней мере в Америке среднего класса, участники встречи склонны приостанавливать свою коммуникацию, лишь изредка перебрасываясь словами, чтобы стабилизировать свою прерванную на середине встречу. Похожая проблема, как отмечали писатели, наблюдается в полупустых барах:

В баре мы были одни; еще была середина утра, и присутствие бармена раздражало. Он не мог не подслушивать. В своем бесстрастном белом пиджаке он был словно молчаливый повелитель. Но, кажется, он и сам это понимал; он снова и снова любезно нырял под стойку, чтобы наполнить стаканы и ванночки льдом. Поэтому Гарри заказал еще по одной, словно кроме нас двоих здесь больше никого не было, и вскоре стаканы вынырнули⁵.

Таксист сталкивается с той же проблемой, что и бармен⁶. Она же встает перед индивидом, который на короткое время оказывается предоставлен самому себе, когда человек, с которым он разговаривал, отвечает на телефон-

5 *William Sansom*. *The Face of Innocence* (New York: Harcourt, Brace & World, 1951). P. 12.

6 *Fred Davis*. *The Cabdriver and His Fare: Facets of a Fleeting Relationship* // *American Journal of Sociology*. 1959. Vol. 65. № 2. P. 160.

ный звонок; будучи физически рядом с другим человеком, участвующим во включении, и явно не имея чем заняться, он должен каким-то образом демонстрировать вежливое невнимание⁷.

Там, где поддерживать вежливое невнимание физически сложно, сцена допускает особый тип доминирования. В лифте, например, участники одного из включений могут оставаться полностью включенными, вынуждая остальных присутствующих играть роль не-людей. Аналогично, когда две незнакомые пары вынуждены делить одну кабинку в ресторане, одна пара может молчаливо уступать другой, взаимодействующей более громко. В таких ситуациях подчиненная пара может попытаться продемонстрировать независимость и вежливое невнимание, начав собственный разговор. Но более тихий разговор, хотя он может показаться убедительным для второй пары, вряд ли способен убедить самих его участников, которые, поддерживая его, будут признаваться друг другу не только в том, что их переиграли, но и что они хотят сделать вид, будто это не так⁸. Можно добавить, что в подобных случаях сила определяется не мускулами, а, как правило, социальным классом.

б) Учитывая, что участники и зрители обязаны помогать поддерживать целостность встречи, а также то усложняющее обстоятельство, что зрители одной встречи вполне могут быть участниками другой, можно ожидать, что будет осуществляться негласная кооперация с целью

7 Аналогично, когда во включении участвуют три человека, если говорящий прерывает свое высказывание, чтобы ответить на звонок, оставшиеся двое могут попробовать начать приглушенный и, зачастую, вялый разговор.

8 В Британии, как мне показалось, если одна из присутствующих групп говорит «хорошим» языком, т. е. с общепринятым произношением, обычно именно она говорит открыто, как будто остальные способны легко проявлять вежливое невнимание и прекращать свои разговоры. Это одна из причин, по которой приезжего удивляет ужасающая вульгарность (по американским меркам) британского высшего среднего класса.

поддержания конвенциональной замкнутости. Во-первых, если зрители должны некоторым образом воздерживаться от злоупотребления своими коммуникативными возможностями, на участников будет возлагаться обязанность ограничивать свои действия и слова действиями и словами, которые будет не слишком сложно не замечать. Обычно именно такое поддержание низкого уровня возбуждения и наблюдается. Интересно, что эта тенденция совпадает с другой, противоположно направленной тенденцией, а именно со склонностью действовать так, чтобы демонстрировать уверенность в желании зрителей не злоупотреблять своей ситуацией. Например, как уже отмечалось, шепот или очевидное использование какого-то кода часто будут считаться невежливыми, отчасти потому, что они ставят под сомнение желание зрителей не следить за происходящим.

Можно указать на одно из следствий комбинирования этих правил конвенциональной замкнутости — правило разговора, предписывающее участникам демонстрировать уважение друг к другу, например путем избегания тем, которые могут быть чувствительными для собеседника, или путем воздержания от критики и т. д. С другой стороны, уничижительные комментарии по поводу тех, кто сейчас отсутствует, обычно вполне допустимы, поскольку представляют собой основание для формирования привилегированной солидарности между участниками встречи. К тому же разговор вполне может предполагать обсуждение деловых вопросов, в которые небезопасно посвящать отсутствующего человека. Поэтому при появлении релевантно исключенного человека во время разговорной встречи может возникать необходимость стратегически поменять поток реплик, чтобы содержание разговора не подвергало его готовности проявлять вежливое невнимание слишком суровому испытанию. Еще бо́льшая деликатность требуется, если он приближается с намерением присоединиться ко встрече. Хорошо известный пример — индивид, входящий в комнату и обнаружи-

вающий, что разговор внезапно прекратился и остальные присутствующие спешно ищут подходящую новую тему. Иногда, приближаясь, релевантно исключенный другой достигает определенной точки физического пространства, в которой разговор может быть сменен либо без того, чтобы приближающийся услышал нечто, способное его смутить (или смутить говорящих, если он это услышит), либо без того, чтобы у него сложилось впечатление, будто было вытеснено что-то, способное его смутить. Эта дистанция будет, разумеется, различаться в зависимости от социальных навыков участников. Иногда в комнате есть также особая «безопасная область», из которой можно вовремя заметить любого вновь прибывшего и успеть безопасно изменить содержание разговора, не показав, что это было необходимо. В подобных обстоятельствах иногда демонстрируется высокое мастерство, когда собеседники дерзко и спокойно продолжают вести разговор до последнего момента, когда можно безопасно сменить тему.

в) Внимательность, которую зритель обязан проявлять по отношению к доступной встрече, предполагает больше, чем только вежливое невнимание, и распространяется на вопрос о том, каким образом и когда он может предоставлять себя для официального участия. Даже на вечеринках, где любая встреча должна проходить так, чтобы к ней мог присоединиться любой гость, от нового участника ожидается, что он проявит такт и не станет пользоваться своим правом, если подсказки со стороны других говорят ему об этом. Когда он вступает в разговор, от него ожидается, что он будет придерживаться текущей темы и тона, что минимизирует вызываемый им сбой. Так, в одном из первых американских руководств по этикету говорится:

Когда на званом вечере леди и джентльмен ведут беседу, подойти и прервать их, предложив новую тему для обсуждения, было бы грубостью. Если вы уверены, что они не говорят о чем-то, представляющем частный и приватный интерес, вы можете *присоединиться* к их беседе и влиться в разговор, но ежели вы затем обнаружите, что они настолько увлечены обсуждением, что общаются лишь между

собою, так что прерывать или менять их общение нежелательно, вам следует отойти. Когда же двое обсуждают между собою темы, которые, на ваш взгляд, особенно деликатны и щекотливы, следует покинуть их компанию⁹.

Рады ему или нет, но сегодня от новоприбывшего обычно ожидается, что он будет стучать в дверь, прежде чем войти, тем самым заранее предупреждая встречу о своем намерении и давая участникам время прибраться в доме до его появления.

г) Одной из наиболее интересных форм кооперации с целью поддержания конвенциональной замкнутости является то, что можно назвать *рассредоточением*¹⁰: склонность единиц участия в ситуации — будь то взаимные включения или невключенные индивиды — согласованно распределяться в доступном пространстве так, чтобы физически способствовать конвенциональной замкнутости. (Судя по всему, обычно это предполагает максимизацию суммы площадей физического пространства между разными единицами¹¹.) Конечно, если единицы участия должны

⁹ *Anonymous*. The Canons of Good Breeding. P. 68.

¹⁰ Термин «индивидуальная дистанция» был введен, судя по всему, этологом Хедигером для описания склонности птиц, сидящих на заборе или изгороди, сохранять определенную дистанцию между собой, которая, очевидно, варьируется у разных видов. Он также использует термин «дистанция отлета» для обозначения расстояния, на которое можно приблизиться к животному данного вида, прежде чем оно улетит. См.: *Heini Hediger*. Studies of the Psychology and Behavior of Captive Animals in Zoos and Circuses (London: Butterworths Scientific Publications, 1955). P. 40ff., 66. Интересное применение этого и прочих этологических понятий можно найти в: *Robert Sommer*. Studies in Personal Space // *Sociometry*. 1959. Vol. 22. № 3. P. 247–260.

¹¹ В полезной статье «Антропология манер» (*Edward T. Hall*. The Anthropology of Manners // *Scientific American*. 1955. April. P. 84–90) Э. Т. Холл предостерегает от кросс-культурных обобщений по поводу рассредоточения: «Мы, американцы, распределяемся более равномерно, чем многие другие народы. Среди нас распространено сильное неприятие прикосновений и толкучки; в трамвае, автобусе или лифте мы съеживаемся. По поводу того, кто рас-

проявлять в отношении друг друга взаимное доверие и товарищество, полное рассредоточение может целенаправленно избегаться¹².

Рассредоточение будет, безусловно, обеспечивать открытость «линий разговора», т. е. отсутствие у обращающихся друг к другу в рамках встречи физических препятствий для свободного обмена взглядами. Зритель, оказывающийся на такой линии (по крайней мере, в американском обществе), скорее всего, извинится и быстро сменит свое положение.

Хотя феномен рассредоточения бывает сложно наблюдать, поскольку его считают само собой разумеющимся, его следы можно обнаружить от противного, наблюдая за детьми и психически больными пациентами — коммуникативными правонарушителями, которые порой играют в игру «атакуй встречу». Например, во многих отделениях пациент будет следовать за парой собеседников по всей комнате, пока они не остановятся, а затем украдкой подойдет к границе встречи и наклонится к говорящим. Одна юная пациентка, которую я изучал, перегораживала линию разговора между двумя людьми, либо вертя вязальными спицами, либо размахивая поднятыми руками, либо становясь лицом к лицу с одним из участников или садясь ему на колени.

Помимо физического рассредоточения присутствует также контроль за звуками, благодаря которому различ-

слаблен и находится в полном контакте с окружающими в людном месте, мы обычно испытываем непечатные реакции. Мы годами учим своих детей не толкаться и не висеть на нас...

В Латинской Америке, где касания более распространены и базовые единицы пространства меньше, широкие автомобили, производимые в США, создают проблемы. Люди не понимают, куда им садиться».

- 12 Полезный этологический анализ типов взаимной физической дистанции содержится в: *John H. Crook. The Basis of Flock Organisation in Birds // Willim H. Thorpe, Oliver L. Zangwill (eds.). Current Problems in Animal Behaviour (Cambridge: Cambridge University Press, 1961). P. 138ff.*

ные единицы в ситуации могут заниматься текущими делами без помех для своей деятельности. Во многих случаях это будет предполагать ограничение громкости звуков, хотя во время таких событий, как вечеринки, где люди могут толпиться близко к тем, кто не является участником их встречи, можно обнаруживать общее повышение громкости голосов, которое позволяет участникам слышать друг друга, но сужает возможности подслушивающих. В этом случае тоже можно наблюдать тщательно спланированные нарушения, например, когда психически больная девушка, забавы ради, становится лицом к лицу с кем-то, кто ведет разговор с находящимся в отдалении собеседником, и начинает кричать так сильно, что первый говорящий не слышит второго, а второй — первого.

Требование сохранения зрительно открытых линий разговора и такого уровня громкости, который не будет мешать соседним встречам, ограничивает дистанцию, на которой могут обычно поддерживаться разговорные встречи. Например, если двое ведут беседу с противоположных концов переполненного трамвая, все находящиеся между ними пассажиры должны оставаться вне линии разговора и модулировать свои беседы таким образом, чтобы не мешать разговору на расстоянии. Такой разговор будет неизбежно полностью доступен всем, кто находится между двумя говорящими, и поэтому скорее всего будет вызывать смущение, даже если один из говорящих — кондуктор. Поэтому включения, которые должны осуществляться на расстоянии в переполненном людьми пространстве, будут, вероятно, ограничиваться обменом безмолвными жестами, поскольку те не мешают другим встречам и не выдают передаваемые сообщения. Следовательно, можно ожидать, что глухонемые, севшие в трамвай вместе и оказавшиеся на разных сиденьях, не обязательно будут прерывать обмен сообщениями; они могут вести разговор, пока линия взгляда остается свободной, причем их «беседа» не будет мешать другим беседующим и не будет им доступна.

Хотя физическое рассредоточение и контроль звуков очевидно релевантны для таких событий, как вечеринки, которые происходят в пределах относительно небольшой физической области, они, вероятно, даже еще более важны на улицах и дорогах и в полупубличных местах. В западном обществе усиливающееся доминирования среднего класса выражается в расширении относительно эгалитарного использования публичных мест. Однако даже сегодня похороны, свадьбы, парады и некоторые другие церемонии могут мгновенно навязывать свой дух всей присутствующей публике. Технические единицы, вроде автомобилей скорой помощи, полицейских машин и пожарных грузовиков, разрезают публичный поток автомобилей со звуком, который запрещен для остальных дорожных единиц, а гостей города может сопровождать мотоциклетный эскорт. Однако некоторые из этих привилегий являются лишь скромными остатками практик, которые некогда были более распространены — вроде свит и процессий, связанных с «патрон-клиентскими отношениями»¹³, — и которые позволяли важной особе демонстрировать свой статус при помощи группы зависимых сторонников, сопровождавших ее при перемещениях по городу или по зданию парламента, расчищая перед ней путь, куда бы она ни шла. Эти правила не едины для западного общества, как показывает реакция короля Эдуарда (британского) и его свиты по время визита к императору Германии в 1906 году: «На автомобиле императора был закреплен штандарт и ящик с трубой, которая издавала протяжный гудок на каждом углу. Благодаря этому жители могли без труда определить, где находится император, и освобождали дорогу, слышав звук трубы. Король же не переносил то, что он называл „театральными методами“, и ездил как все»¹⁴.

13 См., например: *John E. Neale. The Elizabethan House of Commons* (New Haven: Yale University Press, 1950). P. 24–26.

14 См.: *Frederick Ponsonby. Recollections of Three Reigns* (New York: Dutton, 1952). P. 261.

д) В заключение обсуждения конвенциональной замкнутости я хочу рассмотреть особый тип реструктурирования, который может наблюдаться, когда ситуация превращается из ситуации со множеством встреч — мультисфокусированной ситуации — в ситуацию, исчерпываемую одним всепоглощающим включением. Например, в Центральной больнице в полдень, когда санитар кричит «Время обеда!», он обращается ко всем, и какова бы ни была громкость его голоса, везде, куда он проникает, он доносит и значения его слов. Аналогично, на небольшой вечеринке прибытие пары может вынудить хозяйку разрушить замкнутость всех отдельных встреч, чтобы представить новоприбывших собравшимся. Точно так же во время формальных ужинов в тот момент, когда хозяйка указывает, что разговор будет «общим», она делает все высказывания открытыми для всех гостей. И, конечно, когда произносятся публичные речи, слова говорящего, а также воодушевление, с которым он их произносит, призваны воздействовать на ситуацию в целом. Во всех этих случаях присутствует понимание того, что ситуация в целом подобающим образом открыта для содержания высказываний одного подходящего оратора; ему, как говорится, предоставляется слово.

Процесс превращения мультисфокусированной ситуации в ситуацию, исчерпываемую одним взаимным включением, — интересный предмет для анализа. На вечеринках можно наблюдать, как певец или гитарист пытается сделать все большую часть собравшихся в комнате своей аудиторией, пока не наступает момент, когда его пение официально охватывает все помещение и вечеринка превращается в концерт¹⁵. Одновременно по мере увеличения числа участников конкретной встречи увеличивается и число побочных вовлеченностей, в ко-

15 Здесь я должен выразить признательность неопубликованной работе Роберта Мартинсона*, посвященной трансформации неформальных включений в исполняемые партии.

торых поддерживаются, иногда украдкой, подчиненные побочные сцены, громкость и характер которых модулируются таким образом, чтобы главное шоу непрерываемо доминировало.

В психиатрических лечебницах наблюдается особого рода «симптоматичное» поведение, использующее возможность «разговора» с ситуацией в целом. Многие пациенты говорят с кем-то присутствующим или отсутствующим достаточно громко, чтобы все присутствующие в ситуации это слышали и отвлекались. Но находящиеся в отделении негласно отличают такого рода нарушение приличий от нарушения, имеющего место, когда пациент «обращается к ситуации», адресуя свою пылкую речь всем присутствующим, так что по тону и направлению его голоса ясно, что он намеренно разрушает барьеры, призванные обеспечивать безопасность скоплений беседующих и играющих пациентов, вовлеченных в свои сфокусированные взаимодействия. (Любопытно, что хотя реальный уровень громкости пациента, недостаточно модулирующего свой вклад в приватную беседу, может быть выше, чем уровень громкости пациента, «обращающегося к ситуации», именно последний создает большее неудобство¹⁶.)

16 Атаки на ситуацию следует сопоставить с вышеупомянутыми атаками на встречи, осуществляемыми психически больными, детьми и прочими коммуникативными правонарушителями. В нашем обществе многие родители из среднего класса сталкивались со случаями, когда их ребенок, которому запрещено прерывать взрослых или даже заходить в комнату, в которой они разговаривают, украдкой проскальзывает в ситуацию, неуклюже имитируя незаметное подкрадывание, что создает гораздо большее неудобство для сборища, чем могло бы создать его простое присутствие.

Глава 10

Регулирование взаимной вовлеченности

1. Ограничения

Выше, при рассмотрении несфокусированного взаимодействия, было сказано, что индивид обязан демонстрировать определенный резерв контроля над всеми своими вовлеченностями, особенно вовлеченностью в собственное тело. Теперь я хочу рассмотреть ограничения, касающиеся того, каким образом индивиды могут подобающим образом отдаваться друг другу в доступной встрече, т. е. подобающим образом предаваться взаимным вовлеченностям, открытым для зрителей. Это позволит нам взглянуть не на то, чем зрители обязаны доступной встрече, а на то, чем участники встречи обязана сборищу в целом.

Англо-американские исследователи иных культур уже давно описывают социальные различия в открытых взаимных вовлеченностях, допустимых между отдельными категориями людей, особенно между полами. Сообщается, что публичный поцелуй в губы «считается непристойным поступком» в некоторых латиноамериканских странах¹, как и, очевидно, в публичных местах в СССР и во многих восточных обществах.

В нашем обществе существуют поучительные различия между социальными событиями в том, что касается допустимой взаимной вовлеченности; некоторые из событий определяются таким образом, что в них запрещаются любые подобные действия, а некоторые допускают

¹ Victor S. Pritchett. *The Spanish Temper* (New York: Knopf, 1954). P. 170.

взаимную поглощенность, сопоставимую с любовными ласками². Пара, целующаяся или ругающаяся на деловой улице, вполне может восприниматься в данной ситуации как оскорбление — как вторжение частных действий в места, в которых требуется более публичная ориентация. В парках и на пляжах, однако, такого рода вовлеченности переносятся легко. Кроме того, все улицы определяются так, чтобы допускать негромкий разговор между двумя индивидами, идущими вместе. Книжки по этикету говорят, что хотя на морском причале людям позволительно целоваться взасос, тем самым отстраняясь в допустимой степени от прочих аспектов ситуации, это же действие, совершаемое домохозяйкой из пригорода при встрече мужа в 18:45, было бы неуместным; легкий поцелуй больше подходит к ситуации³. Аналогично, в наших городах в ресторанах типа «Говард Джонсон» может быть специальный уголок для семей с маленькими детьми, и там мо-

- 2 В некоторых уголках мира существует коммерчески организованный бизнес — пип-шоу, продающее возможность тайно подсматривать за исполнителями, занимающимися сексом. Многие авторы склонны считать этот факт извращением сексуального инстинкта, и лишь некоторые исследователи отмечали, что в подобной обстановке извращается еще и регулирование открытой взаимной вовлеченности, поскольку возбуждение зрителей таких шоу, по крайней мере отчасти, обусловлено наблюдением за парой людей, занимающихся деятельностью, которая идеально неуместна для ситуаций, включающих более двух человек, а во многих наших субкультурах неуместна даже для двоих, по причине чего осуществляется в темноте.

- 3 О примере из другой страны говорится в новостном сообщении (San Francisco Chronicle. 1961. July 31; Rome):

«За „страстный поцелуй“ среди бела дня на переполненной римской площади можно отправиться в тюрьму.

Но „дежурные поцелуи“ — поцелуи в обе щеки, которыми обмениваются между собой итальянцы и итальянки при каждой встрече, — все же разрешены.

На этой неделе после годичных разбирательств закончился суд, который должен был определить, какие публичные поцелуи допустимы: обрученная пара приговорена к двум месяцам заключения в разных исправительных учреждениях. >

жет допускаться такая степень семейной вовлеченности в воспитание детей, которая вызвала бы смущение в прочих частях ресторана.

В ситуациях, где все участники обязаны поддерживать главную вовлеченность не только в один и тот же вид деятельности, но и в одну и ту же встречу, побочные сцены и прочие мелкие взаимные вовлеченности являются, по определению, способом нелегитимного отстранения от доминирующего включения. Но даже там, где нет одного включения, постоянно исчерпывающего ситуацию, можно обнаружить строгие ограничения взаимной вовлеченности. Например, в церкви, где благочестивые чувства обязательны, проявления радости при приветствии могут тактично приглушаться, а приветствия, обычно предполагающие лишь взмах рукой, вообще исключаться. В одной из книг по этикету сказано:

Прежде всего церковь — не место для встреч. Верчение головой в поисках друзей среди молящихся, радостные кивки и улыбки, теплые приветствия, отвлеченное ерзанье — всему этому не место в церкви. Конечно, если вы поймали взгляд приятеля, нет причин не показать глазами и скромной, едва заметной улыбкой, что вы его узнали, но почтение к месту и внимание к церемонии должны быть во главе всего, что вы делаете⁴.

Если в подобных обстоятельствах встретятся два давно не видевшихся друга, им будет сложно воздать должное

Невезучие влюбленные — Витторио Грацини 20 лет и его невеста Анджелина Росси 22 лет — совершили фатальный поцелуй прошлым августом в 18:30.

Арестовавший их полицейский заявил, что это был „долгий страстный поцелуй“, создававший угрозу для общественной морали. Судья согласился с ним. В Риме публичный поцелуй — нарушение закона.

Смелые молодые итальянцы рискуют попасть за решетку каждый вечер, когда долго и страстно целуются в тени стен и монументов. Но пока отважные Витторио и Анджелина не испытали это на себе, никто не проверял, распространяется ли закон на автомобиль, припаркованный среди толпы в разгар дня. (Chicago Daily News)».

4 Fenwick. *Vogue's Book of Etiquette*. P. 12.

своим отношениям, не нарушив ситуационных приличий. Можно отметить, что эта дилемма часто возникает на похоронах, поскольку есть высокая вероятность, что во время столь печального и тщательно организованного события будут встречаться люди, которые давно не виделись и которым надлежит горячо приветствовать друг друга. Очевидно, решением данной проблемы является очень теплое рукопожатие, позволяющее сохранить видимость чрезвычайной серьезности ситуации, хотя на самом деле имеет место экранированная вовлеченность, глубину и отчужденность которой от главного события способны ощутить только два ее участника.

Точно так же как правила вовлеченности, господствующие в определенных ситуациях, могут мешать отношениям, некоторые отношения могут фактически вызывать у участников ощущение того, что сборище и социальное событие находятся под угрозой. Когда известно, что два человека вовлечены в интенсивное общение друг с другом, само их совместное присутствие в одной комнате может фактически побуждать их к более глубокой сосредоточенности друг на друге, чем совместима с их прочими обязанностями по отношению к вовлеченностям. Поэтому в прошлом говорили:

Молодоженам, отправившимся на званый вечер, входить в комнату вместе — дурной *ton*. Невесту должно ввести старшее лицо или ее родственник. Хорошим вкусом считается, когда при всяком появлении на публике пара держится немного поодаль друг от друга. Демонстрация отношений должна быть насколько можно ограничена домашним очагом. Неприятно наблюдать людей, принуждающих общество лицезреть их взаимную привязанность⁵.

- 5 *Anonymous*. The Canons of Good Breeding. P. 87–88. С другой стороны, необходимо отметить, что на курортах для молодоженов глубокая взаимная вовлеченность демонстрируется в форме держания за руки и объятий, как если бы новый статус пары давал им временное право на демонстративное поведение — право, выступающее продолжением права их друзей жать на клаксоны во время движения автомобильной процессии после церемонии. Явное противоречие снимается, если учесть, что отношения вовлеченности

Аналогично, люди, о которых известно, что они состоят в любовной связи, часто приносят в сборище определенную неловкость, даже если напряжение успешно снимается с помощью шуток и превращения происходящего в игру. Люди, которые, как всем известно, не ладят между собой, тоже могут демонстрировать чрезмерную взаимную вовлеченность, даже если во время социального события, на которое оба были нечаянно приглашены, им удастся никогда не оказываться лицом к лицу или, если такого рода контакт неизбежен, скрывать взаимную неприязнь за натянутыми кивками.

Следовательно, будут предприниматься попытки предупредить неподобающую взаимную вовлеченность. Повседневной иллюстрацией служит широко распространенное сегодня в среднем классе правило этикета, предписывающее мужьям и женам на вечеринке сидеть за столом и во время светских разговоров порознь. Предполагается, что либо мужу и жене не о чем говорить друг с другом, и тогда их молчание не будет соответствовать духу события, либо они начнут разговаривать о весьма интимных вещах, и тогда они будут утверждать власть своего домашнего мира, а не вечеринки.

2. Взаимная вовлеченность, диктуемая событием

Ограничение, запрещающее открытые взаимные вовлеченности, иногда, на самом деле, запрещает не *любую* взаимную вовлеченность, а только вовлеченность, отвлекающую участников от сборища. Правило доступности подразумевает, что порой индивид обязан открываться для взаимных вовлеченностей. Однако он должен делать это не только в силу предшествующих отношений, но

должны либо подавляться, либо получать некоторую публичную ратификацию, при которой пара, как пара, играет роль исполнителей, одновременно ориентированных друг на друга и подобающе открытых для аудитории.

и в соответствии с текущим событием. (Здесь вновь дает о себе знать затруднение, создаваемое молодоженами или людьми, поглощенными ухаживаниями, — они, в отличие от лиц, отношения которых более спокойны и устойчивы, считают странным выдавать свою взаимную вовлеченность за разновидность учтивой вовлеченности в других людей, нередко требуемой социальным событием.) Например, мы сталкиваемся с особого рода показательным ситуационным поведением, когда два человека, находящиеся в длительных близких отношениях, обходятся друг с другом во время сборища на вечеринке с любезностью, основанной лишь на факте участия в событии; два заклятых врага демонстрируют схожее отношение к событию, когда ведут себя «цивильно». Такого же рода учтивость демонстрирует учитель, который обращается к своему ребенку в классе, как если бы тот был просто одним из учеников; это можно описать не только как сегрегацию ролей, но и как жест уважения к событию.

Любопытно, что в естественной истории некоторых вечеринок определенные формы кратковременной сексуальной игры могут быть признаком того, что дух события овладел всеми присутствующими, а не того, что вечеринка распалась на части. Если сексуальное взаимодействие происходит между людьми, собравшимися вместе на время и ради данного события, это может свидетельствовать о наивысшей степени самоотдачи участников сборищу. В своих крайних формах, например в тех сексуальных взаимоотношениях, которые, по слухам, практикуются на ежегодном Балу изящных искусств в Париже*, это может свидетельствовать не столько о коллапсе обязанностей в отношении ситуации, как может показаться на первый взгляд, сколько о своего рода профанном преклонении перед ними. Если в подобное взаимодействие будет вступать муж со своей женой, обязанности по отношению к событию окажутся под угрозой.

Правило, обязывающее индивидов поддерживать диктуемую событием взаимную вовлеченность, вероятно,

больше подходит для объяснения наших реакций на неподобающие вовлеченности, чем для предсказания реального поведения, поскольку этих ситуационных условий редко придерживаются. Сопротивление духу события, выражаемое в отказе поддерживать диктуемые им взаимные вовлеченности, представляет собой столь полезный инструмент для сообщения самых разных вещей, что можно быть уверенным: в любом сборище найдется кто-то, кто им воспользуется. К примеру, на публичных танцах в главном городе Шетландии обычно можно было видеть горстку слегка возмущенных пар, явно принадлежащих по своему социальному статусу к среднему классу, которые воздерживались от плебейских удовольствий мелких фермеров во втором поколении. Их отчуждение выражалось в том, что они вяло танцевали под бодрую музыку, ведя при этом между собой тихий увлеченный разговор, что резко контрастировало с преобладающим настроением и этосом.

Таким образом, мы видим, что порой успешность социального события, вроде вечеринки, выражается в успешности нахождения его участниками подходящих встреч, на которых можно сосредоточиться. Эта сосредоточенность доказывает, что каждый присутствующий является желанной компанией и что каждый считает социальное событие достаточно важным, чтобы использовать его в качестве основания для открытия себя другим. Эти допущения позволяют понять, почему, если замечают, что кто-то слишком долго находился между встречами — если его видят «невключенным», — это может вызывать тревогу как у него самого, так и у хозяйки, и почему последняя может попытаться поставить его на якорь в подходящем порту, каком именно — не столь важно. Это также позволяет понять, почему индивид может полагать, что то, чем он обязан сборищу в целом, иногда перевешивает то, чем он обязан себе и своим соратникам по встрече. Данное обстоятельство служит дополнительным доказательством того, что включенность индивида в сфокусирован-

ное взаимодействие является фактом, доступным всем остальным участникам ситуации, и потому представляет собой элемент несфокусированного взаимодействия в ситуации. В этом состоит ситуационная причина одного из типов такта, а именно создания видимости спонтанной вовлеченности во встречу, диктуемую событием, когда в действительности индивид не вовлечен. Так, миссис Пост снабжает нас занимательными рассуждениями по поводу того, как можно нанести словесное оскорбление, чтобы при этом не оскорбить сборище в целом и социальное событие:

Даже если вас посадили рядом с человеком, с которым у вас были глубокие разногласия, уважение к вашей хозяйке, которая расстроилась бы, узнав, что вам досталось неподходящее место, а также уважение к остальным гостям за столом, которые в противном случае окажутся «заблокированными», требует, чтобы вы внешне никак не проявляли свою неприязнь и создавали, хотя бы в течение непродолжительного времени, видимость того, что разговариваете друг с другом.

Однажды за ужином миссис Топлофти, оказавшаяся рядом с мужчиной, презрение к которому не скрывала, сказала ему с видимым спокойствием: «Я не буду разговаривать с вами, потому что не хочу этого делать. Но ради моей хозяйки я буду произносить таблицу умножения. Дважды один — два, дважды два — четыре...», и она продолжила перечислять уравнения, заставив его произносить их по очереди с ней, пока она не смогла вежливо вернуться к общению с остальными присутствующими⁶.

Еще один пример обязанности поддерживать диктуемую событием вовлеченность в других можно наблюдать на Шетландском острове. Во время вечеринки с «поступательным» вистом на двадцать столов глубокая сосредоточенность представителя аристократии на своем столе обычно считалась показателем полноты его участия в социальном событии. Проникаясь духом одного из столов, он выказывал уважение к комнате в целом. Если бы он отказался вкладываться таким образом и предпочел ходить от стола к столу, давая снисходительные советы игрокам за

6 *Post. Etiquette*. P. 273.

всеми столами по очереди, он, вполне возможно, заслужил бы меньшее признание простых жителей — фермеров. (Но если обычный фермер оказывался настолько вовлечен в конкретный раунд виста, что существенно затягивал время окончания игры за своим столом, такое игнорирование необходимости смены столов в конце каждого раунда обычно считалось проявлением неуважения ко всему социальному событию.)

Если успешность социальных событий можно оценивать по их способности помещать всех участников в ту или иную встречу, диктуемую событием, можно ожидать, что будут существовать правила, обязывающие участников любой встречи принимать новичков. (Эти правила соответствуют рассмотренной выше обязанности индивида делать себя доступным, с той разницей, что индивид может быть недоступен для других из-за органического нарушения, но такое извинение вряд ли уместно применительно к встречам.)

Существует множество событий, например уличных, когда участники встречи должны признавать некоторые права других на присоединение к ней. С другой стороны, как уже отмечалось, для таких событий, как вечеринки, характерно наличие у участников права не только инициировать взаимные включения, но и присоединяться к уже протекающим включениям. При этом участники могут считать себя обязанными легко признавать новых участников своего разговора, чтобы демонстрировать, насколько сильно их воодушевляет и объединяет вечеринка. Поэтому в ожидании новичков могут поддерживаться «открытые» темы разговора. Разговор, который по своему тону препятствует присоединению новых участников, был бы неподобающим. Благодаря этому становится понятной стратегия, используемая иногда людьми, обсуждающими крайне щекотливые личные темы в публичном месте: вместо того чтобы украдкой беседовать друг с другом с заговорщицким видом, они имитируют стиль прозаической открытости.

3. Дрейф

Я сказал, что участники доступной встречи обязаны следить за соответствием своих действий этосу социального события и демонстрировать в ситуации определенную меру настроения и вовлеченности, диктуемую событием. Но это также предполагает, что любая доступная встреча будет подобающим образом отдалять своих участников от преобладающего в ситуации настроения. Если этого не происходит, социальное событие можно обвинить в том, что оно не обеспечивает обстановку, в которой индивиды могут включаться во взаимодействие и спонтанно вовлекаться во включения. В последнем случае само существование встречи может зависеть от стандартных ресурсов социального события. Аналогично, если индивид не способен настолько отказаться от заботы о сборище в целом или о прогрессе события, чтобы быть поглощенным ситуативным включением, может создаваться впечатление, что он не отдается социальному событию. Поэтому нужен тонкий баланс между ходьбой строем и ходьбой вразнобой.

В этой связи особый интерес представляет феномен *дрейфа*. Как социальное событие в целом обычно демонстрирует «контур вовлеченности», благодаря которому все охватываемые им встречи движутся в едином направлении, так и каждая отдельная встреча может демонстрировать собственные динамические свойства, не только создавая особый мир для своих участников, но и все глубже погружая их в него. Далее я хочу рассмотреть именно это движение или дрейф индивидуальных встреч прочь от сборища в целом и его социального события.

Учитывая наличие в социальном событии различных взаимных включений — различных скоплений людей, эксклюзивно включенных в совместную беседу, игру или решение задачи, — возникает вопрос: насколько участники любого такого маленького круга могут позволять своей

взаимной вовлеченности отдалять себя от других людей в ситуации?

Вероятно, нагляднее всего проблема дрейфа проявляется в тех социальных событиях, где считается приемлемым довольно высокий уровень определенного аффекта. Скажем, если бы на свадьбе какое-либо скопление индивидов стало вести себя слишком серьезно или среди них началась ссора, это было бы неподобающим; очевидно, это противоречило бы духу события. Если бы началась ссора, нужно было бы быстро проверить, не выводит ли она данную встречу за пределы допустимой вариации. Аналогично, при посещении похорон группки людей, не включающих тех, кто непосредственно понес утрату, могут начинать тихо переговариваться, но постепенно будут становиться все более веселыми, пока их взаимодействие не станет неуместным и его не придется возвращать к сдержанному тону окружающей обстановки. Разумеется, дрейф происходит не только во время церемоний. Например, во время хирургической операции, наблюдавшейся автором, медсестры, мывшие руки в четырех раковинах перед прибытием врачей, вели непринужденную беседу, которая была ограничена областью умывальников. Однако временами их разговор становился все более громким и шумным, пока старшая сестра не подходила к умывальникам и не шикала на них⁷. Также анестезиолог и его помощник иногда начинали переговариваться шепотом, все больше отвлекаясь от события, пока не наступал момент, когда хирург или операционная сестра бросали на них удивленный, вопросительный или осуждающий взгляд поверх ширмы, отделяющей операционное поле от анестезиологического оборудования, после чего дрейфующий разговор обычно «сворачивался».

Рассматривая склонность доступных встреч к дрейфу, мы не должны забывать и об иных проблемах аффективного смещения. Во время таких событий, как вечеринки,

7 Об этом исследовании сообщается в главе «Ролевая дистанции» моей книги «Встречи».

поминки и прочие торжества, может формироваться настроение веселья, печали или уныния, которое вскоре может увести все единицы участия от начальной эмоциональной точки. (Иногда этот складывающийся контур вовлеченности может поддерживаться с помощью фармакологических средств, например алкоголя.)

Когда все встречи в ситуации начинают дрейфовать одновременно в одном направлении, они могут совместно преодолевать порог приличий, подходящих данному социальному событию. Относительно подобных случаев руководство по этикету может предостерегать, что на крещении не следует подавать горячительные напитки, которые способны превратить его в вечеринку с коктейлями⁸.

Вторая проблема такова. Когда социальное событие завладело своими участниками и все происходящее внутри него встречи сместились в сторону определенного аффекта, опоздавший к началу события может аффективно не совпадать с преобладающим настроением и испытывать трудности с намерстыванием, с «попаданием в ногу». Трезвый человек, оказывающийся в сборище уже подвыпивших людей, может сталкиваться с той же проблемой и совершать тот же проступок, что и пьяный, заявившийся на событие с еще трезвыми участниками. Особый интерес в этом плане представляют поминки, поскольку те, кто дольше всех находится на месте, будут иметь возможность «разобраться» с некоторыми своими аффективными отношениями с усопшим, при том что, скорее всего, они же являются «самыми близкими» к нему людьми и потому несут наибольшую ответственность за достойную демонстрацию горя. Опоздавший может обнаруживать среди присутствующих определенную бесчувственность, которую они, в свою очередь, могут считать себя обязанными скрывать, повторяя процесс оплакивания во время взаимного включения, происходящего, пока опоздавшего ведут к месту прощания.

8 *Fenwick. Vogue's Book of Etiquette. P. 134.*

4. Экранирование

Непростая задача поддержания связи с социальным событием при одновременной спонтанной вовлеченности в ситуативные включения часто решается с помощью искусства маскировки. Очевидно, один из важнейших экранов вовлеченности — собственно круг говорящих. В скоплениях собеседников лишь очень редко не осуществляется контроль за выражениями лица и телесными проявлениями с целью скрыть либо содержательную вялость встречи, либо неподобающий дрейф в направлении, противоречащем духу события. Поэтому протекающий в ситуации разговор обычно представляет собой что-то вроде тайного сговора против сборища в целом; таблица умножения миссис Топлофти из приведенной выше цитаты — лишь его радикальный случай. Но при этом, конечно, сама возможность того, что содержание разговора может быть экранировано от сборища в целом, снимает в определенной мере угрозу, которую могли бы представлять эти маленькие круги по отношению к более крупному и объемлющему кругу, если бы дрейф или вялость были открытыми и явными. Это позволяет понять, почему некоторые «неформальные» дружеские сборища считаются «успешными», когда каждое скопление отвлекает своих участников до такой степени, что они едва могут скрывать свою отстраненность от события.

Возможность поддержания скрытой активности в разговорах может признаваться и институционализироваться таким образом, что в одном и том же месте среди одних и тех же участников могут одновременно наблюдаться две разные фазы социального события: фаза, ограниченная несфокусированным взаимодействием, и фаза, ограниченная тем, что можно разделить на отдельные разговоры и скрыть в них. Первая фаза скорее всего будет определяться как доминирующая, а вторая — как подчиненная. Например, на Шетландском острове соседи и дальние родственники мужского пола были обязаны приходить

на похороны в благопристойной черной одежде, иногда даже — в черной шляпе, предназначенной специально для подобных случаев. Кроме того, скорбящие мужчины были обязаны стоять тихо и сдержанно за пределами дома, в котором лежал покойный. Но пока они так стояли, им разрешалось довольно оживленно болтать с другими скорбящими. Разумеется, громкость таких разговоров и наружность говорящих уважительно модулировались, чтобы соответствовать требованиям похорон, но содержание беседы двигалось в ином направлении. В некоторых случаях даже считалось дурным вкусом переходить от обсуждения обычных соседских дел к обсуждению усопшего. Пришедшие были обязаны скорбящей семье посещением и похоронным нарядом, а остальным присутствующим — светским разговором.

Экран вовлеченности, предоставляемый разговором, в некоторой мере портативен, поскольку участники могут совместно перемещаться по комнате и переносить свой разговор с собой. Возможно, важнейшим из недавно появившихся портативных экранов для встреч является автомобиль. Защита, обеспечиваемая задним сиденьем, уже стала частью общественной истории, а использование передних сидений в кинотеатрах для автомобилистов невольно превратило автомобиль в своеобразный храм под открытым небом для поклонения всем экранирующим механизмам нашего общества.

Обсуждая взаимную вовлеченность, я рассматривал ее лишь как одну из множества ситуативных вовлеченностей, как вовлеченность, в которой правила, регулирующие ситуативные вовлеченности, применяются с особой строгостью. Однако существуют различия между взаимными вовлеченностями и другими видами вовлеченностей. Прежде всего, взаимные вовлеченности, неподобающе поддерживаемые индивидом, неизбежно прямо вовлекают других; кроме того, из всех объектов вовлеченности другие индивиды являются, вероятно, наиболее привлека-

тельными и потому больше всего требующими социального контроля. Но есть и иные обстоятельства. Невключенный индивид может легко демонстрировать особый вид вовлеченности, который создает у остальных впечатление, что он находится в явно патологическом состоянии, однако такой вывод редко возможен относительно людей, вовлеченных неподобающим образом *вместе*. За исключением очень маргинального явления *folie à deux* (или *à trois*, *à quatre* и т. д.)*, считается, что пока два индивида коммуницируют друг с другом (пока они совместно участвуют во встрече), что бы они ни делали, это не оккультная деятельность, сколь бы эзотерической и непрозрачной она ни казалась. Это помогает объяснить, почему человек в компании «с» другим склонен чувствовать себя вправе на любые выходки, так как может предполагать, что его контакт с другим будет гарантировать его вменяемость в глазах зрителей⁹.

9 Похожее явление отмечалось в связи с системой координат, лежащей в основе приписывания преступного намерения (в отличие от психической болезни). Очевидно, некоторые ограбления могут интерпретироваться как игра, если их совершает группа молодых людей, но при этом считаются преступлением, если их совершает одиночный преступник.

Глава 11

Неконтролируемое участие

Участие в доступном включении не только открывает индивида для прямой лингвистической и экспрессивной коммуникации с другими участниками встречи, но и позволяет им экспрессивно сообщать что-то о нем зрителям. Пытаясь добиться определенной степени близости с потенциальными соучастниками встречи, индивид может обнаруживать, что его отталкивают или каким-то иным образом дурно с ним обходятся, так что это видно зрителям. В силу этих потенциальных рисков существуют нормы, призванные защитить индивида. Во включениях между двумя людьми соответствующие ограничения проявляются в предупредительности по отношению к другому, а в более крупных включениях — в демонстрации лояльности встрече. В обоих случаях мы имеем дело с обязанностью участника оставаться в пределах «его» включения.

1. Отвлечение внимания

Одна из форм контроля заключается в обязанности участников не обращать внимания на вещи, происходящие за пределами включения. Действие этой нормы можно прояснить, рассмотрев различные контексты, в которых ее не придерживаются.

Кратковременные формы небольшого снижения привязанности наблюдаются постоянно, например, когда индивид на мгновение отворачивается, чтобы посмотреть, кто вошел в ситуацию, или чтобы найти подходящий стул,

выражая с помощью своих манер и искусства экранирования вовлеченности, что мысленно он все еще привязан к включению. Когда индивиды не должны беспокоиться о небольших отключениях внимания друг друга в силу длительного знакомства и близости — как в случае некоторых семейных пар, — один участник может поддерживать целостность включения, в то время как второй будет осматривать комнату в поисках полезной информации. Если пара ест в ресторане, который считает «хорошим», участник, сидящий спиной к прочим присутствующим, может с досадой обнаруживать, что его партнер уделяет внимание другим столикам, а не текущему разговору.

Подобная нелояльность, конечно же, может становиться чрезмерной, по стандартам среднего класса, и сообщать о разочаровании в том (или, по крайней мере, о переосмыслении того), чем индивид обычно обязан своим соучастникам. Хорошие иллюстрации можно, очевидно, найти в голливудских ресторанах, как свидетельствует описание Лиллиан Росс:

Появление Дора Шэри в ресторане Дэйва Чейзена на Беверли-Хиллз произвело фурор. Заведение, которым управлял бывший эстрадный комик, назвавший его своим именем, было популярно среди работников киноиндустрии... Все остальные посетители сосредоточили внимание на Шэри. Казалось, они глазели на кого угодно, кроме тех, с кем они сидели за одним столиком и пытались поддерживать разговор.

Шэри это ничуть не смутило... Он был практически единственным посетителем у Чейзена, который в тот момент не смотрел на кого-то другого, только не на человека, с которым беседовал¹.

Среди пациентов психиатрических лечебниц распространены более радикальные формы нелояльности; часто именно из-за подобных нарушений людей вообще признают душевнобольными. Например, я наблюдал женщину-психотика, сильно привязанную к своей матери и к своему психиатру, которая посреди разговора

1 *Lillian Ross. Picture* (New York: Holt, Rinehart & Winston, 1952). P. 19–20. См. также: p. 22, 31, 51, 116.

переключала все свое внимание на звук открывающейся больничной двери, чтобы не пропустить звук знакомых шагов. Когда ее мать или ее терапевт приближались, тело пациентки продолжало участвовать в беседе, но ее голова и интересы поворачивались в ином направлении. Спустя несколько недель, когда она начала «поправляться» после «эпизода», эта бестактность во взаимодействии постепенно сошла на нет, так что ее мать или терапевт могли проходить мимо, не вызывая *видимых* изменений у пациентки. Хотя, безусловно, эти фигуры все равно отвлекали часть ее внимания, она могла или стремилась скрывать данный факт. Та же самая пациентка во время психотического срыва играла в настольный теннис с одним человеком, одновременно открыто концентрируя свое внимание на четырех своих сверстниках, играющих рядом в бридж. В течение последующих недель, по мере «выхода» из психотического кризиса, она постепенно уделяла игре в пинг-понг все больше своего когнитивного и визуального внимания и все чаще демонстрировала во время игры вежливое невнимание к соседним включениям.

2. Пограничный сговор

Теперь я хочу рассмотреть особый тип нелояльности к включению. Во время встречи трех или более участников какое-то их подмножество может формировать побочную сцену — дополнительное включение, охватывающее не всех участников и разворачивающееся одновременно с первым, но тщательно рассчитанное так, чтобы не мешать ему слишком откровенно. Эти побочные сцены могут быть относительно открытыми, когда кажется, что они служат интересам текущего дела, — например, выступающий может тихо задавать какие-то вопросы председателствующему, прежде чем начать говорить, — или относительно тайными, когда побочная сцена явно расходится с интересами доминирующего взаимодействия. Подоб-

ное ослабление привязанности особенно распространено в больших включениях, где присутствие множества лояльных участников гарантирует поддержание доминирующего включения. Ослабление привязанности особенно опасно в кластерах из трех-четырех человек, где остающиеся лояльными участники могут быть в численном меньшинстве и подвергаться целенаправленным нападкам со стороны участников побочной сцены².

Во многих случаях в такие подчиненные побочные сцены вовлекаются лишь участники доминирующей встречи, причем вовлекаются так, чтобы не выдавать компании в целом, т. е. ситуации, что имеет место нелояльность. Я не собираюсь останавливаться на этом явлении, поскольку его вполне можно проанализировать с точки зрения одной лишь динамики самого включения³. Однако побочные сцены, некоторыми участниками которых становятся люди, официально исключенные из доминирующего включения, представляют интерес, поскольку при этом нелояльность становится видимой для зрителей, и включение, оказавшееся объектом предательства, «открывается», по крайней мере, для некоторых присутствующих не-участников.

Крайняя форма нелояльности имеет место, когда с индивидом, которому отведена роль мишени для насмешек, включаются во взаимодействие со злым умыслом, толь-

2 Можно ожидать, что если встреча должна поддерживаться индивидами, не способными использовать свои глаза для осмотра и мониторинга происходящего, становится сложно контролировать побочные сцены, предполагающие физические действия, и эти сцены начинают угрожать целостности встречи. Так, в романе о слепом человеке, написанном слепым автором (*Sidney Bigman. Second Sight* [New York: David McKay, 1959]. P. 50), мы находим описание испуга, который испытывает слепой участник включения из трех мужчин и одной женщины, когда слышит шуршание и сдавленные смешки, которые, судя по всему, не вызваны тем, о чем в данный момент говорит компания.

3 См.: *Goffman. The Presentation of Self*. P. 176–190 («Team Collusion»); *Goffman. Encounters*. P. 17–81 («Fun in Games»).

ко чтобы зачинщик мог проявить нелояльность к этому включению. Нарушитель притворяется перед объектом насмешки, что относится к нему как к соучастнику, одновременно открыто используя выстроенное подобным образом взаимодействие в качестве источника развлечения для себя и других. Вероятно, моделью здесь служит приставание к животным в зоопарке, когда индивид взаимодействует с животным, пока то неотреагирует, а затем использует реакцию животного в качестве повода для шуток между ним и вторым индивидом.

Разумеется, открытый сговор часто наблюдается в психиатрических лечебницах. Классическое описание дано Уильямом Перфектом* в 1787 году:

В году 1776 инспекторы прихода Фриндсбери обратились ко мне за советом по поводу одного маниакального больного, содержащегося в заточении в их работном доме. Несчастный был совершенно несносен и учинил множество злодеяний и бесчинств; он и так от природы был могуч и мускулист, но овладевший им недуг сделал его во сто крат сильнее. Он одолел почти всех, прежде чем его смогли запереть, что было сделано крайне необычным способом. Его приковали к полу посредством скобы и железного кольца, которое было соединено с парой кандалов на его ногах; руки его тоже сковали. Местом его заточения стал выходивший на улицу большой подвал, который порой отводили под кухню; на окнах были деревянные решетки, через отверстия в которых зеваки постоянно наблюдали за бедным маньяком, тыкали в него пальцем, насмехались над ним и всячески его дразнили, так что он сделался всеобщей забавой и диковиной⁴.

Другие иллюстрации этого явления можно найти в сообщениях современных студентов-социологов об их работе в качестве санитаров в психиатрических клиниках:

Некоторые санитары дразнят пациентов, чтобы посмеяться над их причудливыми реакциями, например дергают за ухо или шлепают по голове, чтобы вызвать приступ ярости. Иногда приставания становятся жестокими и не ограничиваются только проблемными

4 Цит. по: *Alexander Walk. Some Aspects of the «Moral Treatment» of the Insane up to 1854 // Journal of Mental Science. 1954. № 100. P. 811.*

пациентами. Санитары, занимающиеся подобными вещами, делают это, чтобы нарушить монотонность или в силу своих психологических особенностей⁵.

Мисс Курт попросила у санитарки сигарету. Санитарка ответила: «Скажи: „Пожалуйста, очень прошу“». Когда мисс Курт сказала: «Пожалуйста, очень прошу», санитарка ответил ей: «Теперь скажи два раза: „Здравствуйте, мисс Крэндэлл“», указав на другую санитарку. Мисс Курт не ответила. Санитарка, держа сигарету в поднятой руке, снова сказала: «Если скажешь два раза: „Здравствуйте, Мисс Крэндэлл“, получишь сигарету». Мисс Курт сделала как было сказано⁶.

Аналогичные взаимодействия можно было наблюдать в Центральной больнице. Например, санитар иногда брал «ручного» пациента и танцевал с ним или с ней, одновременно подмигивая⁷ всем остальным сотрудникам отделения. Веселье достигало апогея, когда пациента отпускали и санитар возвращался к остальным, теперь смеющимся сотрудникам. Можно было также видеть, как иногда не-

5 *Robert H. Willoughby*. The Attendant in the State Mental Hospital. Master's thesis (Department of Sociology, University of Chicago, 1953). P. 90.

6 *Harold Taxel*. Authority Structure in a Mental Hospital Ward. Master's thesis (Department of Sociology, University of Chicago, 1953). P. 68.

7 Подмигивание — классический инструмент создания побочной сцены в нашем обществе, но в то же время это элемент нашей идиомы вовлеченности, которым, судя по всему, пользуются все реже, о чем сокрушаются в следующей цитате из журнала «Панч» (Punch. 1962. March 28. P. 505): «...подмигивание? Безусловно, оно еще встречается в домашней обстановке, в далеких малоизученных долинах севера, в старых фарсах, разыгрываемых выдохшимися гастролирующими труппами, но как важная черта Британского Образа Жизни оно, видимо, мертво. Лукавое подмигивание дипломата, часто сопровождающееся прикладыванием пальца к носу, доверительное подмигивание комика, веселое подмигивание молодого викария, дерзко преступающего границы дозволенного на приходском собрании, многозначительное подмигивание прихлебателя, крутящегося среди букмекеров, оскорбительное подмигивание гуляки беззащитной женщине, подмигивание между финансистами, ничем не уступающее кивку, — все они исчезли из литературы и почти исчезли из жизни, которая стала от этого менее красочной и опасной и гораздо более чопорной».

большая группа пациентов окружала кого-то из молчаливых больных, избравшего тактику исполнения любых команд. Они обращались к этому безмолвному пациенту, приказывая ему совершать ряд все более непристойных действий, пока круг не взрывался хохотом.

В нашем обществе аналогичным образом часто поступают с маленькими детьми: ребенка дразнят или подстрекают ответить на вопрос, после чего спрашивающий отворачивается от него и обращается к наблюдающим взрослым, включаясь с ними во взаимодействие, концентрирующееся на ребенке как невольном источнике веселья или гордости для этих взрослых⁸.

Некоторые радикальные формы нелояльности ко включению контролируются таким образом, что мишень для насмешек даже не замечает, что с ней делают. Сама обязанность индивида во время двусторонней встречи тактично помогать своему соучастнику сохранять иллюзию, что оба желают совместно участвовать во включении, может приводить к ослаблению привязанности, которое

8 Индивид может приставать к другому индивиду не только чтобы предоставить остальным привлекательный объект для внимания. Обучая ребенка контролировать свою пылкость или вообще избавляться от нее, дразнящий может дразнить в отсутствие третьего лица. Хорошо известный пример — балийцы: «Как правило, мать будет инициировать легкий флирт с ребенком, подергивая его за пенис или иным образом побуждая его к межличностной активности. Это возбуждает ребенка, и на некоторое время устанавливается кумулятивное взаимодействие. Затем, как только ребенок при приближении к своего рода маленькому оргазму обвивает руками шею матери, ее внимание рассеивается. В этот момент ребенок, как правило, начинает альтернативное кумулятивное взаимодействие, нацеленное на активизацию настроения. Мать или выполняет роль наблюдателя, наслаждаясь всплеском эмоций у ребенка, или, если тот и в самом деле действует наступательно, отражает его атаку, но без всякого проявления гнева» (*Грегори Бейтсон*. Бали: ценностная система устойчивого состояния / Пер. с англ. Владимира Николаева // *Любовь Мостова* [ред.]. Антология исследований культуры: символическое поле культуры [Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2011]. С. 155).

будет тщательно скрываться от другого, но иногда — только от него одного. Так, когда один участник полагает, что публично присоединиться к другому в рамках каких-либо особых отношений ниже его достоинства, этот недовольный участник может тайно передразнивать другого перед собравшейся компанией или каким-то иным образом сообщать им, что данную встречу не стоит принимать всерьез. Во время танцев на Шетландском острове я иногда видел, как девушка поддерживает право любого мужчины на танец, принимая предложение от пьяного либо калечного мужчины или от незнакомого иностранного моряка, но как только она оказывалась в его руках, она сообщала жестами кругу людей за его спиной, что данное танцевальное включение — лишь шалость и что судить о ней по нему не следует. В нашем обществе рассказывают предостерегающие истории о танцах в колледжах или старших школах, во время которых парень, желающий избавиться от девушки, с которой вынужден танцевать, держит банкноту в один доллар за ее спиной, пока они движутся мимо ряда одиноких парней, в качестве молчаливой, но красноречивой взятки кому-то из них за «вступление в игру». Безусловно, возможность такого рода «продажи» является одним из факторов социального контроля, побуждающих индивида воздерживаться от включений, в которых его соучастники могут быть нелояльны к нему.

3. Сцены

Должно быть ясно, что неспособность участников включения контролировать свою активность может приводить не только к предательству со стороны кого-то одного или нескольких из них, но и к тому, что содержание включения и чувство, возникающее в его процессе, выплеснутся в ситуацию в целом. В такие моменты зрители могут приостанавливать свои вовлеченности, что сильно затрудняет возможность продолжать уделять вежливое невнимание встрече, вышедшей из-под контроля.

Примером такой вдвойне оскорбительной нелояльности выступает происходящее во время того, что иногда называют «сценами». В этом случае индивид, который должен оставаться внутри включения, может обращаться к тем, кто находится вне его, настойчиво привлекая их внимание, даже если обращение обусловлено специфической проблемой, возникшей в изначальном включении. Так, согласно сестринским записям, одна пара пациентов, которых я изучал, во время поездки в автобусе под надзором медсестры начинала спорить друг с другом и вскоре «открывала встречу» для всех пассажиров, привлекая их на обе стороны ссоры. В районах проживания низшего класса женщина, которую ударил на улице ее спутник-мужчина, может аналогичным образом напрямую обращаться к окружающим за помощью, тем самым вынуждая их принять участие в происходящем. Возмущение, вызываемое таким разрывом границ включения, дает нам ясное представление о том, что именно предотвращают правила публичного поведения. В своих крайних проявлениях сцена может разрушать любую конвенциональную замкнутость, разделяющую включения и невключенных индивидов в ситуации, предоставляя пример всеохватывающего включения, которого никто не ожидал или не желал.

То, что зрители могут хотеть или считать себя обязанными оставаться вне доступной встречи, делает возможной своеобразную полусцену, когда участники встречи говорят достаточно громко и выразительно, чтобы их мог расслышать посторонний, но модулируют свою речь так, чтобы предоставить ему небольшую возможность проигнорировать их. Для описания этого явления иногда применяют термины «брюзжание», «ворчание» и «сценический шепот». Так, две леди средних лет, сидящие у стойки аптеки в ожидании своих утренних сэндвичей, могут, получив их и сочтя начинку недостаточной, нарочито поднимать ломти хлеба и жаловаться друг другу таким тоном, чтобы продавщица наверняка могла их услы-

шать. (Как отмечалось выше, контрмерой в данном случае будет попытка индивида, на которого направлено недовольство, прямо ратифицировать приглушенный комментарий в качестве сообщения, формально адресованного ему, например с помощью фразы «Вы что-то сказали?».)

Индивид может не только «изменять» встрече, участником которой он все еще является, и покидать ее, раскрывая для ситуации в целом чувство, господствующее внутри встречи. Уход участника может не давать остающимся во встрече шанса собраться, а уходящий может отказываться ослаблять и приглушать аффект, вызванный у него участием во включении. Чтобы уход не приводил к разоблачению, обычно предпринимается короткая церемония прощания.

Ожидание того, что уходящий вернется к тону и темпу, преобладающим в сборище в целом, становится очевидным, когда индивид не организует свой уход подобным образом. Среди детей, оперных звезд, психически больных и прочих персон, имеющих привилегированное право демонстрировать свой темперамент, можно наблюдать особую скоротечную сцену, когда они, внезапно покидая включение, медленно или стремительно уходят из него и часто — из ситуации, оставляя за собой шлейф аффекта, материально обозначаемого громко захлопнутой дверью и опрокинутым стулом.

Но следует отметить, что от уходящего также ожидается демонстрация в ситуации в целом хотя бы некоторых следов его недавнего участия, некоторых остаточных, хотя и затухающих, признаков воодушевления, вызванного у него встречей; если он этого не делает, он разоблачает встречу как встречу, которая не смогла его затронуть⁹.

Очевидно, аффективная дезорганизация особенно вероятна, когда уходящий покидает то, что первоначально было включением лишь между двумя людьми. В таких случаях остающийся, которому больше не с кем поделиться

9 Идея предложена Харви Саксом.

заготовленным ответом и который продолжает быть глубоко вовлеченным в уже не существующую встречу, оказывается в слабой позиции, вынуждающей его подстраивать свой аффект под аффект, преобладающий в ситуации в целом. Разумеется, данной возможностью можно злоупотреблять. Например, согласно сестринским записям, один из наблюдавшихся мной пациентов, который, судя по всему, прекрасно знал, каким образом разрушать социальные обстоятельства, покидал магазин с пакетом, уплатив продавцу всю необходимую сумму, за исключением одного-двух центов, тем самым оставляя продавца в положении, в котором тот не мог ни прекратить свою вовлеченность во встречу, ни продолжать исполнять свою роль в ней.

4. Дезертирство

Я сказал, что индивид может предавать свою встречу, либо вступая в сговор против нее в рамках побочных сцен, либо внезапно покидая ее. Но есть еще одна возможность, которая особенно важна для того вида ухода, который тоже ведет к прекращению включения. Уход, как уже было сказано, представляет собой физическое действие, хорошо подходящее для выражения неприязни к тем, от кого уходят. В случае включений между двумя людьми остающийся не только становится доступен в качестве мишени подобного вывода, но и волей-неволей оказывается невключенным — а во время некоторых социальных событий такое состояние может представлять угрозу не только для невключенного индивида, но и для тех, кто управляет событием.

Возможно, наиболее известная иллюстрация данной проблемы — та предупредительность в отношении покидания встречи, которая связана с «застреванием» во время вечеринок. Девушка, остающаяся на вечеринке без танца или без собеседника, производит впечатление человека, с которым не хотят общаться (и к тому же, выставля-

ет саму вечеринку событием, не способным увлечь своих участников). Поэтому часто существуют правила, запрещающие мужчине бросать партнершу (независимо от того, как долго он находится с ней), если это приведет к тому, что она предстанет перед сборищем невключенной. Теоретически, в «обществе» мужчина должен дожидаться официально санкционированного повода освободиться от партнерши: он должен доставить женщину к желательной единице участия, в особенности — к другому мужчине, открыто ищущему возможности с ней пообщаться¹⁰. Однако даже в этом случае социальная задача освободившегося может быть не решена окончательно:

Если вы беседуете с леди с обыкновенным безразличием, подобающим простому знакомству, и лишь ждете, пока подойдет кто-то еще, чтобы покинуть ее, вы не должны уходить сразу же, как появится другой, потому что это будет выглядеть так, словно вы только того и ждали; вы должны задержаться на несколько мгновений и лишь затем удалиться¹¹.

Сталкиваясь со столь непростой обязанностью, оставляющий может изобретать различные стратегии снижения потенциальной оскорбительности своего ухода. В наши дни на неформальных вечеринках человек, оказавшийся «запертым» во встрече, может использовать в качестве повода для тактичного ухода желание взять новую порцию выпивки.

Более распространенная тактика — положиться на негласную кооперацию той, кого оставляют; она должна следить за намеками и подсказками и следовать им. Пример приводится в книге по этикету, и он вновь касается защиты, которую должен предоставить девушке парень, «застрявший» с ней во время танцев. Хотя он должен

¹⁰ На публичных танцах для низших средних и низших классов обязательства мужчины перед его нынешней партнершей могут не простираются дальше того, чтобы проводить ее обратно на женскую часть зала; однако неспешная обратная прогулка с женщиной защищает ее больше, чем прогулка быстрым шагом.

¹¹ *Anonymous*. The Canons of Good Breeding. P. 68–69.

быть готов танцевать немного дольше, чем ему хотелось бы, или даже — пока его официально не освободит другой мужчина, женщина должна сама прийти на выручку спустя некоторое время:

Первый мудрый шаг — признать, что вы достаточно долго танцевали с одним партнером и что он, возможно, хочет сменить партнершу. Женщина, висящая на партнере часами, выглядит жалко и не скоро сможет вновь потанцевать с ним. За отсутствием прекрасного убежища в виде стола или группы друзей, она должна предложить покинуть площадку сразу же, как только станет понятно, что есть шанс «застрять». Классическая фраза для этого: «Здесь так жарко. Не хотите чего-нибудь выпить?» или «Давайте присядем на минутку». Уйдя с площадки, она и ее партнер должны присоединиться к группе друзей — лучше к группе, чем к паре, — пока к ней не подойдет и не заговорит другой мужчина, так что ее партнер сможет удалиться¹².

Тактичную работу уходящего и остающегося иногда облегчает человек, отвечающий за порядок во время события; это «должностное лицо» может предоставлять другим дипломатичные средства для тактичного ухода. Например, мудрая хозяйка, понимающая, что гость может использовать чашу для пунша в качестве средства переключения между встречами, может распорядиться поставить выпивки и еду на дальнем столе¹³. Но, безусловно, действия хозяйки могут быть и более прямыми: она может сама вторгаться в те разговорные скопления, участники которых, по ее мнению, «застряли». Как говорится в книге по этикету:

Некоторые разговоры тет-а-тет прекращаются сами собой, если у гостей есть чувство такта и опыт, достаточные, чтобы не стоять на одном месте и держаться самостоятельно. Но очень часто необходимо вмешательство хозяйки. Собственно, если беседа тет-а-тет не выглядит особенно оживленной и веселой, и хозяйка не уверена, что оба гостя наслаждаются компанией друг друга, она должна время от времени менять комбинации¹⁴.

12 *Fenwick. Vogue's Book of Etiquette. P. 79.*

13 Идея предложена Сьюзан Ирвин*.

14 *Fenwick. Vogue's Book of Etiquette. P. 441.*

То же самое касается партнеров, которые слишком долго танцуют друг с другом. Здесь хозяйка может позаботиться о том, чтобы присутствовали мужчины (часто — родственники семьи), которые будут добровольно участвовать в «дежурных» танцах, а также осуществлять прочие неотложные спасательные операции. Традиционная роль привратника представляет собой формализацию этой функции, дающей мужчинам, профессиональным знаком которых выступает белая бутоньерка, право и обязанность поддерживать «циркуляцию» партнеров¹⁵.

15 *Post. Etiquette*. P. 322—323.

Часть V

ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Структура и функция ситуационных приличий

Я сказал, что поведением индивида в ситуации руководят социальные ценности или нормы, связанные с вовлеченностью. Эти правила регулируют интенсивность его вовлеченностей, их разделение между возможными главными и побочными видами деятельности и, что важно, их тенденцию побуждать его ко включению во взаимодействие со всеми, некоторыми или никем из присутствующих. Следовательно, существуют шаблоны разделения или *распределения* вовлеченности индивида. С точки зрения ситуации в целом, мы можем связать распределение вовлеченности каждого отдельного участника с распределением вовлеченности, поддерживаемым любым другим участником, тем самым составив шаблон, который можно описать в качестве *структуры вовлеченности в ситуацию*. (И как мы говорим о *реальных* распределениях и структурах вовлеченности, точно так же мы можем подходить к вопросу с нормативной точки зрения и говорить о *предписываемых* распределениях и структурах вовлеченности.) Поскольку форма и разделение вовлеченности заключают в себе некоторый аспект всего, что происходит внутри ситуации, мы, вероятно, можем говорить о структуре ситуации. Во всяком случае, если мы хотим описать поведение на заднем дворе или на уличном рынке, игру в бридж, введение в должность или службу в ривайвелистской церкви*, было бы разумно использовать в качестве одной из систем координат структуру вовлеченности в эти ситуации.

Рассмотрим кратко описанные типы ситуационных приличий и исполняемые ими социальные функции.

Правила, касающиеся доступа к ограниченной области, и почтение, которое должно оказываться ее границам, представляют собой, очевидно, правила уважения к сборищу. Нормы, запрещающие внешние увлечения, «оккультные» вовлеченности и определенные формы «отрешенности», гарантируют, что индивид не будет отдаваться чему-либо за пределами ситуации. Нормы, запрещающие главные вовлеченности, не продиктованные событием, или обременительные побочные вовлеченности (особенно, когда первые или вторые представляют собой автововлеченности), судя по всему, гарантируют, что индивид не будет откалываться и заниматься вещами, включающими только его одного; нормы, запрещающие интенсивную взаимную вовлеченность, предоставляют такие же гарантии относительно поведения какого-либо подмножества присутствующих. Словом, интересы шире или уже тех, которых могут придерживаться все участники сборища в целом, урезаются, а на формы эмиграции в себя, которые могут осуществляться без изменения своего физического положения, накладываются ограничения. Будучи вынужденным подобным образом ограничивать свои вовлеченности за пределами ситуации, а также откалывающиеся вовлеченности внутри ситуации, индивид волей-неволей демонстрирует, что какая-то его часть зарезервирована за оставшимся, а именно за той маленькой системой регулируемой социальной жизни, которая совместно и эксклюзивно поддерживается всеми участниками ситуации в целом (ситуация здесь представляет собой целостность, примерно совпадающую с участком, внутри которого регулирование вовлеченности индивидом доступно для наблюдения). Однако мы знаем, что сборище и поддерживаемая им в данный момент совместная жизнь — лишь проявление, видимая фаза социального события, в пределах которого протекает ситуация. Поэтому нарушать ситуационные приличия — значит неподобающе обращаться с тем, чем участник обязан социальному событию.

К аналогичным результатам мы приходим, когда вместо ограничений, влияющих на выбор объекта вовлеченности, рассматриваем ограничения, определяющие способ обращения индивида с самим собой. Поддерживая публичную ориентацию своего лица и надлежащую организацию более материальных аспектов своего внешнего вида, индивид выказывает себя человеком, готовым к социальному взаимодействию в ситуации. Предотвращая прорывы естества и контролируя интенсивность вовлеченности, он гарантирует, что готов к любому событию в пределах ситуации, и что он учитывает данные возможности. Запрещая себе слишком углубляться в ситуативную задачу, он сохраняет готовность быстро реагировать на ситуацию. Всеми этими средствами индивид показывает, что он «в игре» в ситуации, чуток к заключенному в ней сборищу, ориентируется в ней, готов и открыт для любого возможного взаимодействия.

Похожая картина наблюдается, когда мы обращаемся к некоторым нормам, относящимся к потоку доступных включений, особенно во время таких социальных событий, как вечеринки. Запреты на неподобающие формы вовлеченности в других людей — это запреты на совместное уклонение от сборища и охватывающего его социального события. Часто запреты, направленные против нелояльности к встречам, представляют собой также запреты на вмешательство зрителей — лиц, предположительно сохраняющих надлежащее почтение к социальному событию. Правила, обязывающие отдаваться взаимным включениям, диктуемым событием, и правила, запрещающие исключать вежливых новичков, — это правила, гарантирующие, что событие в целом будет предоставлять основания для вовлеченности. Сохраняя свою доступность для всех присутствующих, индивид показывает, что сборище само по себе достаточно значимо, чтобы гарантировать, что любой участник, в силу одного лишь факта своего участия, имеет право получать внимание любого другого участника и обязан уделять внимание ему. Лояльность,

сдержанность, рассредоточение, дрейф — все это вещи, имеющие основополагающее значение для организации как доступных включений, так и круга зрителей, в котором они имеют место. Эти вещи сложно даже просто описать, не указав исполняемую ими функцию поддержки сборища в целом и стоящего за ним социального события.

Ограничения, налагаемые на объекты вовлеченности, на способы управления своими вовлеченностями и (посредством этого) на управление доступными включениями, в совокупности доказывают значимость и реальность «ситуации». Есть соблазн обобщить все это, сказав, что индивид обязан демонстрировать вовлеченность в ситуацию посредством модуляции своих вовлеченностей *внутри* ситуации. Но это значило бы поступиться точностью. Во-первых, о том, чем индивид обязан сборищу, сообщается посредством надлежащей модуляции ситуативных вовлеченностей. Однако таким образом сообщается не о «вовлеченности», а, скорее, об уважении и почтении к объекту привязанности и принадлежности. В центре находится проявляемая индивидом забота, демонстрирующая, что он является частью того, о чем заботится. Во-вторых, ситуация, как она определяется в данном исследовании, представляет собой лишь среду коммуникативных возможностей, а не что-то, к чему индивид может привязываться. Анализируемое здесь маленькое общество — это общество сборища в ситуации, а имеющуюся внутри нее маленькую социальную систему составляют действия, осуществляемые в соответствии с нормами ситуационных приличий. Наконец, тем, чем индивид обязан сборищу, он обязан социальному событию, в пределах которого происходит сборище; совместная социальная жизнь, поддерживаемая сборищем, представляет собой воплощение события.

Таким образом, ситуационные приличия наделяют плотью совместную социальную жизнь, поддерживаемую сборищем, и превращают сборище из простой совокупности присутствующих индивидов в нечто вроде малень-

кой социальной группы, в самостоятельную социальную реальность. Но за этой социальной функцией скрываются и другие.

Когда возникает ситуация, взаимная доступность телесных знаков — не единственное обстоятельство, с которым сталкиваются присутствующие. Как уже было сказано, каждый становится потенциальной жертвой или агрессором в рамках потенциально насильственных межличностных действий, таких как физическое или сексуальное нападение, блокирование пути и т. д. Кроме того, каждый присутствующий имеет возможность обратиться к другим или стать объектом их обращения с целью инициации разговора — совместного разговорного включения. В этом тоже таятся опасности, поскольку когда люди объединяются подобным образом, они могут приказывать друг другу, просить друг друга, оскорблять друг друга, говорить друг другу комплименты, информировать и дезинформировать друг друга, восприниматься (другими) человеком, с которым можно на «ты», и т. п. Кроме того, когда включение поддерживается в присутствии зрителей, участники делают себя открытыми для подслушивания и вмешательства, а зрители становятся легко подвержены нежелательным отвлечениям.

Хотя, вероятно, все эти многочисленные опасности нахождения в присутствии других становятся реальностью не так уж часто, особенно в обществе среднего класса, подобная возможность всегда есть. Поэтому посредством телесных знаков присутствующие показывают друг другу, что им можно доверять и что они не собираются злоупотреблять этими угрожающими возможностями. Только когда такие знаки получены, индивид может чувствовать себя в достаточной безопасности, чтобы забывать о самозащите и предаваться сугубо ситуативным аспектам своих вовлеченностей. Поэтому, нарушая приличия, индивид не только выражает неуважение к сборищу, но и заставляет остальных присутствующих испытывать, обоснованно

или нет, страх за свою физическую и социальную неприкосновенность.

Это, кстати, одна из причин, по которой социальные ситуации и их сборища достойны изучения, даже отдельно от охватывающего их социального события. Обычно ситуации считаются тесно связанными с конкретной институциональной обстановкой, в которой они протекают, а эти обстановки кажутся настолько разнообразными, что возможность выделения ситуаций и их сборищ в качестве самостоятельного предмета изучения представляется сомнительной. Однако только в ситуациях индивиды могут становиться объектом физического нападения, только в ситуациях к ним могут приставать с просьбой о разговоре и только в ситуациях выходки зрителей могут отвлекать их от бесед и прочих вовлеченностей. Именно в ситуациях люди сталкиваются и имеют дело с подобными формами доступности. И когда они сталкиваются и имеют дело с подобными формами доступности, социальная жизнь, поддерживаемая в ситуациях, приобретает отличительный характер, безотносительно к уникальности более широкого контекста социальной жизни, в котором укоренено и выражением которого служит каждое сборище.

Глава 13

Строгость и раскрепощенность

Я попытался описать некоторые нормы, которым подчиняются вовлеченности, поддерживаемые *внутри* ситуации, и которые побуждают демонстрировать почтение и уважение к сборищу в ситуации. При этом неявно утверждалось, что каждая из этих норм является общей структурной характеристикой сборищ (когда сборища рассматриваются как естественный класс социальных единиц), доказательством чего служит не только разнообразие средств манифестации приверженности конкретной норме, но и огромное разнообразие ситуаций, в которых эта норма применяется.

В некоторых случаях указывался континуум, относящийся к той или иной норме. На одном полюсе я помещал ситуации, в которых норма почти не принуждала участников демонстрировать свое почтение к сборищу; на другом полюсе я помещал ситуации, в которых значительная часть этого ситуационного почтения была обязательной. Очевидно, можно найти ситуации, иллюстрирующие многие аспекты вовлеченности, близкие к первому полюсу. В нашем обществе примером служит парк летним воскресным днем. Здесь индивид может демонстрировать редуцированное ситуационное «присутствие», прилюдно ослабляя узел на галстуке и снимая ботинки, предаваясь дреме, нося рваную или помятую одежду либо меньше заботясь о том, чтобы скрыть отрыжку. Здесь он также может позволить себе некоторую долю невовлеченности, полностью отдаваясь таким ролям, как игрок на третьей базе или принимающий. Отношение к себе распространя-

ется и на отношение к объектам вовлеченности: в парке он может интенсивно включаться в открытые взаимные вовлеченности, ссорясь, предаваясь любовным ласкам (до определенной степени) или крича приближающемуся приятелю; он может погружаться в автововлеченность, например: доставать серу из уха, есть приготовленную курицу из корзинки для пикника или массировать мышцу на ноге; он может сидеть в ленивой позе, явно ничем не занимаясь, пребывать в глубокой задумчивости и даже меньше обычного беспокоиться о том, чтобы его не сочли занятым чем-то оккультным.

Есть противоположные социальные ситуации, вроде тех, что возникают во время церемонии вступления в официальную должность, которые представляют собой сцены, лишь частично допускающие или вообще не допускающие не ориентированные ситуационно действия. В этом случае каждый присутствующий может быть обязан постоянно демонстрировать ориентацию на сборище в целом и преданность духу события, выражаемую всеми предложенными способами.

Таким образом, вероятно, существует единый всеохватывающий континуум или ось, вдоль которой располагаются разные формы социальной жизни в ситуациях в зависимости от того, насколько индивид принуждается к использованию различных способов выражения почтения к сборищу и к его социальному событию. Поэтому, например, можно вполне обоснованно подозревать, что если управляющий ресторана или хозяин вечеринки предоставляет присутствующим шахматную доску, позволяя двум игрокам и кругу зрителей войти в состояние, напоминающее совместную фугу, скорее всего, будут разрешаться и прочие ситуационные вовлеченности.

В обиходном языке для обозначения этой центральной оси ситуационной регуляции иногда используются термины «формальность» и «неформальность». Здесь их тоже можно использовать, если мы не будем забывать, что эти термины обычно заставляют слишком сильно фокусиро-

ваться на типе одежды, на степени, в которой последовательность действий в ходе социального события заранее кодифицирована и тщательно прописана, и на диапазоне разрешенных видов активности. Термины «строгий» и «раскрепощенный» более описательны и придают равный вес различным способам демонстрации преданности социальному событию. В любом случае, когда этот обобщающий континуум определен, следует тщательно избегать присущей здравому смыслу тенденции «объяснять» или трактовать конкретные аспекты шаблона, ссылаясь на шаблон в целом. В худшем случае подобные объяснения тавтологичны; в лучшем случае они подменяют предмет объяснения — вместо конкретного элемента объясняется шаблон, частью которого этот элемент является.

Сказанное ранее о каждой из форм регулирования вовлеченности можно, вероятно, повторить теперь по поводу общего измерения строгость—раскрепощенность. По сути, это был бы еще один способ описать структуру вовлеченности.

Например, в разных сообществах один и тот же тип социальной обстановки будет определяться по-разному в плане строгости. Скажем, в Париже улицы определяются, судя по всему, как более раскрепощенные места, чем в Британии или Америке. На многих парижских улицах можно по дороге с работы или на работу есть хлеб, откусывая прямо от батона, что-то горячо обсуждать на ходу, плотно обедать за столиком в открытом кафе, ожидать, что никто не будет удивляться вычурно одетым людям, и т. д. В англо-американском обществе подобную степень раскрепощенности можно встретить только на летних курортах. (Во всяком случае, американцы склонны считать Францию и летние курорты местами отдыха по одной и той же причине: там многие публичные собрания требуют меньшей привязанности и почтения, позволяя легче предаваться личным или межличностным занятиям.) Аналогично, во многих англо-американских сообществах от учителя ожидается, что во время уроков он будет

полностью ориентироваться в ситуации и на ситуацию, тогда как о сельской общине на юге Италии мы узнаём, что «учителя нередко опаздывают к началу занятий и могут провести утро, куря сигарету и задумчиво глядя в окно»¹. От наших студентов университетов ожидается, что они будут выказывать значительное «почтение» основному фокусу внимания аудитории, что побудило одного автора следующим образом охарактеризовать их индийских соратников:

Лекционные залы, в которых занимаются индийские студенты и аспиранты, получающие степени магистра искусств и бакалавра права, часто исполнены беспорядка — не обязательно организованного буйства, которое привлекает озабоченное внимание президента республики, премьер-министра, губернаторов и главных министров штатов, журналистов, университетской комиссии по субсидиям, ректоров, гандистских социальных работников и т. д., но случайного индивидуального беспорядка шаркающих ног, громких разговоров, передаваемых записок и жестов робкой бравады².

Кроме того, можно обнаружить различия между похожими сборищами в одной и той же стране и даже в одной и той же части страны. Например, во многих географических регионах Америки можно обнаружить континуум формальности в одежде, требуемой от мужчин, посещающих закусочные. В некоторые заведения до сих пор не пускают без смокинга. Следом идут заведения, настаивающие на наличии, как минимум, галстука и пиджака; в них может быть запас галстуков для тех потенциальных посетителей, которые приходят в недостаточно формальной одежде. В тех же самых географических регионах на летних курортах можно встретить заведения, на входе в которые вывешены правила, требующие надевать футболки к плавкам, что позволяет данным заведениям отделять себя от предельно неформальных пляжных за-

1 *Edward C. Banfield*. The Moral Basis of a Backward Society. Unpublished manuscript. P. V-7.

2 *Edward Shils*. Indian Students: Rather Sadhus than Philistines // *Encounter*. 1961. Vol. 17. № 3. P. 13.

ведений в нашем обществе, в которых позволено есть, выпивать и танцевать даже босым мужчинам в плавках. Кстати, здесь можно отметить, что в разных обществах существуют свои пределы строгости и раскрепощенности, и эти пределы меняются с течением времени. Несмотря на ряд недавних попыток вернуть помпезность в американскую жизнь, максимально формальные вечерние наряды используются все реже, а поводов, по которым подобает надевать украшения, вроде тиар с драгоценными камнями, сегодня практически не осталось.

Любое общественное учреждение, вероятно, будет демонстрировать поучительную вариативность требований в отношении строгости или формальности в зависимости от времени и места. В Центральной больнице, например, санитары говорили, что они должны быть при галстукке и «выглядеть опрятно», т. е. ситуационно ориентированными, только когда они находятся на той половине больничного комплекса, где располагались административные здания. Во время ночных смен, когда доктора и сестры отсутствуют, санитары давали лекарства, не утруждая себя даже тем, чтобы достать сигарету изо рта, и принимали вальяжные позы, когда сидели или стояли³.

Система отделений, составляющая ядро социальной структуры психиатрических лечебниц, тоже может быть описана с точки зрения правил вовлеченности — «плохими» считаются отделения, где строгая ситуационная ориентация почти не требуется; «хорошими» отделениями или отделениями с выздоравливающими считаются те, где требуется гораздо больше демонстраций почтения к сборищу⁴. По-разному в плане строгости определялись

3 О расслабленности во время ночных смен сообщалось в нескольких исследованиях. См., например: *Seymour Martin Lipset, Martin A. Trow, James S. Coleman. Union Democracy: The Internal Politics of the International Typographical Union* (New York: Free Press, 1956). Р. 139.

4 С другой стороны, «хорошие» отделения — это отделения, где доступны иные виды привилегий, а «плохие» — те, где они не-

и коммунальные институты Центральной больницы. В огромной столовой на 300 человек, в которой питались 900 мужчин из хронического отделения, не запрещалось принимать пищу в шляпе; по своей атмосфере это место напоминало железнодорожный вокзал. Однако в Доме Красного креста (где была большая гостиная, она же танцевальный зал), сотрудники полагали, что пациенты должны проявлять определенное «уважение» к месту и вести себя как дома. Вывешенные объявления, громкие коллективные обращения и прочие предписания гласили, что запрещается ходить в шляпах, плевать, бросать мусор на пол и «баловаться»⁵.

Наряду с различиями между ситуациями в том, что касается строгости поведения в них, существуют, конечно же, различия между разными ролями, сохраняющиеся на протяжении ряда ситуаций. На одном полюсе мы имеем психически больного пациента в хроническом отделении, который еще не решил попытаться выбраться оттуда с помощью хорошего поведения. Он может считать, что заслужил и заплатил за право действовать раскрепощенно и теперь вполне может им пользоваться. Тем самым он играет

доступны. Когда персонал использует эти ярлыки, он часто имеет в виду различия в ситуационных приличиях; пациенты же, напротив, обычно подразумевают сугубо ситуативный компонент привилегий в отделении. Таким образом, один и тот же термин, относящийся к одному и тому же отделению, обозначает разные вещи для двух уровней в статусной иерархии. Можно добавить, что в целом, судя по всему, в основе деятельности психиатрических лечебниц лежат квоты привилегий: пациент, требующий ситуационной свободы, должен пожертвовать сугубо ситуативным компонентом привилегии, и в той мере, в какой он желает получить ее, должен быть готов «вести себя правильно».

- 5 Понимание того, что некоторые из этих контролирующих факторов встроены в поведенческую среду, приближает нас к объяснению того, почему некоторые психически больные пациенты могут резко идти на поправку, если их перевести в отделение «лучше», но мы не можем столь же легко установить, какой объем нового человеческого материала способна принять среда, не утратив сложившуюся в ней структуру вовлеченности.

роль «человека с причудливыми вовлеченностями» и, как говорилось выше, получает вместе с детьми, стариками, бездомными и богемой особую свободу, сопровождающуюся ожиданием того, что часто он будет небрежен по отношению к ситуационным обязательствам. На другом полюсе находятся высшие чины церкви и армии, величественность которых воплощается в их униформе и которые предпочитают сборища, достаточно строгие, чтобы им отдавали честь.

Здесь, кстати, обнаруживается очень распространенное в американском обществе различие между мужчинами из среднего и низшего классов. Работающие без галстука, в одежде, о чистоте которой они не должны заботиться, могут позволять себе соприкасаться с окружающей физической средой и позволять ей соприкасаться с ними. «Неформальность» их одежды — один из элементов комплекса, в основе которого лежит понимание того, что этим людям не нужно поддерживать строгую ориентацию в публичных социальных ситуациях. Ожидая автобуса или беседуя с другом на улице, они могут вальяжно стоять, прислоняться к зданию или садиться на любой заместитель сиденья, тем самым демонстрируя раскрепощенность ориентации на сборище, соответствующую предписанной им роли⁶. То, что их одежда допускает это, является в равной мере как следствием, так и причиной их ситуационной ориентации. (Предельный случай — человек, вроде трубочиста или шахтера, который может пачкать окружающую среду и поэтому будет иметь особые основания для осмотрительности.) Представители среднего класса, напротив, обязаны сохранять в публичных местах относительно более прямую осанку и малоподвижность и быть относительно более готовыми к участию во взаимодействии. То, что их шаблоны одежды и чистоты несовместимы со слишком близким знакомством с физической

6 Хорошие фотоснимки, иллюстрирующие такой способ использования среды, можно увидеть в: *Ruesch, Kees. Nonverbal Communication*. P. 53, 58, 70.

средой улицы, является, опять же, в той же мере следствием, в какой и причиной их уровня ориентационной дисциплины. Люди, облаченные в строгий наряд, могут, конечно, выражать слабый интерес к сборищу, но, в отличие от одетых неформально, они, судя по всему, склонны делать это посредством сравнительно более тонких намеков.

Поскольку очень старым и очень юным предоставляется особая свобода в отношении правил вовлеченности, можно задаться вопросом, не различаются ли в данном отношении, по крайней мере в американском обществе, мужской и женский пол. Некоторые данные говорят о том, что в целом женщин определяют строже, чем мужчин. По крайней мере, существует популярное мнение, что туалет женщины занимает больше времени, чем туалет мужчины, и что тем самым презентабельность женщины требует больших усилий, чем презентабельность мужчины. Точно так же мужчина, появившийся на улице непричесанным, с ослабленным галстуком и сигаретой, свисающей из рта, кажется наносящим меньшее оскорбление публичной благопристойности, чем аналогично небрежная женщина⁷. При этом, разумеется, женщин иногда определяют как

7 Возможность того, что женщин определяют строже, чем мужчин, время от времени обсуждалась в литературе о пьянстве. Лемерт (*Edwin M. Lemert. Social Pathology* [New York: McGraw-Hill, 1951]. P. 353) пишет: «Пьянство женщины бросается в глаза гораздо сильнее, чем пьянство мужчины, что можно связать с символическими качествами пьянства и опьянения среди женщин в прошлом, когда пьянство обычно символизировало проститутку и потаскух. Отсутствие длительного опыта пьянства у женщин в Америке может объяснять большую утрату ими контроля в состоянии опьянения. Еще одна возможность, которую следует учитывать, — то, что у женщин при первом чрезмерном приеме алкоголя координация нарушается гораздо серьезнее, в результате чего их внешнее поведение становится более явно дезорганизованным. Визгливый и резкий смех пьяной женщины часто сообщает о ее поведении быстрее, чем в случае мужчины. Считается, что женщины более опрятны, чисты и взыскательны в своем наряде, чем противоположный пол, поэтому небрежность в одежде, вызванная пьянством, тоже более четко указывает на их состояние».

созданий, от которых не ожидается, что они будут полноценными участниками публичных соборщ, в силу чего они могут порой предаваться чрезмерно обременительным побочным вовлеченностям, вроде вязания, демонстрируя этим, что они не так уж глубоко погружены в диктуемую событием главную вовлеченность. Сегодня также становится все больше полупубличных ситуаций, в которых молодая женщина может осмелиться снять туфли, тогда как мужчина в подобной обстановке не сможет этого сделать; впрочем, возможно, это лишь признак того, что в случае женщин строгость ориентации распространяется выше туфель и что нога, покрытая лишь нейлоном, уже почти достаточно презентабельна для безопасной публичной демонстрации.

Говорить об общем уровне строгости или раскрепощенности, присущем роли, значит допускать возможность социальной ригидности, т. е. что индивид может быть изначально не способен вписываться в некоторые социальные соборща, одни из которых определяются, по его меркам, слишком раскрепощенно, а другие — слишком строго. Соответственно, такой индивид будет стараться демонстрировать отчуждение от соборщ, к неприемлемой вовлеченности в которые его принуждает роль, и порой даже будет вынужден проявлять подобное отчуждение, когда ему этого не хочется.

В данном контексте стоит рассмотреть связь работы и одежды с проблемой вписывания в соборще. Определенная одежда, например та, которую носят водолазы или рыбаки, неразрывно соотносится с текущей задачей. Подобные персональные фасады вряд ли могут исполнять свою роль за пределами профессиональных ситуаций, как и их носитель, пока он не сменит одежду. Даже во время перерыва на кофе он будет демонстрировать определенную степень преданности работе. Однако в случае белых воротничков рабочая одежда не привязана к рабочему месту и позволяет работнику вливаться во вне рабочие соборща. Соответственно, на рабочем месте некоторая

его часть может не отдаваться работе, что, в принципе, обеспечивает его одним из оснований для самообладания и чувства собственного достоинства. Те же, кто должен носить на работе униформу и не может оставить ее в раздевалке, покинув здание, будут, вероятно, чувствовать, что на них налагается специальное ограничение, требующее полностью посвящать себя работе и не забывать о ней в любой нерабочей ситуации, в которой они оказываются. В армии это могут вполне открыто подчеркивать посредством указаний, предписывающих хранить честь мундира. Поэтому зачастую люди в униформе ощущают себя несправедливо ограниченными; они жалуются, что не могут легко вливаться в раскрепощенные сборища, и ощущают угрозу своей автономии⁸.

Разумеется, обычно индивид склонен избегать сборищ, в которых от него будет требоваться больше отдачи, чем он способен в настоящий момент предложить, т. е. в которых ему было бы слишком сложно уделять событию достаточно внимания. Например, мы читаем в книгах по этикету, что после того как в вашей семье кто-то скончался, вам не следует появляться на званых ужинах более чем на восемь персон, а также посещать фешенебельные рестораны, оперу, театры или скачки. Предполагается, что во всех этих обстановках от участников ожидается поддержание праздничной атмосферы и достаточно широкая вовлеченность в событие, а поскольку подобающе скорбящий человек не сможет настолько «преодолеть себя», ему лучше вовсе там не показываться⁹. Иногда он может даже ощущать (например, когда недавно умер кто-то из близких ему людей), что он *не должен быть* способным соответствовать определенному набору ситуационных требований, и поэтому он может считать себя обязанным

8 Как будет показано ниже, некоторые индивиды, безусловно, могут поддерживать всеобъемлющее отчуждение от общества и вступать в военизированные формирования, имеющие свою униформу, отчасти для того, чтобы всегда быть немного не к месту.

9 *Fenwick. Vogue's Book of Etiquette*. P. 154–155.

избегать некоторых сборищ, даже если на самом деле готов принять в них участие.

Теперь я хочу обсудить возможность того, что в пределах одной и той же ситуации разные классы участников могут иметь разные общие обязанности в отношении вовлеченности или могут быть обязанными демонстрировать один и тот же уровень ориентации посредством различных компонентов идиомы вовлеченности. (Как было сказано выше, бывает сложно определить, какой из этих факторов — обязанность или идиома — действует в конкретном случае.) Например, в нашем обществе в больницах общего профиля пациентам разрешается ездить в лифте в банных халатах, но секретарши в организациях не имеют права на что-либо столь же раскрепощенное. В подобных обстановках женщины-врачи могут проявлять надлежащее почтение к обстановке, не крася ногти, надевая относительно незелегантную одежду, делая относительно неформальную прическу, надевая туфли на среднем каблучке и создавая впечатление занятого человека; секретарши, которым сложнее демонстрировать почтение к обстановке посредством глубокого и серьезного управления своей главной вовлеченностью, могут проявлять его, используя относительно элегантный персональный фасад. Что-то похожее наблюдается во время социальных событий, на которых гостям может позволяться сравнительно широкий диапазон поз и нарядов, пока они воодушевлены событием; при этом гостям напоминают о важности события как такового с помощью присутствующих слуг, одежда и манеры которых суровы и холодны и которые постоянно преданы событию в целом. Аналогично, очевидец свадебной процессии может иметь право жевать жвачку, стряхивать соринки с пиджака, незаметно сморкаться или обмениваться короткими репликами с соседом, но для жениха, идущего к алтарю, такие побочные вовлеченности были бы совершенно неуместны.

Обычно мы считаем строгими события, у участников которых есть множество обременительных ситуационных обязательств, а раскрепощенными — те, которые относительно свободны от подобных ограничений. Но это верно лишь отчасти. Право одного индивида ослаблять свою ориентацию на сборище предполагает обязанность остальных присутствующих принимать это ослабление без корректирующих действий. Так, в Центральной больнице в некоторых мужских отделениях для хронических больных пациенты достигали с санитарями взаимопонимания, что спать на полу, пускать слюни, галлюцинировать и плевать в бумажные стаканчики разрешено; превалировало очень раскрепощенное, неформальное определение обстановки, составлявшее одно из немногочисленных удобств, доступных при подобном образе жизни. Но в одном из таких отделений я наблюдал, как в то время, пока один из пациентов уринировал на горячий радиатор парового отопления, чтобы не утруждать себя походом в туалет, остальные пациенты, сидящие в облаке испаряющейся мочи, очевидно полагали, что пришли к общему негласному соглашению отказаться от своего права реагировать на происходящее вокруг каким-либо иным образом, помимо слегка недовольного выражения лица или иронической улыбки. Я так же был свидетелем ситуации, когда пациенты пассивно наблюдали с расстояния в несколько футов, как молодой мужчина-психотик насилует пожилого беззащитного немого мужчину в той части комнаты отдыха, которая временно оказалась вне поля зрения санитаря. Поведение зрителей свидетельствовало о том, что, по их мнению, неодобрительные взгляды безопасны, а любое вмешательство поместит их в менее комфортабельную ситуационную социальную реальность. Как бы то ни было, судя по всему, существует четкая взаимосвязь: терпимость к интенсивным авто- и взаимным вовлеченностям функционально коррелирует с практикой и нормой игнорирования множества непосредственных стимулов. Пациенты, длительное время страдающие от психическо-

го заболевания, превосходно иллюстрируют эту функциональную взаимосвязь своей замечательно развитой способностью играть в карточные игры вдвоем и вчетвером посреди того, что представляет собой бедлам в самом прямом смысле слова. Очевидно, это говорит о том, что недоступность пациента в состоянии регресса является частью более широкой коммуникативной системы и что такая «неотвлекаемость» может быть характерна и для целого стола для игры в бридж.

События, определяемые в качестве строгих, могут, разумеется, предоставлять свои компенсации. Пример — военный плац, область пространства, в границах которой наблюдается предельная степень ситуационной ориентации. Здесь может применяться правило, запрещающее какие-либо реплики со стороны офицера в адрес подчиненного, если они не носят безличный характер и не произносятся с достаточной громкостью, чтобы быть публичными высказываниями, как в случае окрика «Ты, сзади, смирно!». В ответ на такое обращение подчиненный может быть обязан хранить молчание или, если требуется ответ, существенно ограничивать все свои реплики и, как отмечалось выше, говорить, глядя прямо перед собой, чтобы исключить себя из практически всех форм взаимной вовлеченности и гарантировать, что даже его взгляд остается ситуационным. Но даже в этом случае человек в строю может чувствовать, что его мыслям предоставлена необычайная свобода. И наоборот, раскрепощенность некоторых вечеринок с коктейлями может требовать от гостя быть постоянно начеку. Кроме того, в ситуациях, когда индивид должен демонстрировать глубокое почтение к сборищу в целом, ему могут прощать любую серьезную вовлеченность в находящихся рядом с ним индивидов. Напротив, в ситуациях, где нет преград для фиксации на другом, может разворачиваться чрезвычайно тяжелая и утомительная межличностная борьба. Безусловно, здесь мы сталкиваемся с традиционным аргументом в пользу ритуализации социальных событий, превосходную фор-

мулировку которого в изложении Элизабет Боуэн можно привести целиком:

Поведение — социальное поведение — представляет собой частью искусство, частью инстинкт. В нашей так называемой более свободной современной жизни манеры играют существенно меньшую роль, что делает воспитанность гораздо ценнее. Сегодня, когда быть учтивым не так уж жизненно необходимо, становится куда важнее быть приятным. По сути, упадок манер в большом, устоявшемся смысле слова бесконечно усложнил поведение. Непрерывное, навязчивое обращение за помощью к инстинкту (когда элемент искусства скомпрометирован) создает тревожную, неустойчивую атмосферу. Больше нельзя укрыться в регламентированном мире, тысячу и одно правило которого можно заучить и в котором можно уверенно и безопасно прокладывать свой путь. В эпоху манер мир, даже огромный мир, был кошмаром не больше, чем сегодня движение возле Гайд-Парк-Корнера, со всей его запутанностью, для рядового водителя, сдавшего экзамен. Для любого события в обществе подходило какое-то из тысячи и одного усвоенных вами правил. Вы знали, что делать, и делали это. Общество работало как часы¹⁰.

За пределами привычек, ставших инстинктами, почти ничего не стоящих, ценящихся как искусство, каждый был свободен *быть* собой, не будучи обязанным себя преподносить. В эпоху манер было гораздо больше «личностей». А так называемое свободное, или разумное, общество постоянно заставляет эксплуатировать свои способности. Здесь нечем руководствоваться. Чтобы соответствовать, даже рабски следовать тому, чего от вас ожидают, нужно все время полагаться на свой природный гений, призванный доставлять удовольствие самому себе либо предназначенный для любовных наслаждений. Многие люди после нешаблонного ужина, после *longueurs** непринужденного уик-энда, испытывают истощение, чувство исчерпанности и опустошенности. Вы можете оступиться где угодно и, оступившись, погрузиться в пучину агонии — на кону стоит слишком много. Манеры служили защитой, и они же укрепляли ее. Гораздо приятнее следовать ритуалу, нежели прыгать сквозь череду пылающих обручей¹¹.

До сих пор в настоящем исследовании предполагалось, что правила вовлеченности, руководящие поведе-

10 *Elizabeth Bowen. Collected Impressions* (London: Longmans Green, 1950). P. 67.

11 *Ibid.* P. 69.

нием в конкретной ситуации, остаются неизменными на протяжении всей ситуации и что, следовательно, можно точно оценить общую тенденцию к строгости или раскрепощенности в ситуации — по крайней мере, теоретически. Однако, как уже отмечалось, когда мы выходим за пределы социальной ситуации и рассматриваем социальное событие, частью которого она является, в правилах вовлеченности наблюдаются важные циклы изменений, в особенности, когда событие определяется формально или строго. Например, событие может демонстрировать стандартный контур вовлеченности: начинаться с периода приглушенных разговоров и топтания на месте, затем переходить к формальной официальной части и потом завершаться еще одним периодом, определяемым в качестве раскрепощенного¹². Соответственно, событие может начинаться с мультисфокусированной ситуации, переходить к официальной части, исчерпывающей ситуацию, и завершаться снова мультисфокусированной композицией. Таким образом, ситуация может быть сценой рутинного цикла изменений в допустимой строгости или раскрепощенности, вследствие чего общая картина, складывающаяся в каждый отдельный момент времени, создает обманчивое представление о целом.

Учитывая общий уровень строгости (или раскрепощенности), присущий ситуации, и предписываемые в связи с этим упорядоченные изменения, стоит отметить, что проявляющаяся в ситуации нормативная стабильность может быть вызвана присутствием блюстителей, которые неформально или формально осуществляют специфическую работу по поддержанию «порядка». К примеру, можно прочитать о *silentiarius*'е, римском рабе, работа которого заключалась в регулировании уровня шума, создаваемого остальными рабами¹³. В наши дни эту функцию

¹² Анализируемый пример взят из: *Pike. Language in Relation to a Unified Theory*. P. 33–34.

¹³ *Nicolson. Good Behaviour*. P. 64.

выполняют, помимо прочих, сопровождающие молодежь взрослые, футбольные арбитры, воспитатели детских садов, судьи, полицейские, санитары в больницах и билетеры.

Я хочу еще раз подчеркнуть, что когда мы мыслим в категориях строгости или раскрепощенности ситуационной ориентации, а также измерений и идиомы, через которые она выражается, это позволят нам немного выйти за пределы рационалистических объяснений, которые мы обычно даем нашим главным эксплицитным ситуационным правилам.

Взять, к примеру, наши запутанные установки и рационализации по поводу обнажения тела. Вместо того, чтобы рассматривать степень обнаженности или обнажаемые части, более продуктивным было бы исследовать *ориентационное* значение обнажения. Относительная оголенность в купальном костюме является частью целостного комплекса раскрепощенности, включающего способ управления своим голосом, глазами и телом, и именно этот целостный комплекс допускается и даже поощряется на пляже. (Безусловно, это не отвечает на вопрос, — хотя и немного иного рода, — почему данный комплекс должен одобряться.) Относительная оголенность в бальном платье с декольте может быть допустима по противоположной причине. Обнажение столь значительной части себя отчасти свидетельствует о твердой убежденности в том, что участники настолько строго следуют событию в целом и настолько уверены в благонадежности своего социально гомогенного круга, что способны выдержать сильное искушение неуместной взаимной вовлеченностью, не поддавшись ему. (Возможно, радикальным примером здесь служит лондонское моральное правило, позволяющее обнаженным людям появляться на сцене при условии, что они не будут шевелиться, пока поднят занавес. Вероятно, неподвижность их позы является столь весомым доказательством преданности и поглощенности событием

в целом, что им можно позволить обнажиться¹⁴.) Однако практически в любой публичной ситуации в нашем обществе женщина в одной только нижней юбке (хотя та полностью скрывает ее носительницу) будет чувствовать себя совершенно не в своей тарелке, поскольку подобный внешний вид предполагает, что ее носительница еще не облачилась в свой ситуационный наряд, каков бы он ни был, и не готова к тому, чтобы воздать должное своим ситуационным обязательствам, в чем бы они ни состояли. Обнаженность в колонии нудистов, в кабинете врача или на подиуме в художественной мастерской не выходит за рамки разумного, поскольку там она представляет собой одеяние, демонстрирующее надлежащее почтение к требованиям события. Логично предположить, что появление женщины в нижней юбке во время подобных событий было бы оплошностью, и действительно, иногда предпринимаются меры, чтобы те, кому предстоит предстать подобающе обнаженными, не появлялись сначала полуодетыми и вне роли. Эта же логика подсказывает, что модель может выступать полуодетой на показе нижнего белья, поскольку она тем самым демонстрирует надлежащую вовлеченность внутри ситуации, пусть и в особой сценической роли. Поэтому формальность модного ателье (и, следовательно, его «тон», желательность его расположения в определенном месте улицы и т. п.), может, очевидно, выражаться в той тщательности, с которой модели стараются не ходить по окончании показа по залу в продемонстрированных ими нижних юбках¹⁵.

Разумеется, дома появление в ситуационном дезабилье простительно — по крайней мере, в определенных пределах. Причина в том, что некоторые формы близких отношений могут определяться таким образом, что они будут разрешать состоящим в подобных отношениях

14 Описание этой практики приводится в: *Hortense Calisher. Bowlers and Bumbershoots at a Piccadilly Peepshow // The Reporter. 1956. October 4. P. 33–36.*

15 Идея предложена Элеонор Кэрролл*.

людям сворачивать любые события наедине друг с другом. Поэтому, когда гость нечаянно застает хозяина дома в растрепанном виде, это вызывает небольшой кризис в отношениях, объясняемый непродолжительным, но беспокоящим предположением, что очевидец находится с тем, кого он увидел, в отношениях, допускающих отказ от ситуационных условностей между ними.

Аналогичным образом можно проанализировать отношение к одежде во времена бедствий и катастроф. Когда в гостинице пожар, раздетые постояльцы воспринимаются с пониманием, но не потому, что все взоры обращены на более важные вещи, а потому, что участникам разрешено быть настолько погруженными в бедствие, что их оголенность может считаться признаком надлежащей сосредоточенности, а оголенность остальных — недостаточным стимулом, чтобы в текущих обстоятельствах провоцировать ненадлежащую взаимную вовлеченность. Когда огонь взят под контроль и бедствие миновало, когда событие, по сути, гораздо легче допускает отчуждение от него, оголенность вновь становится угрозой для ситуационной ориентации, и спасшиеся начинают стесняться малого количества одежды на себе.

Все это доказывает, что любое состояние одежды является подобающим или неподобающим лишь с точки зрения того, какие еще данные доступны о распределении вовлеченности индивида и, следовательно, его ориентации в отношении социального события и его сборищ. Поскольку одежда в значительной степени используется для выражения ориентации в ситуации, понятно, почему людей должны беспокоить такие вроде бы несущественные вопросы, связанные с «простым» этикетом. Но если главная причина важности одежды именно в этом, тогда можно ожидать и предсказывать значительные вариации в определениях допустимого наряда. Студент колледжа, входящий в аудиторию небритым и в трусах, или студентка, входящая в аудиторию в бигуди, откровенно демонстрирует недостаточную лояльность поведенческой

обстановке, но когда идет экзамен и все студенты в экзаменационном зале сосредоточены на выполнении заданий, к которым они самозабвенно готовились две предыдущие недели, это уже достаточный знак вовлеченности в обучение, и поэтому упомянутые мной неформальные аспекты внешнего вида вполне могут позволяться, поскольку они больше не символизируют отчуждение. Аналогично, когда бухгалтер или юрист, имеющий офис в центре города, появляется перед клиентами в старом свитере и без пиджака, кажется, что он не ориентируется в деловых ситуациях и в деловом мире; однако если этот же человек будет работать сверхурочно в субботу вечером, он сможет позволить себе подобные послабления, поскольку само его присутствие в офисе в нерабочие часы является достаточно красноречивым свидетельством его почтения к профессиональному миру.

Анализ вовлеченности позволяет понять не только значение обнажения и одежды, но и различные реакции на шум и источники шума. Правило, запрещающее ненадлежащий шум, иногда воспринимается как рациональная реакция на обязанность «демонстрировать уважение» к окружающим, в данном случае — к тем, кому простое физическое воздействие звука может доставить беспокойство. Но на самом деле часто терпят даже очень громкий (с чисто физической точки зрения) шум. Что действительно наносит оскорбление сборищу, так это сверхвовлеченность в какую-либо ситуативную задачу. Словом, шум становится оскорблением, только когда он свидетельствует о сверхвовлеченности, а не из-за своей «шумности». Например, в офисе крупной коммерческой компании, заполненном машинистками, любая работница, машинка которой производит немного больше шума, чем машинки остальных, может считаться ведущей себя неподобающе, но не потому, что это небольшое увеличение шума усугубляет положение дел, а потому, что оно означает чрезмерную концентрацию или чрезмерное пренебрежение звукоизоляцией. Это также позволяет понять, что когда

молодой человек попадает в психиатрическую лечебницу, потому что слишком громко проигрывал пластинки в YMCA*, причина может быть не просто в том, что его непредупредительность оскорбила официальных лиц, но, скорее, в том, что они не могли понять, в каком мире обитает этот молодой человек, если он способен заполнить его подобным количеством музыки.

Если спросить индивида, он может сказать, что ограничивает производимый им шум, потому что заботится об окружающих. Однако, демонстрируя свою предупредительность, он демонстрирует осведомленность о присутствии других людей в ситуации и тем самым, что он открыт для сборища и уважает его. Именно такой демонстрации своего преданного «присутствия» в ситуации могут хотеть окружающие от индивида, даже больше, чем предупредительности самой по себе. Поэтому понятно, что присутствующие могут терпеть высокий уровень шума от индивида, если тот заранее приносит извинение за необходимость его произвести. Это извинение показывает, что он осознаёт присутствие других в ситуации и, следовательно, само сборище, и предлагает эффективный заместитель доказательства предупредительности, которым обычно выступает бесшумность. Также понятно, что молчание человека в ситуации, участники которой обязаны деятельно включаться в решение задачи или в разговор, само может быть «шумным», крича о том, что индивид не вовлечен подобающим образом и не готов к сборищу. Такой беззвучный шум может привлекать к себе внимание точно так же, как и шум громкий.

Данный аргумент можно повторить и в отношении открытых взаимных вовлеченностей. Порождаемый ими шум, опять же, является шумным в той мере, в какой он свидетельствует о вовлеченностях, не продиктованных событием. Например, два человека в кинотеатре, тихо обсуждающие что-то, совершенно не связанное с главным развлечением вечера, могут тем самым демонстрировать взаимную вовлеченность, не продиктованную событием,

и потому вызывать большее возмущение, чем те, кто издает гораздо больше физических звуков, но при этом выражает свое одобрение или неодобрение тому, что видит на экране.

Таким образом, если оказывается, что некоторые места, например парки, регулярно становятся площадками для грабежей, выбрасывания мусора, сексуальных приставаний, попрошайничества (со стороны пьяных, бродяг и амбулаторных психотиков), следует понимать, что такой коллапс публичного порядка объясняется не только тем, что в них сравнительно легко укрыться от полиции, но и тем, что структура вовлеченности, институционализированная в поведенческих обстановках, определяемых в качестве предельно раскрепощенных, значительно снижает степень неуместности низких действий. Парк может быть местом, максимизирующим допустимость подобных действий и тем самым минимизирующим издержки, связанные с поимкой при их совершении.

Глава 14

Симптоматическое значение нарушений ситуационных приличий

В противоположность выдвигаемому некоторыми социологами предположению, нет почти никаких сомнений в том, что нарушение приличий в одной ситуации может иногда рассказать очень многое о восприятии нарушителя в других ситуациях. В любом обществе разные ситуации будут местами действия множества одинаковых нормативных допущений в отношении поведения и одинаковых ситуационных правил. Индивид, проявляющий специфическую нерадивость в одной ситуации, может затем проявлять такую же нерадивость всякий раз, показываясь на глаза другому человеку. Так, индивид со старческим слабоумием, пускающий слюну, делает свое участие во всех своих ситуациях проблематичным одинаковым образом и по одной и той же причине. Слабослышащий или слабоумный будет неспособен придерживаться тех коммуникативных условностей, которые подробно обсуждались выше: он неизбежно будет вести себя неуклюже во всех своих ситуациях¹. Таким образом, нарушение приличий в одной ситуации может свидетельствовать об общей ущербности во взаимодействии лицом к лицу. Подобное поведение не обязательно вызвано психопатологическим состоянием, однако оно, по-видимому, может быть причиной такого состояния вследствие реакции индивида на

1 Примеры последствий соответствующих коммуникативных нарушений см в.: *Frances Warfield*. Cotton in My Ears (New York: Viking, 1948); *Russell Criddle*. Love Is Not Blind (New York: Norton, 1953).

свое выпадение из коммуникации. Поэтому некоторые нарушения говорят нам о цене, которую нарушителю придется платить за свое нарушение, а также о цене, которую он может платить за свою цену.

Поскольку существуют широко релевантные нарушения, общая процедура настоящего исследования состояла в выяснении того, чем за эти нарушения расплачивается сборище, в котором они происходят, а не что они значат для нарушителя и что они говорят о нем. Однако в данном разделе мы вернемся к более традиционной теме: когда индивид намеренно или ненамеренно ведет себя так, что другие считают это нарушением ситуационных приличий, и тем самым демонстрирует, что он либо отчужден от сборища, либо чужой для него, какую еще информацию о его текущем состоянии это может сообщать другим — помимо того, что совершаемое индивидом нарушение приличий говорит другим о его вероятной судьбе?

Смысл, который оскорбленные приписывают оскорбительному действию, частично предопределяется тем, считают они это действие преднамеренным или непреднамеренным. Однако сложность и неоднозначность данной дихотомии, а также ее переменчивая, хотя и огромная важность, мешают простому обсуждению реального или приписываемого смысла ситуационных нарушений². На самом деле данная дихотомия отсылает не столько к физиологическому фактору воли или контроля, объясняемому различием между поперечнополосатой и гладкой мускулатурами или спинномозговой и автономной нервными системами, сколько к ответственности, кото-

2 Полезные замечания по данной теме можно найти в: *Гилберт Райл*. Понятия сознания / Пер. с англ. под ред. Владимира Филатова (Москва: Идея-пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000). С. 77–82 («Различие между добровольным и не добровольным»); *H. L. A. Hart*. The Ascription of Responsibility and Rights // *Anthony G. N. Flew* (ed.). *Logic and Language* (Oxford: Blackwell, 1955). P. 145–166. См. также: *Джон Остин*. Произнесение извинений // *Джон Остин*. Три способа пролить чернила / Пер. с англ. Виталия Кирющенко (Санкт-Петербург: Алетейя, 2006). С. 200–231.

рая возлагается на индивида за нежелательное действие³. Нежелательные действия сами по себе не обязательно должны быть произвольными или непроизвольными с физиологической точки зрения. Например, отсутствие на вечеринке по причине неприязни к хозяину считается преднамеренным действием, а такое же отсутствие в силу внезапной кончины родственника может считаться совершенно оправданным и простительным поводом неоявления. В первом случае можно говорить, что индивид не пришел по собственной воле, во втором — что он не пришел не по собственной воле.

С точки зрения других присутствующих по поводу любого ситуационно оскорбительного действия и любого нарушителя можно задать следующие вопросы. Есть ли у действующего способности и воспитание, чтобы понять смысл своего нарушения, и если да, понимает ли он этот смысл? Может ли он физически контролировать свое действие, и если да, будет ли он готов изменить свое поведение, если ему сообщат о смысле этого поведения и предоставят возможность изменить его? Есть ли у действующего смягчающие обстоятельства, внешние по отношению к участникам ситуации и оправдывающие совершение нарушения?

Различные комбинации этих факторов предоставляют столько конкретных возможностей, что простое наличие или отсутствие так или иначе понятой преднамеренности мало о чем говорит. Перечислим некоторые наиболее известные комбинации факторов.

Существует класс нарушений, которые иногда называют действиями из злого умысла или враждебными действиями. Они часто предполагают высокомерие, надменность и глубокую неприязнь, как в случае, когда представитель среднего класса медленно и обдуманно зевает

3 Существуют, конечно, и другие способы повседневного применения данной дихотомии. Например, при характеристике крайне желательного выполнения задания вопрос состоит в том, способен ли индивид повторить его.

в присутствии других людей. Злоумышленные оскорбительные действия производят следующее впечатление: их легко контролировать; их значение не может не осознаваться и осознается нарушителем; нарушитель не изменил бы свое поведение, даже если бы ему предоставили второй шанс, и, судя по всему, у него нет причины действовать иначе, чем он действует сейчас, чтобы сообщить что-то тем, кого он оскорбляет. На злоумышленные нарушения похожи «случайные» нарушения, обладающие теми же качествами, что и враждебные действия, за исключением того, что у нарушителя есть причины так себя вести, внешние по отношению к данному событию и его участникам. Пример — человек, неумышленно громко смеющийся над тем, что читает, но не со зла, а потому что ему искренне весело. Разумеется, чем более «легитимны» поводы нарушителя, тем больше эти случайные нарушения считаются совершенно простительными и тем меньше им приписывается преднамеренность.

Злоумышленные действия представляют собой одну из крайних форм преднамеренности. На противоположном конце, на полюсе полной непреднамеренности, находится проступок индивида, очевидно страдающего от органического поражения мозга: он не контролирует свое нарушение, иногда он не способен осознать и поэтому не осознаёт его значение, и, возможно, его поведение нельзя скорректировать. Где-то между этими крайностями находится индивид, совершающий нарушение потому, что он привык к иной идиоме и структуре вовлеченности, отличающейся от санкционированной участниками ситуации. Он контролирует свое нарушение, он был бы готов изменить свое поведение, если бы осознавал его настоящее значение, и он вполне способен осознать это значение. Есть также случай отстраненного индивида, который мог бы, если бы захотел, отстраниться от своей отстраненности и который, в этом смысле, контролирует свое действие. Он может не осознавать значения своих действий для других, поскольку оно его не интересует (хотя он, пред-

положительно, смог бы его обнаружить, если бы захотел), и в данный момент не склонен менять свое поведение.

Кроме того, есть, безусловно, индивид, который слишком занят, слишком нервозен или слишком неуклюж, чтобы вписаться, и причины его неловкости считаются другими временными, естественными и понятными. Такой индивид способен осознать и действительно может осознавать создаваемое им затруднение; он может активно желать исправить свое поведение, но не имеет возможности сделать это в настоящий момент. Примером служит прорыв естества, зовущийся «тиком»; иногда подобное неуместное поведение вызывает жалость и презрение к неспособности индивида с тиком поддерживать образ себя, создаваемый его остальными средствами самоконтроля. Аналогичный пример — индивид, в гардеробе которого есть лишь наряды, либо слишком формальные, либо слишком неформальные для события, которое он должен посетить, в силу чего он чувствует себя там не к месту. Наконец, есть индивид, который случайным и нетипичным для себя образом вторгается в ситуацию, в которую он не способен вписаться, тем самым совершая нарушение, которого он не желал и мог бы полностью избежать, если бы заранее знал, что произойдет.

Обратите внимание: во всех этих примерах очевидцы воспринимали бы нарушителя лишь как человека, отчужденного от собрания и его правил, хотя понятно, что в разных случаях основания для отчуждения различны.

Поскольку значение нарушения зависит от того, было действие преднамеренным или нет, и поскольку существует множество разных видов преднамеренности и непреднамеренности, очевидно, что нарушение *как таковое* мало что говорит о нарушителе. Все, кто демонстрируют отчуждение от собрания, могут не иметь между собой ничего общего, кроме своего отчуждения. Прояснив это, мы можем попытаться осторожно перечислить некоторые вещи, которые нарушение ситуационных приличий может рассказать нам о совершающем его человеке, помимо

того факта, что он в каком-то смысле отчужден от сборища. Это равносильно выделению типов социальных единиц, которые, помимо социальных событий, могут быть объектами отчуждения.

1. Сообщество

Очевидно, отношение индивида к сборищам и социальным событиям иногда говорит нам кое-что о его отношении к более крупным единицам социальной жизни. Так, на Шетландском острове некоторые мужчины, которые не утруждали себя регулярным бритьем, одновременно не следили за газоном перед своим домом, даже когда их участки располагались там, где посетители острова могли видеть их неухоженность. Те же самые индивиды регулярно отказывались участвовать в гуляниях местных жителей, а один из них иногда работал по воскресеньям⁴, тем самым демонстрируя гражданскую и ситуационную нечувствительность. Аналогично, в исследовании церемониальной жизни британского городского низшего класса сообщается, что члены сообщества определяли «респектабельность» через отказ занимать деньги, подавать заявления о получении пособия по безработице и входить без стука к соседям, и что такая гражданская благопристойность выражалась в соблюдении ситуационных приличий:

Одна из отличительных характеристик респектабельных людей состоит в том, что они «особенные», то есть стараются упорно придерживаться своих стандартов, невзирая на превратности судьбы и жизненные неурядицы... Когда безработица или какое-либо другое несчастье вынуждает сокращать расходы, среди респекта-

- 4 Я бы хотел еще раз подчеркнуть, что речь идет о символической значимости, и поэтому можно обнаружить случаи, когда работа в воскресенье допустима. Так, благотворительная помощь нуждающемуся соседу в сборе урожая была вполне позволительна в воскресенье, поскольку в этом контексте воскресный труд становился выражением почтения к сообществу и жестом уважения, а не отчуждения.

бельных людей это не приводит к полному отказу от стандартов, поскольку, по их словам, «важно не *сколько* у тебя денег, а как ты ими *распоряжаешься*».

Понятие «особости» распространяется прежде всего на детей и чистоту. В тяжелые времена перед войной детей могли одевать в поношенную, но, по крайней мере, как подчеркивали женщины, чистую одежду. «Все дети какую-то часть дня дурачатся, но *можно* быть особенным». В другом контексте одна информантка, комментируя скромную обстановку своего жилища, отметила, что она хотя бы попыталась «прикрыть» ее, завесив газетой камин и спрятав за занавеской проем, где когда-то была дверь в чулан. «А деревенщины, — сказала она, — и не думают ничего прикрывать. Бедный или потрепанный дом заменить нельзя, но можно придать ему опрятный вид»⁵.

Эта же связь между ситуационными и прочими отклонениями наблюдается среди психически больных «предпациентов»; индивид, днями напролет лежащий в задумчивости на диване, часто совершает и другие нарушения, например пропускает назначенные встречи или не удосуживается накачать шины своего автомобиля.

Кроме того, как говорилось выше, институциональная роль, изначально локализованная в одном месте, может требовать от исполнителя носить знаки своего членства всюду, куда он отправляется, что отделяет его от окружающей публики, хотя чаще всего — не по его вине. Т. Г. Пир приводит примеры, обсуждая статусный символизм персонального фасада:

На одной высокопоставленной конференции в Лондоне довольно широко, хотя и, по сообщениям газет, кулуарно, обсуждался весьма серьезный вопрос: должны ли священники англиканской церкви появляться на публике в мирском одеянии, не только когда они играют в теннис на траве или в какую-либо другую одобренную игру. Перед нами пример убеждения, негласно разделяемого многими и недавно высказанного на процессе над одним офицером Военно-воздушных сил Великобритании: лица, занимающие должности, должны считаться находящимися на службе всегда — роль, возлагаемая на них обществом, перевешивает все осталь-

⁵ *Maurice Broady. The Organisation of Coronation Street Parties // Sociological Review. 1956. Vol. 4. № 2. P. 227.*

ные роли. Отзвуки этого убеждения можно обнаружить в неявно принимаемом в некоторых школах, хотя и не проговариваемом вслух, предположении, что школьник, находящийся за пределами школы без школьной фуражки, затевает — или вот-вот затеет — что-то скверное. В армии «прочие ранги», не офицеры, имеют «выходную» одежду; образ прекрасной медсестры, ждущей солдата, — восхитительная викторианская и вест-эндская фантазия. «Гражданка» (гражданская одежда) некоторых «прочих рангов» армии тщательно цензурируется властями, обосновывающими это понятными рационализациями, связанными с «пижонством»⁶.

Когда индивид использует подобные отличительные знаки не в силу институционального предписания, а по собственному выбору, связь между гражданским и ситуационным отчуждением становится еще более заметной. В этом случае отличительные знаки становятся своеобразным заявлением об отстраненности от обычного течения социальной жизни и об уклонении от отношений с публикой в целом. Например, члены некоторых подрывных общественных движений, вроде первых европейских фашистов, носят придуманную ими самими униформу. Что-то похожее наблюдается иногда среди моряков, которые выражают солидарность своего жизненного опыта и свое отчуждение от сухопутного общества, помещая между собой и принимающей их культурой с ее требованиями к надлежащему внешнему виду татуировки⁷. Иногда того же эффекта добиваются студенты колледжей и битники (и их попугачики), выражающие отстраненность от трудоустроенной популяции взрослых с помощью длинной бороды⁸ или двухдневной щетины и поношенной одежды. И хотя форма одежды среди употребляющих наркотики молодых

6 Tom H. Pear. *Personality, Appearance and Speech* (London: Allen and Unwin, 1957). P. 58.

7 См.: Shirley M. Ferguson-Rayport, Richard M. Griffith, Erwin W. Straus. *The Psychiatric Significance of Tattoos* // *Psychiatric Quarterly*. 1955. Vol. 29. № 1. P. 112–131.

8 Хорошее описание отчуждения, вызываемого бородой, можно найти в: Lawrence Lipton. *The Holy Barbarians* (New York: Messner, 1959). P. 25–26.

парней-негров из пригородов может не быть коллегиальной, их облик тоже, судя по всему, связан с поддержанием выраженной дистанции⁹.

Табуированные прорывы естества, которые обычно свидетельствуют о недостаточном ситуационном присутствии, являются предпочтительной идиомой для выражения непочтительности ко многим элементам конвенционального общества, указывая на возможность произвольного использования действий, считающихся непроизвольными. Например, студенты колледжей иногда соревнуются друг с другом в мастерстве отрыжки, тем самым сообщая кое-что о своем отношении к взрослому миру. У мальчишек предподросткового возраста есть особая игра, построенная вокруг пускания газов, которая одновременно предполагает наказание нарушителя и отказ от гражданских стандартов.

2. Общественные учреждения

Нарушения ситуационных приличий могут также использоваться для выражения неприязни, которую нарушитель испытывает к тому, что имеет более четкие границы, нежели класс или сообщество, например к общественному учреждению или институту, в котором он оказывается. В этом отношении «средовый» подход к институциональной психиатрии снабдил нас множеством данных, примером чему служат следующие цитаты:

Использование нестандартной несдержанной реакции на вышеупомянутые ситуации показывает, что такая реакция представляет собой символический и двусмысленный жест со стороны пациентов, имеющих сложности с выражением себя в целом или с ясным и прямым выражением себя в частности. Они используют эту реакцию как форму коммуникации, чтобы сообщить о «неудовлетворительном» характере своего социального окружения и своего

9 См., например: *Harold Finestone. Cats, Kicks, and Color // Social Problems. 1957. Vol. 5. № 1. P. 3.*

участия в нем, а также о том, что не выполняются некоторые важные требования¹⁰.

Здесь, однако, следует отметить, что более внимательное изучение сущности и смысла действий пациентов показало, что значительная часть глубоко неупорядоченного и нарушающего порядок поведения была скорее способом участия в излишне ограничивающей и ущемляющей больничной среде, чем элементом психотического расстройства. Наиболее эмоциональные всплески оказывались временными, импульсивными реакциями страха, гнева или сверхактивности и затухали сами собой, если их не усугубляло вмешательство персонала¹¹.

В психиатрических лечебницах один из наиболее драматичных примеров отчуждения от учреждения — пациент, который, по всем видимым признакам, надлежащим образом ориентируется в ситуации, но при этом спокойно совершает одно-единственное действие, которое показывает, что он находится за пределами наличной реальности. Если неправильное использование идиомы вовлеченности представляет собой средство символизации отчуждения от ситуации, то эти отдельные несоответствия представляют собой символы символов — своеобразные жесты или декларации отчуждения. Так, в Центральной больнице я наблюдал, как в остальном вполне хорошо себя ведущий (хотя и молчаливый) молодой человек гулял по коридорам отделения с довольно осмысленным выражением лица и двумя трубками во рту; другой вел себя столь же благопристойно, при этом жуя зубную пасту; еще один ходил с мыльной пеной на выбритой голове; еще один при этом пятился с улыбкой на лице и полотенцем, плотно обмотанным вокруг головы; еще один ходил с бумажным шариком, вставленным в глаз наподобие монокля; у еще

10 *Morris S. Schwartz*. Social Interaction of a Disturbed Ward of a Hospital. PhD dissertation (Department of Sociology, University of Chicago, 1951). P. 199. См. также: *Morris S. Schwartz, Alfred H. Stanton*. A Social Psychological Study of Incontinence // *Psychiatry*. 1950. Vol. 13. № 4. P. 399–416.

11 *Milton Greenblatt, Richard H. York, Esther L. Brown*. From Custodial to Therapeutic Patient Care in Mental Hospitals (New York: Russell Sage Foundation, 1955). P. 257.

одного из кармана свисала лента длиной в фут, сплетенная из полосок газеты. Один пациент любезно соглашался взять табак для своей трубки, а затем запихивал его себе в рот, после чего изящным жестом выражал благодарность за то, что ему дали закурить; другой тихо заходил в кафетерий, мирно съедал свою еду, уходил, когда его просили, и умудрялся совершать все эти кроткие действия, балансируя булочкой на голове. Еще один пациент подходил к какому-либо сотруднику больницы так, словно хотел завести осмысленный разговор, но затем бормотал что-то с подчеркнуто английским акцентом, одновременно показывая, что у него из уха торчит окуроч. Нередко пациенты лежали на скамьях в обычных расслабленных позах, при этом отставив несколько напряженно вытянутых пальцев или руку, тем самым показывая, что на самом деле они не расслаблены. Иногда пациенты предоставляли подобные декларации с озорным выражением лица, из-за чего казалось, что они больше обычного осознают значение своих действий и предпринимают их с учетом этого значения.

Как уже было сказано, часто такое ситуационное самовредительство представляет собой один из компонентов уравнения защиты. Похоже, иногда пациенту кажется, что жизнь в отделении настолько унижительна, настолько несправедлива и настолько бесчеловечна, что единственной реакцией любого уважающего себя человека будет отношение к ней как к чему-то недостойному, нереальному и несерьезному. Это достигается (судя по всему) путем проецирования Я, которое соответствующим образом безумно и заведомо не является реальным Я действующего. Тем самым пациент демонстрирует, по крайней мере самому себе, что его истинное Я не следует оценивать исходя из текущей обстановки и что оно не поработщено и не осквернено ею. По этой же причине он предполагает, что поведение, которое привело его в больницу, в равной мере не представляет его реальное Я. Словом, в больнице пациент может вести себя подчеркнуто безумно, чтобы дать ясно понять всем порядочным людям, что он очевидно

вменяем. Это объясняет те многозначительные взгляды, которые такие пациенты порой адресуют доброжелательным посторонним, часто как бы говоря: «Нелепый и отвратительный здесь мирок, не правда ли?».

Таким образом, цель некоторых из этих причудливых действий состоит, очевидно, в демонстрации отстраненности и отгороженности от данной обстановки и тем самым отчужденности от учреждения, а средством выступают сообщения о распределении своей вовлеченности.

Можно упомянуть и еще один тип атаки на учреждение; он носит более явный характер и предполагает меньше самодеструктивности и больше желания показать кукиш. Центральная больница вновь предоставляет множество иллюстраций. Например, иногда пациент отпихивает свой стул и методично, по очереди, отправляет соплю из каждой ноздри по широкой дуге, либо плюет по аналогичной параболе, либо отбрасывает щелчком горящий бычок через половину комнаты для отдыха с выражением отвращения на лице¹². Если не по своим намерениям, то по своим результатам эти «злоумышленные» оскорбления представляют собой жесты презрения к сборищу и включающей его социальной организации.

Хотя декларации отчуждения и жесты ситуационного презрения определенно являются для индивида средством установления неодобряемой дистанции между ним и учреждением, в котором он оказался, парадоксальный факт состоит в том, что подобные действия могут быть симптомами глубокой заинтересованности в данном учреждении, поскольку благодаря этим стратегиям индивид разрешает конфликт между своим присутствием в сборище и своими причинами для демонстрации отчуждения от него. Если бы такие способы разрешения конфликта не были найдены, индивид мог бы оказаться вынужден со-

12 К данному классу следует отнести и интересную побочную вовлеченность, о которой сообщали газеты в 1958 году. Речь идет о знаменитом женихе, который во время церемонии бракосочетания держал во рту сигарету.

вершить что-то даже еще более неподобающее¹³. Иными словами, индивид предпринимает усилия, чтобы что-то сделать со своими ситуационными обязанностями, хотя он преднамеренно совершает то, что воспринимается как неправильное. Если индивид демонстрирует свое отчуждение от сборища, листая журнал или потягивая напиток, когда он должен слушать говорящих, оскорбительное действие, по крайней мере, не дает ему вообще уйти из комнаты. Следовательно, те, кто активно оспаривает приличия, предписываемые сборищем, в некотором смысле проявляют к сборищу (и, следовательно, к включающему его учреждению) большее уважение, чем те, кто вообще не обращает на него внимания. Можно добавить, что одно из недооцененных различий между теми, кто активно сопротивляется требованиям ситуаций, и теми, кто вписывается, заключается в том, что сопротивляющиеся обычно мыслят социальные сборища самостоятельной областью жизни, тогда как индивиды, действующие как все, часто придерживаются правил достаточно последовательно, чтобы не осознавать ситуационные обязательства, которым подчиняется их поведение.

Иллюстрацией еще одного основания для отчуждения от сборища служат люди, которые настолько боятся того, что с ними может случиться, и настолько беспокоятся о том, чем может обернуться ситуация, что не способны подобающим образом погрузиться в нее — не могут надлежащим образом отдаться сборищу. Именно это происходит в любом кругу людей в момент социального конфуза. Радикальные примеры уже приводились выше при обсуждении психически больных пациентов, которые не могут оставаться в рамках легитимной главной вовлеченности. Но можно привести и другие примеры такого рода. Так, пациент-параноик может настолько не

13 Поскольку похоронные и свадебные группы могут быть довольно отчужденными от обычного общества, предоставляемое им право нарушать публичный порядок может, вероятно, восприниматься как такого же рода «проработка аффекта».

доверять обстановке, что будет вести галлюцинаторную беседу шепотом и прикрывая рот ладонью, не решаясь говорить открыто даже с тем, кого здесь нет. Один из наблюдавшихся пациентов в течение последних восьми лет явно чувствовал себя спокойно, только когда сидел скорчившись в одном из дверных проемов, ведущих из спален в комнату отдыха. Во время ежедневной уборки отделения этот больной перебежал из проема в проем впереди уборщиков, будучи не в состоянии присоединиться к ситуации в комнате отдыха. Другая пациентка постоянно пыталась отстраниться от ситуации, беспокойно прикрывая нос и глаза ладонью. Эти пациенты создавали впечатление, что в комнате отдыха происходит что-то опасное, вроде эпидемии чумы или небольшой балканской войны. Хотя страхи этих пациентов выглядят нереалистичными, их реакции тем не менее говорят нам кое-что о том, что произошло бы, если бы их беспокойство было вполне обоснованным. Это, в свою очередь, сообщает нам кое-что о том типе доверительных отношений, которые должны быть у человека с присутствующими, чтобы он мог соблюдать обычные ситуационные приличия.

3. Социальные отношения

Как уже было сказано, в общественных учреждениях конкретный участник может выступать блюстителем ситуационного порядка, на которого возлагается обязанность следить за тем, чтобы все присутствующие поддерживали надлежащее распределение вовлеченности. Например, школьная учительница может интерпретировать шум и побочные сцены учеников как формы недопустимой вовлеченности, ставящие под угрозу ее власть в классе. Она может сталкиваться с необходимостью привнесения в класс при помощи линейки того вида порядка, который судья привносит в суд посредством молотка, и будет по-своему способна сдерживать непослушных индивидов, проявляющих неуважение к суду.

В подобных случаях определенные типы вовлеченности, запрещенные в учреждении, могут осуществляться и пониматься в качестве действий межличностного неповиновения. Иногда такие оскорбления являются средством испытания пределов терпения блюстителя и определения того, насколько сильно можно на него надавить; иногда, очевидно, нарушитель может поступать подобным образом, чтобы понять, будет ли блюститель справедлив к нему, что бы он ни сделал.

Использование нарушений ситуационных приличий в качестве средства воздействия на отношения с официальным лицом в ситуации — лишь одна из иллюстраций более общего факта: ситуационные условности и нарушения постоянно используются для выражения отношений с конкретными присутствующими другими¹⁴. Об этом свидетельствует существующая в нашем обществе связь между системой почтения и системой вовлеченности, между степенью необходимого межличностного уважения, с одной стороны, и степенью строгости поведения, с другой. Дóма, наедине с семьей, американец из низшего среднего класса может сидеть откинувшись в кресле, протирать очки подолом рубашки, обращаться со своими детьми так, словно их практически не существует, ковырять в носу и пускать газы (последнее, возможно, лишь в отсутствии жены). Тот же самый человек в той же самой обстановке, но в присутствии своего начальника, может быть идеальной моделью строгого и благопристойного представителя среднего класса.

Поэтому, когда индивид хочет показать свою враждебность к кому-то, перед кем он обычно вынужден вести себя строго, в качестве доступного средства он может ис-

14 Недавние работы Бёрдвистелла по «кинесике» стимулировали множество исследований, посвященных значению мелких телесных движений для отношений между присутствующими в ситуации. Большое значение имела и социометрия. Но, конечно, наиболее подробные данные предоставляют, опять же, наблюдения психотерапевтов по поводу их взаимодействий с пациентами.

пользовать крайние проявления раскрепощенности. Иллюстрацию приводит Т. Э. Лоуренс, описывающий жизнь школы британских Военно-воздушных сил:

...и в животах у нас так горячо, что не проходит и трех минут, как кто-нибудь из пятидесяти четырех человек в казарме громко пускает ветры. Это называется «воплъ дерьма из каземата» — вернейшая наша шутка, способная снять напряжение даже во время двухминутного перемирия. Сержанты и те трясутся от смеха, когда кто-нибудь даст залп, потому что газы не подвергаются наказанию, в отличие от прочих остроумных выходов¹⁵.

Были зафиксированы и другие, менее институционализированные варианты данной темы¹⁶. Следует добавить, что в отношениях, допускающих неформальную раскрепощенность, возвращение к строгим приличиям может означать установление социальной дистанции.

Подобные агрессивные приемы особенно эффективны, когда обидчик и жертва не могут покинуть сцену (по каким-либо психологическим или социальным причинам), поскольку эти приемы позволяют обидчику оставаться в одной ситуации с мишенью своего оскорбления. То, что обидчик невольно оскорбляет всех остальных участников ситуации, — цена, которую он вынужден платить за свой выбор оружия, и иногда это связано с его последующим попаданием в психиатрическую лечебницу. Соответственно, если индивид решает использовать соблюдение ситуационных приличий в качестве средства демонстрации почтения к конкретному человеку, тогда, как говорилось ранее по поводу духов, остальным присутствующим тоже должно будет позволено участвовать в этом. В любом случае, понятно, что стандартным механизмом организации вовлеченности является коммуникация по принципу «с вашего позволения», посредством которой у присутствующего индивида, которому должны оказываться зна-

15 T. E. Lawrence. *The Mint* (London: Jonathan Cape, 1955). P. 38.

16 О некоторых сообщается в короткой заметке Ш. Лоранда: *Sándor Lorand. Aggression and Flatus // International Journal of Psycho-Analysis*. 1931. Vol. 12. № 3. P. 368.

ки уважения, спрашивается и им предоставляется — или им предлагается и признается за ним — разрешение на послабления. Тем самым действующий может частично отделять структуру вовлеченности от системы почтения.

Здесь мы сталкиваемся с особым типом доминирования. Тот участник ситуации, в отношении которого следует вести себя наиболее строго (в противоположность индивидам, в отношении которых допустимо раскрепощенное поведение), стремится «управлять» сборищем, невзирая на то, сколько среди присутствующих людей, которые симметрично знакомы друг с другом и могли бы вести себя раскрепощенно, если бы его не было. Так, например, перемена, наблюдающаяся в поведении мужчин в присутствии женщин, не очень зависит от количества присутствующих женщин; часто достаточно всего одной. Аналогично, на гуляниях жителей Шетландского острова по окончании игр и вручения наград и с началом танцев все взрослые аристократы старались уйти. Они, очевидно, чувствовали, что, останься хоть один из них, его присутствие могло бы настроить все событие на слишком неспешный лад. Судя по всему, данный вид доминирования лежит в основе нашего представления о том, чего можно достичь, приставив одного взрослого к компании молодежи.

В ситуациях, в которых присутствуют только двое, ситуационные приличия обычно передают гораздо больше информации об отношениях, в особенности — посредством побочных вовлеченностей¹⁷. Например, рассказывают, что проститутки демонстрируют неуважение к своим клиентам, курая или ухаживая за ногтями во время оказания профессиональных услуг, на что, по слухам, их клиенты отвечают тем, что не снимают при этом шляпу.

О связях между нарушениями ситуационных приличий и эмоциональным отношением нарушителя к очевидцам многое поведали психиатры салливановского вероиспове-

¹⁷ См.: *Goffman. Encounters*. P. 40.

дания. Некоторые психиатры даже считали это центральной проблемой при анализе неподобающего поведения¹⁸. Очень важный пример, составляющий предмет такого рода анализа, — дезорганизация домашнего поведения, часто наблюдающаяся у индивида прямо перед тем, как его семья решает, что его необходимо отправить на лечение. Хотя трудности, с которыми он сталкивается, вполне могут быть вызваны его отношениями с супругой или родителями, основные доступные для него формы выражения (если он не собирается уходить из дома) предполагают отказ от исполнения ситуационных домашних обязанностей. У него есть возможность стать, говоря языком историй болезни, неопрятным, ленивым, нечистоплотным, погруженным в себя, невнимательным, неряшливым, грубым, неспящим или слишком сонным, не следящим за детьми и т. д. Иногда «выздоровление» некоторых из таких нарушителей после попадания в больницу объясняется, безусловно, не безопасностью и лечением, предоставляемыми данным институтом, а фактом, на который часто указывают сами психиатры: тем, что у нарушителей больше нет привычных мишеней для оскорбления.

4. Включения

Остается лишь добавить, что приличия могут нарушаться потому, что индивид отчужден, или хочет показаться отчужденным, от текущего включения. Примеры можно встретить во время групповых психотерапевтических сессий в психиатрических больницах, где пациенты, которых заставляют принимать в них участие, могут демонстративно читать журналы или раскладывать пасьянс¹⁹.

18 Пример психиатрического анализа нарушений приличий см. в: *Sandor S. Feldman*. *Mannerisms of Speech and Gestures in Everyday Life* (New York: International Universities Press, 1959). Esp. Part 2 («Gestures and Other Nonverbal Expressions»).

19 См., например: *Harry A. Wilmer*. *Social Psychiatry in Action* (Springfield: Charles C. Thomas, 1958). P. 262ff. Книга Уилмера, как и неко-

Я сказал, что нарушение ситуационных приличий может сообщать его очевидцам, обоснованно или нет, что действующий отчужден не столько от сборища, сколько от своего сообщества, либо своего учреждения, либо своих близких, либо своего разговора. Однако мы должны ясно понимать, что сколь бы далекой или крупной ни была мишень оскорбления, в данном случае идиома является, прежде всего, средством выражения отчуждения от наличного сборища или привязанности к нему. Все прочее, о чем подобным образом сообщает индивид, сколь бы важно это ни было для его действия, должно накладываться на эти исходные ситуационные смыслы. Какова бы ни была социальная единица, отношение к которой хочет выразить индивид, многие из знаков, к которым ему приходится прибегать, относятся исключительно к ситуационному языку. Склонность использовать ситуационную идиому в качестве языка отношений делает ее одновременно более важной и менее важной, чем может показаться на первый взгляд.

Теперь мы можем перейти к выводам и к причинам, по которым социолог может кусать психиатрическую руку, кормящую его данными. Хотя психиатрия успешно обращает наше внимание на нарушения ситуационных приличий, в ряде отношений она реализует и рационализирует житейский взгляд на данный аспект поведения, вместо того чтобы выводить нас за пределы подобных концепций.

В настоящее время психиатр, выполняющий огромную работу по диагностике и освидетельствованию в офисе или больнице, склонен придавать ключевое значение своей спонтанной реакции на поведение индивида, с которым он проводит диагностическое интервью, и в основном исходя из этой реакции решает, уместно или неуместно поведение обследуемого в ситуации. Если

торые другие работы по групповой психотерапии, содержит чрезвычайно полезные материалы относительно структуры и динамики включений с большим числом участников.

поведение неуместно, психиатр решает, следует его отнести к одному из несимптоматических классов нарушений ситуационных приличий²⁰ или оно говорит о психическом заболевании. В этом он, безусловно, ведет себя подобно обывателю, сколь бы экспертным ни был его анализ психодинамического значения конкретного нарушения, поскольку — при том, что любой член общества тоже проводит такие различия — нет широкого консенсуса (особенно в случае мягких нарушений) относительно того, каким образом эти различия следует применять. Словом, есть основания утверждать, что различие симптоматического и несимптоматического нарушения приличий является глубоко укоренившейся в нашем обществе мыслительной привычкой, которая заставляет нас делить любую совокупность неподобающих действий на две соответствующие части, невзирая на то, насколько полезно или даже релевантно подобное отнесение. Безусловно, склонность к дихотомизации существенно усиливают наши институциональные практики, поскольку, в конце концов, нарушающий приличия индивид должен быть либо помещен в психиатрическую лечебницу, либо не помещен в нее, и для каждого из этих решений должно быть предоставлено подходящее обоснование, так как разница в последствиях для нарушителя и его родственников огромна.

- 20 Некоторые из предлагавшихся оснований для несимптоматического нарушения приличий таковы: неловкие действия (определяемые как неуместное поведение, которого действующий мог бы избежать и избежал бы, если бы заранее знал, что ему придется поступить подобным образом); временные эмоциональные состояния, включающие усталость, нервозность, опьянение и т. п.; понятная поглощенность чем-либо, например, когда отец, ожидающий появления на свет своего ребенка, не может подобающим образом погрузиться в ситуацию; органические, не психические состояния, например, когда глухой человек не способен подобающим образом ориентироваться в ситуации, или привходящие обстоятельства, например, когда индивид не знаком с ритуальной идиомой тех, среди кого он оказался.

Как и любой человек, психиатр склонен интерпретировать некоторые формы поведения как неподобающие лишь в силу того, что он не знаком с идиомой вовлеченности и правилами вовлеченности, присущими культуре той группы, к которой принадлежит пациент. Например, психиатр мужского пола, из низшего среднего класса, средних лет, еврей и беженец может выносить подробные уверенные суждения насчет симптоматического значения аффективного тона пациентки-негритянки подросткового возраста из низшего класса — что очень любопытно, поскольку существует не так уж много ситуаций, в которых эти двое могут считать непосредственное присутствие или поведение другого чем-то естественным. Аналогично, люди, знающие психически больного пациента поверхностно и видящие его только во время мимолетных встреч, будут, скорее всего, интерпретировать определенную совокупность действий в качестве симптомов его психического заболевания, тогда как живущие с ним будут склонны не обращать внимания на эти действия и фокусировать на других²¹. Кроме того, действия, которые кажутся постороннему человеку признаками психического расстройства, скажем, то, что психически больной пациент лежит на полу или берет еду с тарелки соседа, могут становиться нормативно естественными, когда, после знакомства с поведенческой обстановкой, оказывается, что они лежат на полу, потому что скамейки слишком твердые или их не хватает на всех, а пищу можно брать с тарелок соседей с тем же успехом, что и становиться в очередь за добавкой, поскольку еда никому не принадлежит и иногда ее в избытке. Психиатры и сами говорят, что порой даже самое регрессивное и «примитивное» действие с течением времени становится «понятным», вследствие чего оно утрачивает причудливую «бессмысленность» и на-

21 Эти вопросы обсуждаются в: *Charlotte Green Schwartz. Perspectives on Deviance: Wives' Definitions of Their Husbands' Mental Illness // Psychiatry. 1957. Vol. 20. № 3. P. 275–291.*

чинает казаться трогательным проявлением человеческих качеств.

Однако можно возразить, что все эти вопросы — лишь оговорки и что в основе своей позиция обывателя и психиатра все равно верна: важным аспектом некоторых нарушений приличий является не то, что были нарушены правила, а то, что нарушитель решил или имел причину совершить столь странную вещь, как нарушить эти конкретные правила. Когда индивид в ответ на неприятное событие впадает в кататонический ступор*, это вызывает беспокойство, но, очевидно, нас (как утверждают) беспокоит и должно беспокоить, что произошло в уме нарушителя, а не что произошло со сборищем, в котором случился ступор. Можно также утверждать, что чем сильнее индивид нарушает господствующие правила, тем серьезнее повреждена его личность и тем глубже он болен, хотя это утверждение представляет собой скорее рабочее допущение административной и кабинетной психиатрии, нежели общепризнанную доктрину фрейдовской психодинамики. Хорошим примером здесь является больной хореей Гентингтона*, постепенный социальный распад которого, как принято считать, отражает постепенную необратимую утрату базовой органической способности быть человеком.

Несомненно, данная позиции во многом верна, но наравне с ней все же необходимо ввести дополнительную — или даже альтернативную — социологическую точку зрения.

Конкретное сборище, как сборище, может не иметь почти никакого значения. (Несомненно, отдельные индивиды, составляющие сборище, имеют самостоятельное человеческое значение.) Однако все вместе сборища имеют огромное значение, поскольку значительная часть нашей социальной жизни организована в форме подобного рода объединений. Интерес к следованию правилам в социальных ситуациях определяется также тем, что нарушения, даже если они кажутся безвредными, могут

восприниматься в качестве знаков того, что нарушителю нельзя доверять и что он способен злоупотреблять своим положением в ситуации, используя его для нападения, посягательства или приставания. Поэтому индивиды, практикующие идиому вовлеченности, обычно чувствуют, что их правила участия в сборищах имеют принципиальное значение для благополучия общества — что эти правила естественны, нерушимы и принципиально верны. И людям нужны средства защиты себя от сомнений, которым подвергают эти правила те, кто их нарушает. Чем сильнее нарушение, тем больше потребность в компенсирующей защите.

Один из способов корректировки ситуационных нарушений — восприятие нарушителя как противоестественного существа, не вполне человека, поскольку тогда нарушение становится отражением его личности, а не того, что он нарушил. В той мере, в какой нарушенное правило важно для организации сборищ, в той степени и в той мере будет возникать потребность считать его нарушение глубоко изобличающим ущербность индивидуальности или способа жизни нарушителя. На практике (хотя это не соответствует некоторым психологическим теориям) современная психиатрическая диагностика и лечение предлагают именно такой выход, хотя нарушитель обвиняется в психологическом расстройстве, а не в глупости или одержимости дьяволом. При этом относительно небольшое число органических случаев, которые действительно подтверждают данную точку зрения, может использоваться в качестве основания для построения не вполне осознаваемой модели²².

Похоже, психиатры почти не подозревают, что они допускают и поддерживают своего рода предустановленную гармонию, которая слишком хороша, чтобы быть истин-

22 См.: *Erving Goffman. The Medical Model and Mental Hospitalization // Erving Goffman. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates* (New York: Doubleday Anchor, 1961). Esp. p. 351–352.

ной. Ведь что может лучше подтверждать правильность нашего ощущения благополучия мира, чем научные доказательства того, что плохое поведение, которое мы не можем объяснить другими методами, вызвано просто болезнью человека, ведущего себя подобным образом, и что, естественно, чем хуже он ведет себя, тем серьезнее он болен? Поэтому, как бы психиатр ни поступал с нарушителем — а вариантов много, — его действия помогают уберечь святость социального события и чувства его участников. Это важная функция. Нам *нужно* думать, что нарушители ситуационных правил больны; разумеется, иногда можно продемонстрировать, что они действительно больны, но даже тогда возможность подобной демонстрации может не быть подлинной причиной того, почему мы так думаем.

Понимание того, что многие неорганические «функциональные» формы психических расстройств вообще не являются болезнями, а относятся к классу ситуационных нарушений, подвергающихся наказанию и нейтрализуемых путем вменения болезни, позволяет преодолеть некоторые сложности житейско-психиатрического подхода.

Одна из этих сложностей состоит в том, что манеры пациента, классифицируемого в качестве «регрессивного», неизменно создают у нас впечатление, что он сильно и необратимо отличается от обычных людей — чувство, которое, кстати, знакомо социологам по их исследованиям каст и социальных классов. Данная точка зрения связана с житейско-психиатрическим допущением, что надлежащий уровень оживленности и ситуационной ориентации является естественным человеческим состоянием и что кататоноподобная неподвижность должна вызываться чем-то особым или, по крайней мере, представлять собой что-то особое, требующее объяснения. Поэтому, когда пациент «выходит из нее», как обычно и происходит, у нас на самом деле нет никакого удовлетворительного способа интеграции нашего нынешнего его образа с прошлым образом. И мы не способны объяснить, почему некото-

рые пациенты, которые выглядят совершенно недоступными для контакта, могут внезапно подмигнуть кому-то с заговорщицким видом или выразить чувство, которое слишком осмысленно, чтобы не принимать его в расчет. Эти несоответствия можно объяснить социологически, если предположить, что пациент вообще никогда ни во что не «впадал» и что, следовательно, ему не из чего выходить. Можно сказать, что когда индивид по какой-либо из огромного множества причин освобождается от обязанности проявлять уважение к социальным сборищам, неподвижность (либо, наоборот, моторное возбуждение) становится удобным состоянием, и что в действительности объяснения требует лишь наш нормативный уровень надлежащей оживленности, даже несмотря на то, что исключения из него встречаются редко. Конечно, мы должны знать, из-за чего человек перестает подчиняться требованиям сборища, и иногда, бесспорно, такое отчуждение является симптомом глубокого расстройства личности, но наша установка в отношении ситуационных приличий, которой мы придерживаемся с религиозным рвением, делает нас плохими исследователями неподобающего поведения. Можно согласиться с житейско-психиатрическим подходом в том, что личность человека имеет органическую основу и обычно не претерпевает быстрых изменений на фундаментальном уровне, но тогда нужно найти иное объяснение внезапных изменений «состояния» пациента. И начав искать в другом месте, мы обнаруживаем, что резко и мгновенно может меняться и меняется подобающий характер его ситуационного поведения и его выбор стратегий выражения своего отношения к окружающим. Обе эти вещи могут, конечно, меняться медленно, но любой нормальный человек способен мгновенно взорвать приличия в ситуации.

Сложности, сопутствующие житейско-психиатрическому подходу, можно проиллюстрировать и еще одним способом. Как говорилось выше, представление о том, что «функциональные психические расстройства» пред-

ставляют собой случаи болезни, аналогичной, в некотором смысле, поражению центральной нервной системы, частично основывается на том, что во многих случаях чрезвычайно сложно установить по одному лишь поведению, от какого психоза страдает пациент: органического или функционального. Судя по всему, предполагается, что неправильное поведение органически больных пациентов целиком симптоматично и что если соответствующее поведение демонстрируют функционально больные люди, насчет них можно утверждать, по крайней мере, что они ведут себя симптоматично. Каким образом психогенно обусловленное заболевание может вызывать целостный шаблон поведения, аналогичный тому, что наблюдается в органических случаях, не объясняется. Но с точки зрения социологии ситуаций, безусловно, только такого удачного совпадения между органическими и функциональными поведенческими симптомами и следует ожидать. Каковы бы ни были основания — социальные или органические — девиации, в конкретной ситуации обычно применяется только один набор ситуационных правил. И именно эти правила должны нарушаться, чтобы наблюдалась бросающаяся в глаза девиация, независимо от того, называется она симптомом или нет. Взять, к примеру, распространенную в рамках культа Шанго* в Тринидаде разновидность одержимости, называемую «верé»:

Наконец, иногда встречается форма одержимости, известная как «верé». Индивиды в этом состоянии считаются «посланниками высших сил». Одержимость верé — это промежуточное состояние между полной одержимостью и нормальным поведением, при сохранении высокой степени осознания. Его отличительная особенность состоит в неповиновении церемониальным правилам с помощью таких действий, как курение, сквернословие или глумление над сакральными местами путем плеванья на *гробницы* высших сил. Поведение становится очень детским; одержимый может разговаривать с выраженной шепелявостью, мочиться или испражняться под себя и использовать непристойные слова и жесты. Зрители относятся к нему терпеливо, словно к непослушному, но любимому ребенку. Один человек в таком состоянии утверждал, что он только что прилетел из «голода Нью-Йорка» и что его

самолет стоит за воротами. Он радушно приглашал окружающих женщин осмотреть самолет изнутри вместе с ним (вызывая у всех присутствующих приступы истерического смеха)²³.

Подобное поведение можно считать формой временного психоза, но чем больше мы узнаём о квалификациях, необходимых для осуществления данного поведения, и о положении обладающих этими квалификациями людей в сообществе, тем больше мы понимаем, что должен использоваться один и тот же словарь неподобающих действий, независимо от причин и значения девиации. (Безусловно, этот урок нам преподали — если не своей практикой, то хотя бы теорией — сами фрейдистские психиатры, выдвинувшие идею, что психотический симптом может быть защитой и способен радикально меняться без изменения лежащей в его основе психопатологии, так что похожие симптомы могут демонстрироваться людьми с совершенно непохожей психопатологией.)

Парадоксально, но в этом отношении сравнительный подход сослужил нам, судя по всему, плохую службу. Посещая чужие страны, психиатры часто сталкиваются с очень необычными культурами и очень трудными для понимания языками. Но они также часто сталкиваются с тем, что поведение местных психически больных пациентов им прекрасно знакомо; оказавшись в палате с местными, такие посетители чувствуют себя как дома. Поскольку они аналогичным образом оказываются на привычной территории, когда заглядывают в зарубежную операционную или наблюдают местный случай кори, они склонны полагать, что психически больные пациенты страдают от медицинского заболевания, не зависящего от культуры. При этом, однако, не учитывается, что социальные сборища в разных культурах могут основываться на одних и тех же правилах ситуационных приличий. В той мере, в какой существует такое кросс-культурное единообразие, существуют и интернационально узнаваемые нарушения

23 *Walter Mischel, Francis Mischel. Psychological Aspects of Spirit Possession // American Anthropologist. 1958. Vol. 60. № 2. P. 252–253.*

приличий, поэтому психиатры, в сущности, чувствуют себя как дома в любой точке планеты.

Наконец, можно привести заключительный пример полезности ситуационного подхода. В психиатрических лечебницах мы обычно наблюдаем терпимость к поведению, которое во внешнем мире вызвало бы у очевидца серьезную тревогу. Фактически, в больничном сообществе пациентов часто заставляют заниматься вещами, максимально не подходящими для людей их социально-экономического статуса, даже если при этом они демонстрируют самые вопиющие формы нарушения ситуационных приличий. Подобное функционирование называется «хорошей приспособленностью к больничным условиям», и явная успешность таких пациентов обычно объясняется «защищенностью» больничной среды, что позволяет всем продолжать считать, что пациент болен. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что базовое отличие социальной жизни внутри больницы от жизни вне ее заключается в том, что ее обитатели — это люди, чья опасность для ситуационного порядка была успешно нейтрализована путем наделения их статусом госпитализированных психически больных пациентов, с сопутствующей их изоляцией и стигматизацией. Негативно санкционировать каждое нарушение не нужно, поскольку сама обстановка, в которой возникают эти нарушения, представляет собой одну постоянную негативную санкцию. За нарушение уже заплачено авансом. То, что во внешнем мире было опасно разрушительным для общества, внутри больницы оказывается неважным. Отчасти именно поэтому некоторым пациентам начинает действительно нравиться жизнь в больнице. Поскольку они признаны полностью виновными в безумии, им не нужно бояться глубокого унижения и смущения, часто сопровождающего высказывание подобного обвинения ранее ничего не подозревавшими людьми.

Таким образом, ситуационный анализ предлагает некоторые альтернативы психиатрическому подходу, при

этом указывая на социальные функции медицинской модели. Отчасти психиатрия и госпитализация психически больных могут служить способом терапевтического восстановления нашим обществом своих пошатнувшихся приличий. Но, увы, подобное лечение дается дорогой ценой, одну часть которой неизбежно платит государство, а другую — нарушитель.

Остается, как минимум, один серьезный вопрос. Утверждают, что если симптомы психического расстройства зачастую и представляют собой примеры нарушения ситуационных приличий, это не может служить причиной интереса психиатрии к подобным нарушениям, поскольку есть и другие ситуационные нарушения и ситуационные права, которые ее не интересуют. Дерзость, неуважение, безразличие, высокомерие — все эти качества выражаются посредством нарушения ситуационных приличий, но при этом любой понимает, что люди, демонстрирующие подобные качества, не обязательно сошли с ума. Аналогично, на дружеских пирушках мужчины могут совершать всевозможные проделки, но никто не станет автоматически считать их безумными. Когда-то были знаменитые аристократы-эксцентрики, которые попирали множество приличий, но несмотря на это не обвинялись в сумасшествии. Можно было бы сказать, что, «учитывая ситуацию», все эти выходки понятны и прекрасно совместимы с психическим здоровьем.

Главная проблема здесь заключается в термине «ситуация», поскольку в данном контексте он имеет специфическое значение. Во многих из этих случаев объектом оскорбления становится присутствующее в ситуации собрание, — понимаемое так, как оно понимается в данной работе, — но социальные обстоятельства обидчика таковы, что он оказывается неуязвим для наказания. Имеем ли мы дело с одним нарушителем или с их группой, совместно практикующей нарушение, не столь важно; вопрос состоит в том, позволяет ли позиция нарушителя предотвращать действия против него. Многие люди со-

вершают ситуационные нарушения. Общество оказалось бы безнадежно запутанным без подобных отклонений. Однако симптом психической болезни является ситуационным нарушением, которое не сходит нарушителю с рук; его позиция не позволяет ему ни заставить других смириться с оскорблением, ни убедить их в том, что его поступкам следует давать иное объяснение.

Ситуационные требования носят моральный характер: индивид обязан соответствовать им, от него ожидается, что он будет хотеть им соответствовать, и если он терпит неудачу, его провал получает публичную оценку. Но мы должны понимать, что в случае признания такого характера ситуационных обязательств их исследование будет вести в самых разных направлениях. Можно ожидать, что обнаружится множество разных мотивов согласия с ними, множество разных поводов для их нарушения, множество разных способов сокрытия или извинения нарушений, множество разных способов обращения с нарушителями. Также можно ожидать, что обнаружится способность индивида одним и тем же образом обращаться с правилами, которым он следует или которые нарушает, перед разными аудиториями. И, конечно, обнаружится, что правило вовлеченности, принятое в одном сообществе, не будет признаваться в другом. Таким образом, одна из тем настоящего исследования состоит в том, что моральное правило нельзя использовать в качестве средства дихотомизации мира на приверженцев и нарушителей этого правила. Чем больше сравнительной информации о моральных правилах мы собираем, тем сложнее становится выносить какие-либо суждения по поводу нарушающего их индивида. Определенно, мы не должны принимать без дополнительных доказательств обыденно-психиатрическое представление о том, что существует уникальный класс ситуационных нарушений, заставляющий исследователя переходить из социальной плоскости в особую плоскость, связанную с наиболее глубинными аспектами личности.

Если мы видим в обитателях психиатрических лечебниц индивидов, нарушающих правила вовлеченности, и если мы получаем более сложное представление об этих правилах, появляется возможность поставить под вопрос с таким трудом выстроенную концепцию, что обитатели больниц обязательно «больны». Даже социальное собрание, определяемое как раскрепощенное, все равно представляет собой маленькую тесную комнату; в ней больше дверей наружу и больше психологически нормальных причин пользоваться ими, чем хочется тем, кто всегда лоялен ситуационному обществу.

Заключение

Настоящее исследование было посвящено поведению в публичных местах, в особенности тому аспекту публичного порядка, который связан с действиями индивидов, обусловленными их присутствием среди других. Предметом рассмотрения был лишь один сегмент этого поведения. Почти не обсуждались нормы, управляющие физическим насилием, а также нормы, касающиеся просьб о значительной помощи, с которыми индивиды в некоторых обществах могут обращаться к присутствующим незнакомцам. Кроме того, я уделил внимание только некоторым «Я-кругам», которые присутствующие очерчивают вокруг себя и к которым индивид обязан проявлять различные формы уважения. Предмет рассмотрения был ограничен регулированием коммуникативных действий, как экспрессивных, так и лингвистических, в особенности — действий, значение которых выходит за пределы круга непосредственных собеседников и распространяется на ситуацию в целом. Разумеется, регулирование коммуникативного поведения — не единственный компонент публичного порядка, но оно достаточно важно, чтобы анализировать его как самостоятельное явление с помощью специально выработанных для этого понятий. Отдельная задача заключалась в демонстрации того, что симптоматология «психически больного человека» иногда может быть сильнее связана со структурой публичного порядка, чем с природой неупорядоченного сознания.

В настоящей книге обсуждались три базовые социальные единицы, каждая из которых является формой взаимодействия. Первая единица — *взаимное включение*

или встреча, представляющая собой круг, обычно разговорный, в котором единый фокус визуального и когнитивного внимания ратифицирован в качестве обоюдно обязывающего для участников. Вторая единица — *социальное событие*, представляющее собой более крупную социально-психологическую единицу, задающую систему координат, в которой происходят включения. Третья единица — единственная, рассмотренная достаточно подробно — *социальное сборище*. В начале оно определялось как вся совокупность людей, сопresentствующих в течение любого непрерывного отрезка времени, так что их присутствие создает *социальную ситуацию*, т. е. среду возможностей для мониторинга, в любом месте которой появившийся человек становится участником обосновавшегося здесь сборища. Ближе к концу исследования понятие «сборище» начало приобретать дополнительное значение. В силу своего присутствия в социальной ситуации, которая сама встроена в социальное событие, индивиды модифицируют свое поведение множеством нормативно заданных способов. Тем самым присутствующие друг перед другом люди превращаются из простого скопления в маленькое общество, маленькую группу, маленькое хранилище социальной организации. Аналогично, модификации, которые претерпевает их поведение вследствие попадания в конкретную социальную ситуацию, т. е. вследствие соблюдения ими ситуационных приличий, образуют все вместе маленькую социальную систему. Можно добавить, что когда термин «социальная ситуация» используется в повседневной жизни, он иногда обозначает не среду коммуникативных возможностей, а либо эту маленькую социальную систему, маленькую социальную реальность, поддерживаемую присутствующими, либо субъективно осмысленный обмен, который, по их мнению, происходит между ними в данный момент.

Повторю: находясь в присутствии других людей, индивид руководствуется специальным набором правил, которые в данной работе назывались ситуационными прили-

чиями. При ближайшем рассмотрении оказывается, что эти правила руководят распределением индивидуальной вовлеченности внутри ситуации, которое выражается с помощью конвенционализированной идиомы поведенческих сигналов. Это распределение предполагает надлежащее обращение с тем, что можно описать как диктуемые событием главные вовлеченности, «отрешенности», оккультные вовлеченности, автововлеченности, взаимные вовлеченности, резервы невовлеченности и т. д. Благодаря доминированию этих правил индивид обнаруживает, что некоторая часть его способности к вовлеченности зарезервирована за сборищем в целом (и за стоящим за ним социальным событием), в отличие от того, что заботит лишь часть присутствующих или отсутствующих. Такое обязательное выражение вовлеченности отражает почтительную привязанность к сборищу и принадлежность к нему. В результате индивид обнаруживает, что любое участие в социальной ситуации будет отражать одно из пониманий личной привязанности. Начав с ситуационных приличий, мы закончили проблемой привязанности.

В социологических исследованиях различных видов человеческой организации, например политических движений, профессиональных ассоциаций, локальных сообществ или семей, вопрос о надлежащей личной привязанности («каким образом индивид обязан посвящать себя организации и какие способы сохранения дистанции к ней ожидаются от него?») оказался чрезвычайно продуктивным. Этот вопрос помогает понять, что индивид известен удерживающими его социальными связями и что эти связи удерживают его внутри определенной социальной целостности, имеющей свои границы и живущей собственной жизнью. Наблюдение за поведением в социальных ситуациях показывает, что этот же ключевой вопрос позволяет свести воедино и понять множество разрозненных деталей того, что нам известно о взаимодействии. Поэтому есть основания считать социальное сборище маленьким обществом, в котором обретает плоть социаль-

ное событие, и рассматривать условности социального поведения в качестве институционализированных связей, соединяющих нас со сборищем. Есть основания перейти от интеракционной точки зрения к точке зрения, связанной с изучением базовых социальных структур. Социальное сборище может быть лишь тонкой булавкой, скрепляющей социальную организацию, но сколько бы мелкой она ни была, есть основания изучать ее социологически. Когда мы рассматриваем сборище как нечто, в чем должно воплощаться социальное событие, в рамках которого это сборище происходит, у нас появляются некоторые дополнительные основания для придания ему важности.

В таком случае, широкие концепции, применяемые социологией при изучении человеческой организации, могут использоваться и для осмысления событий, сборищ и встреч. Можно пользоваться даже специальными координатами, которые применяются в мелкомасштабном институциональном анализе, — языком ролей, позиций, статусных символов, социальных отношений, формальной и неформальной организации. Правила приличия, регулирующие поведение индивида, часто можно рассматривать в качестве правил, регулирующих поведение того, кто занимает определенную позицию в определенной организации. Из-за этого могло казаться, что для обсуждения ситуационных приличий нужно лишь дополнить традиционный список ролевых ожиданий, соотносящихся с конкретными позициями. Иногда именно так и поступали, например указывая на такие особые институционализированные обязанности, как обязанность «поддержания порядка».

Однако, чтобы тщательно анализировать обязанности, связанные с вовлеченностью, требуется более фундаментальная концептуальная перестройка. У взаимодействия лицом к лицу есть собственные единицы, которые мы называли в данной работе включениями, сборищами и социальными событиями. Общественное учреждение может рассматриваться не только как система ролей, но

и как система таких единиц. Но хотя организационная позиция индивида будет формально и неформально влиять на его обязанности по отношению к вовлеченности во взаимодействия внутри организации, между его местом за пределами взаимодействия и его местом внутри него не обязательно должно быть однозначное соответствие. На людей, почти не различающихся по своему статусу в организации, в разные моменты могут возлагаться совершенно разные интеракционные обязанности, а те, чьи статусы в организации различны, могут в какой-то момент выступать в одной и тоже интеракционной роли. Кроме того, хотя верно, что поведенческие обязанности варьируются в зависимости от роли в организации, столь же верно, что эти обязанности варьируются в зависимости от совокупности присутствующих-друг-перед-другом-в-ролях-в-данном-месте. И для некоторых из этих обязательств совокупность исполнителей-ролей-во-взаимодействии является более естественной единицей, чем индивидуальная роль. Некоторые правила поведения лучше изучать, наблюдая за поведением председателя правления, но есть и правила, которые лучше изучать, наблюдая за заседаниями правления. Изучение ситуационных обязанностей отличается от изучения обязанностей, связанных с социальными ролями.

Конечно, как уже говорилось, индивид может использовать нарушение (или соблюдение) ситуационных приличий, чтобы сообщать кое-что о своих отношениях с обществом, общественным учреждением, сетью родства, конкретным человеком и любой другой единицей социальной организации, по поводу которой он считает нужным высказаться. Каково бы ни было его намерение, присутствующие рядом обычно именно так интерпретируют его поведение. Фактически, всякий раз, когда индивид оказывается в непосредственном присутствии представителя какой-либо социальной организации или в зримом присутствии любого символа этой организации, он не может не сообщать что-то о своем отношении к ней. Однако

идиома, преимущественно доступная ему для выражения данного отношения, — это идиома, предназначенная, прежде всего, для выражения привязанности или отчуждения от социальных сборищ и стоящим за ними социальных событий, в пределах которых эти сборища возникают. Мужчина, заявляющийся на вечеринку с двухдневной щетиной, может восприниматься (и иногда действительно быть) охладевшим к своей жене, или к хозяину вечеринки, или к своему социальному кругу, или к профессии собравшихся гостей мужского пола, или к сообществу в целом. Но это добавочные значения, поскольку прежде всего совершаемое им нарушение приличий соотносится с социальным событием и с правилами, призванными регулировать поведение в социальных ситуациях в пределах события. Какова бы ни была предполагаемая мишень его оскорбительного действия — кто-то из присутствующих или, напротив, более крупное сообщество, включающее многих отсутствующих, — *непосредственными* реципиентами оскорбления являются все присутствующие, и только они. И хотя они могут быть готовы проявить симпатию и признать, что оскорбление направлено не на сборище, которое они все вместе образуют, это признание не происходит автоматически, а зависит, скорее, от конкретной информации и конкретных интерпретативных усилий.

Наконец, следует сказать, что хотя индивид способен демонстрировать привязанность к сборищу, в котором оказывается, и отчуждение от него, и хотя привязанность — совершенно стандартная социологическая тема, в случае социальных событий эта привязанность все равно имеет крайне специфическую форму. Сборища происходят в данный момент, миг за мигом, и поэтому доказательства своей привязанности должны быть непосредственными и непрерывными. К тому же эта привязанность предполагает предоставление не вещей, вроде финансовых ресурсов или обещаний трудоустройства, а скорее внимания, интереса и ориентации — словом, способности вовлекаться.

То, что система координат описания взаимодействия связана с институциональным анализом, но не тождественна ему, позволяет наметить основные линии интеракционного анализа. В действии мы ищем вовлеченность, которую оно выражает, в вовлеченности мы ищем нормы, которым она подчиняется, а эти нормы мы рассматриваем как знак того, чем мы обязаны сборищу и его социальному событию как самостоятельным реальностям.

В заключение следует отметить, что сугубо ситуативный аспект деятельности в ситуации зачастую может быть гораздо более важным и существенным, чем ситуационный аспект. Тот компонент деятельности, который тщательно регулируется обязанностями, связанными с вовлеченностью, зачастую ничтожен и едва заметен. Однако именно из этих малообещающих материалов строится не-весомая реальность социальных событий. Мы обнаруживаем, что наши крошечные ниши соединяются в плотную сеть, что отходы наших серьезных действий складываются в шаблон и что эта сеть и этот шаблон призваны выполнять важные социальные функции. Очевидно, именно это позволяет нам всецело посвящать свою жизнь обществу.

Свидетельством такого использования обществом своих членов служит то, что обычно о людях, пренебрегающих демонстрацией знаков почтения к сборищам, говорят, что у них нет «гордости» или что им не хватает «самоуважения». При этом предполагается, что способность и готовность индивида соблюдать ситуационные приличия столь важна для фундаментальной оценки этого индивида, что если он отказывается вести себя подобающим образом, следует заключить, что он восстает против того Я, которое должен считать своим истинным Я.

Таким образом, как было показано, нормы, кажущиеся индивиду простыми условностями, на самом деле являются правилами, которые руководят его привязанностью к социальным сборищам и отстраненностью от них и обеспечивают его идиомой для выражения этого отношения. Он часто следует правилам почти не задумываясь, отда-

вая, по его мнению, лишь небольшую дань обычаям. Но стоит кому-то застать его за неподобающим действием, или стоит ему самому застать кого-то за таковым, смущение может оказаться неожиданно глубоким. Он может рационализировать свою реакцию, ссылаясь на вещи, вроде возмущающей его классовой подоплеки бескультурных действий (когда, например, он злится на кого-либо за то, что тот слишком громко жует жевательную резинку или шмыгает носом). Но в основе данной рационализации лежит ощущение, что другой не отдается подобающим образом сборищу и стоящему за ним социальному событию. Лояльность индивида сборищам сильнее его лояльности семье или клубу, классу или полу, она сильнее его лояльности стране, и ему лучше старательно демонстрировать, что на его верность можно полагаться. Нарушение соответствующих правил карается очень сурово. Как мы заполняем камеры наших тюрем людьми, преступающими границы правового порядка, так мы частично заполняем свои психиатрические лечебницы людьми, ведущими себя неприемлемо; институты первого рода используются для защиты наших жизней и нашей собственности, институты второго рода — для защиты наших сборищ и событий.

Андрей Корбут

От переводчика

Эрвина Гоффмана легко читать, но сложно переводить. В социологии чаще встречается обратная ситуация, что делает задачу переводчика еще более трудной: в случае Гоффмана привычные переводческие стратегии часто не применимы. Помочь здесь не может ни русский язык, в котором, как только берешься переводить Гоффмана, сразу же обнаруживаются огромные сложности с описанием социальных взаимодействий¹, ни российская социологическая традиция, в которой не только нет систематической рефлексии по поводу творчества Гоффмана², но и взаимодействие лицом к лицу все еще очень редко

- 1 Тем не менее социологам было бы полезно периодически делать «языковые упражнения» для развития описательной силы своего языка. Как можно описывать взаимодействия лицом к лицу? Мы договариваемся *пересечься, встретиться, увидаться* или *собраться*, мы рассказываем о том, как *общались* с кем-то, мы можем *столкнуться* с кем-то, у нас бывают *свидания*, мы можем вступать в *контакт* и *коммуницировать*. Все эти повседневные способы словоупотребления могут быть как предметом анализа, так и ресурсом социологической рефлексии.
- 2 В качестве исключения можно указать на работы Виктора Вахштайна (Драматургическая теория Ирвинга Гоффмана: два прочтения // Социологическое обозрение. 2003. Том 3. № 4. С. 104–118; Памяти Ирвинга Гоффмана // Социологическое обозрение. 2007. Том 6. № 2. С. 65–78; «Неудобная классика»: творческое наследие Ирвинга Гоффмана» // Ирина Савельева, Андрей Полетаев [ред.]. Классика и классики в социальном и гуманитарном знании [Москва: Новое литературное обозрение, 2009]. С. 64–101) и на единственную русскоязычную монографию, посвященную Гоффману (Елена Кравченко. Эрвин Гоффман: социология лицедейства [Москва: МГУ, 1997]).

становится объектом изучения и описания, ни традиция переводов Гоффмана на русский, которая практически отсутствует³. Словом, Гоффман больше принадлежит к зоне отдаленного развития российской социологии. Тем не менее переводить Гоффмана можно и нужно, в том числе — для выработки русского социологического языка, позволяющего описывать феномены взаимодействия.

Как отмечает Михаил Соколов в предисловии к настоящему переводу, главная особенность социологического языка Гоффмана — постоянное обращение к ресурсам повседневного языка. Гоффман берет множество обыденных терминов, вроде «сборища», «события», «приличий», «вовлеченности», «отрешенности», «экрана», «дрейфа», «раскрепощенности», «увеливания», «сговора», «дезертирства», «рассредоточения», и использует их в социологических целях для описания и анализа социальных феноменов. Ситуацию усугубляет то, что нередко эти термины Гоффман заимствует из не самых часто используемых социологами источников: газетных колонок, пособий по этикету, художественной литературы, мемуаров. Для переводчика такой подход создает серьезные препятствия, поскольку термины обыденного языка приходится переводить как научные понятия (например, закрепляя за тем или иным словом один вариант перевода), чему обыденный язык противится. Переводчик Гоффмана на собственной шкуре чувствует, насколько тщетны попыт-

- 3 Опубликованы переводы лишь трех книг: *Ирвинг Гоффман. Представление себя другим в повседневной жизни* / Пер. с англ. Александра Ковалева (Москва: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000); *Ирвинг Гоффман. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта* / Пер. с англ. Романа Бумагина, Юлия Данилова, Александра Ковалева и Олега Оберемко под ред. Геннадия Батыгина и Ларисы Козловой (Москва: Ин-т социологии РАН, 2004); *Эрвин Гоффман. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу* / Пер. с англ. Сергея Степанова и Людмилы Трубицыной под ред. Нины Богомоловой и Дмитрия Леонтьева (Москва: Смысл, 2009), а также ряда статей. Качество этих переводов далеко не всегда удовлетворительно.

ки социологов противопоставить многозначным, исполненным противоречий, изменчивым, контекстуальным повседневным языковым практикам стройный и строгий «объективный» язык. В этом отношении переводить Гоффмана — значит непрерывно минимизировать потери. О получении прибыли лучше не думать.

Обсуждение решений, принятых при переводе «Поведения в публичных местах», следует начать с наиболее сложного (не только для перевода) понятия: «*face engagement*». Переводчик и редактор сломали две головы и множество копий, пока не остановились на варианте «взаимное включение». Рабочий вариант «пересечение» (как и другие, например «соприкосновение» и «столкновение») был отброшен, поскольку не отражает включенности в сфокусированное взаимодействие, предполагаемой данным понятием⁴. Такое решение имело свою цену: пришлось пожертвовать «лицом». Впрочем, у отказа от «лица» есть некоторые резоны: во-первых, в русском языке соответствующее прилагательное («лицевой») умест-

4 Имеющиеся варианты перевода на русский отстоят от оригинала еще дальше. Например, в книге Кравченко предлагается вариант «занятость», а в переводе «Ритуала взаимодействия» — «договоренность» (следует отметить, что в обоих случаях речь идет о переводе термина «*engagement*», а не «*face engagement*», хотя это не принципиально, поскольку для Гоффмана, судя по всему, это одно и то же). Для сравнения можно привести то, как данный термин переводится в изданиях книги на других языках. Во многих европейских языках (например, во французском; см.: *Erving Goffman. Comment se conduire dans les lieux publics: notes sur l'organisation sociale des rassemblements* / Trad. Daniel Céfaï [Paris: Économica, 2013]) с переводом не возникает проблем, поскольку есть аналогичный термин (во французском — «*engagement*»). В немецком переводе (*Erving Goffman. Interaktion im öffentlichen Raum* / Aus dem Engl. von Hanne Herkommer [Frankfurt am Main: Campus, 2009]) был выбран вариант, очень далекий от оригинала — «*Blickkontakt*», а в польском (*Erving Goffman. Zachowanie w miejscach publicznych: o społecznej organizacji zgromadzeń* / Tłum. Olga Siara, red. nauk. Grażyna Woroniecka [Warszawa: PWN, 2008]) — калька «*zaangażowanie twarzy*».

но лишь в очень узком диапазоне контекстов (в основном, применительно к неживым предметам) и, во-вторых, сам Гоффман в данной работе понятием «лицо» пользуется мало (чему есть свои интеллектуально-исторические основания, часть которых указана в предисловии). Некоторая неуклюжесть «взаимного включения» здесь даже на руку, поскольку, как признаёт сам Гоффман, в английском языке оборот «face engagement» тоже неудобен в обращении.

С термином «face engagement» прочно связан термин «encounter», который для Гоффмана является синонимичным «face engagement». В принципе, его перевод не составляет проблемы, поскольку в большинстве случаев в русскоязычной социологической литературе его переводят как «встреча», однако используется и вариант «столкновение» (и даже «общение»). Мы остановились на «встрече», чтобы перевод не тянул за собой ассоциации, связанные с физическим контактом и конфликтным взаимодействием.

Следующий по (убывающей) сложности термин — «gathering», вынесенный в подзаголовок книги. С ним было еще проще, поскольку существует два сложившихся варианта перевода: «собрание» и «сборище», каждый из которых имеет свои недостатки — «собрание» отсылает к организационному и институциональному контексту, а «сборище» имеет негативную окраску. Соответственно, при выборе варианта пришлось остановиться на том, естественную склонность к употреблению которого читателю будет легче преодолеть. «Сборище» хорошо также тем, что близко к криминальному жаргону (с его «шайками», «сходками», «шоблами»), к которому любил обращаться Гоффман. Наконец, вариант «сборище» обладает еще и тем преимуществом, что гораздо четче указывает на принципиально важное для Гоффмана обстоятельство — что организация поведения человека связана с фактом простого (или, как мы теперь понимаем, очень непростого) соприсутствия.

Еще один ключевой термин книги, «social occasion», было решено переводить как «социальное событие», несмотря на то, что в английском языке существует (и применяется Гоффманом) слово «event». Данное решение оправдано тем, что в русском языке «событие» обладает всеми теми значениями, которые в английском передаются разными терминами, хотя за такой перевод тоже пришлось заплатить свою цену: во всех немногочисленных (к счастью) случаях использования слова «event» в книге оно переводилось не как «событие», а каким-то другим образом, чтобы не путать читателя.

Некоторые решения в процессе перевода были сложны не только в силу сопротивления оригинального материала и русского языка, но и в силу уже вошедших в обиход вариантов перевода некоторых гоффмановских терминов. В первую очередь я имею в виду перевод термина «front». После выхода на русском «Представлений себя в повседневной жизни» «front» стали устойчиво переводить как «передний план»⁵. «Передний план», несомненно, — очень удобный оборот, однако он обладает тем недостатком, что предполагает некий «задний план», который присутствует одновременно с «передним», что, применительно к описанию внешнего облика человека, явно не очень точно схватывает особенности социального взаимодействия. Более редкий вариант «фронт» тоже не очень хорош, прежде всего потому, что выражение «персональный фронт» оказывается довольно неудобным. Поэтому был выбран вариант, который уже использовался ранее,

5 Здесь необходимо отметить, что у переводчика, очевидно, остались сомнения в переводе термина: предложение, в котором вводится термин «front» («It will be convenient to label as „front“ that part of the individual's performance which regularly functions in a general and fixed fashion to define the situation for those who observe the performance»), Александр Ковалев передает следующим образом: «В этой связи будет уместно назвать *передним планом* (или „представительским фронтом“) ту часть индивидуального исполнения, которая регулярно проявляется в обобщенной и устойчивой форме, определяя ситуацию для наблюдающих это исполнение».

хотя и реже, — «фасад». Одним из не очень серьезных, но достаточно привлекательных оправданий такого решения является применение в русском языке термина «наштукатуриться» в отношении организационной работы по приведению своего лица в подобающий вид с помощью соответствующих косметических средств.

Разумеется, были и термины, перевод которых не вызвал сложностей. Например, сквозные для книги понятия «involvement» и «situation» сложно перевести как-то иначе, нежели «вовлеченность» и «ситуация». Это же относится и к еще одному сквозному термину книги — «proprieties» (и «improprieties»). Данный термин переводился как «приличия» (и, соответственно, «нарушения приличий» либо, когда это было более уместно, «неподобающие действия»).

Наконец, нельзя не коснуться чрезвычайно болезненного вопроса — перевода имени и фамилии автора. Видимо, в русскоязычной литературе перепробовали уже все возможные варианты: «Ирвинг Гофман», «Эрвинг Гофман», «Эрвин Гофман», «Эрвин Гоффман», «Эрвинг Гоффман»⁶. Некоторые даже придают выбору передачи имени и фамилии Гоффмана статус принципиальной разделительной линии между разными подходами к трактовке творчества автора «Поведения в публичных местах». Судя по всему, за каждым из вариантов стоит свой список обоснований, начиная с лингвистических и заканчивая историческими, одно из которых (или комплект которых) уже вряд ли когда-либо сможет «побороть» остальные. Если ориентироваться на справочник «Иностранные имена и названия в русском тексте» Гиляревского и Старостина⁷, то, видимо, следует писать «Эрвинг Гоффман». (Чтобы при этом не возникало сложностей с произноше-

6 После издания данного перевода на четыре вышедшие на русском языке книги Гоффмана будет приходиться три способа написания его имени и фамилии.

7 Руджеро Гиляревский, Борис Старостин. Иностранные имена и названия в русском тексте (Москва: Высшая школа, 1985).

нием двух «г» — на конце имени и в начале фамилии — «Эрвинга» можно сократить до «Эрвина».) На этом прагматические соображения заканчиваются и начинаются концептуальные, в которые я не буду вдаваться, отослав за ними к научному редактору.

В заключение следует отметить, что переводчик сделал все возможное, чтобы сохранить в тексте весьма своеобразный и неочевидный юмор автора.

Примечания переводчика

- Стр. 61 Эмили Пост (Emily Post, 1872–1960) — американская писательница и колумнист, автор нескольких романов. В 1922 году опубликовала книгу «Этикет в обществе, в бизнесе, в политике и дома», которая стала бестселлером. Вела регулярную передачу на радио, посвященную правилам хорошего тона. В 1946 году основала Институт Эмили Пост, до сих пор занимающийся популяризацией норм этикета. Пост считалась в США наивысшим авторитетом в вопросах хорошего поведения и вкуса.
- Стр. 62 Уильям Ллойд Уорнер (William Lloyd Warner, 1898–1970) — американский антрополог и социолог, автор ряда исследований по социальной структуре американского общества. Автор книг «Статусная система современного сообщества» (1942), «Социальные системы американских этнических групп» (1945), «Структура американской жизни» (1952), «Живые и мертвые: исследование символической жизни американцев» (1959) и др. Был руководителем известного исследования Янки-сити. С 1935 по 1959 год преподавал в Чикагском университете. Уорнер был научным руководителем магистерской и докторской диссертаций Гоффмана в Чикагском университете и в целом оказал на него большое влияние.
- Стр. 68 Роттен-Роу — дорога в южной части лондонского Гайд-парка, использовавшаяся для верховой езды. В прошлом — королевская дорога, соединявшая Кенсингтонский и Сент-Джеймский дворцы. С XVIII века — место конных прогулок и встреч представителей высшего света. Название получила в результате искажения: аристократы называли дорогу «route de

roi» (франц. «королевская дорога»), но обычные горожане переименовали ее в «rotten row» (англ. «гнилой ряд»).

- » Quartier (франц.) — квартал. Традиционная планировка исламских городов предполагает разделение на кварталы, в которых проживают социально, этнически и культурно родственные группы. В средние века такие кварталы закрывали на замок.

Стр. 69 De trop (франц.) — не в меру, слишком.

Стр. 75 Чарльз Хортон Кули (Charles Horton Cooley, 1864–1929) — американский социолог. Автор книг «Человеческая природа и социальный порядок» (1902), «Социальная организация: исследование более объемлющего разума» (1909), «Социальный процесс» (1918) и др. С 1892 года до самой смерти преподавал в Мичиганском университете. 8-й президент Американской социологической ассоциации. Кули предложил концепцию «зеркального Я», согласно которой люди воспринимают себя в соответствии с установками других в отношении их.

- » Джордж Герберт Мид (George Herbert Mead, 1863–1931) — американский философ, психолог и социолог, основатель так называемого «символического интеракционизма» (термин введен его учеником Гербертом Блумером). Автор книг «Философия настоящего» (1932), «Разум, Я и общество» (1934), «Философия акта» (1938) (изданных посмертно его учениками). С 1894 года преподавал в Чикагском университете на факультете философии. В основе «социального бихевиоризма» (как он сам называл свой подход) Мида лежит идея, что люди взаимодействуют друг с другом, принимая роли других и обмениваясь с ними осмысленными жестами.

Стр. 88 Вероятно, Гоффман отсылает здесь к книге Грегори Бейтсона и Маргарет Мид «Балийский характер», в которой описывается распространенное в балийском обществе соответствие между направлением и высотой сидения и положением сидящего в социальной иерархии: чем выше социальный статус человека, тем выше он должен сидеть, а наиболее

почитаемым направлением является ориентация на главную гору острова — вулкан Гунунг-Агунг.

Стр. 97 Различие между «значимыми» и «незначимыми» жестами вводится Мидом в работе «Разум, Я и общество». По его словам, «когда жест обозначает стоящую за ним идею и вызывает эту же идею у другого индивида, мы имеем значимый символ» (*George Herbert Mead. Mind, Self, and Society* [Chicago: University of Chicago Press, 2015]. P. 45). Разница между двумя типами жестов также связана с их осознанностью: «Жесты могут быть либо сознательными (значимыми), либо бессознательными (незначимыми)» (*Ibid.* P. 81).

Стр. 103 Эверетт Черрингтон Хьюз (Everett Cherrington Hughes, 1897–1983) — американский социолог, наиболее известен своими работами по социологии труда и профессий и методологии социологии. 53-й президент Американской социологической ассоциации. С 1938 по 1961 год работал в Чикагском университете, где был одним из ведущих представителей Чикагской социологической школы. В Чикаго Хьюз был одним из учителей Гоффмана, с которым позже состоял в дружеской переписке. Происхождение понятия «сбрасывание роли» (*role release*) не ясно. В книге «Приюты» Гоффман в одной из сносок утверждает, что понятие было предложено Хьюзом, однако ссылку не дает. Упоминаний этого понятия в опубликованных работах Хьюза обнаружить не удалось.

Стр. 107 Фуга — в психиатрии диссоциативное расстройство, при котором больной внезапно и бесцельно уходит или убегает из дома, не осознавая, кто он и где находится. Согласно Международной классификации болезней МКБ-10, клиническая картина фуги — «диссоциативная амнезия в сочетании с внешне целенаправленными действиями, путешествиями, часто в течение нескольких дней, поведение представляется совершенно нормальным. Иногда отмечается новая идентичность личности. Период фуги амнезируется».

- Стр. 112 Бонд-стрит — торговая улица в лондонском Вест-Энде, одна из самых дорогих улиц города. В XVIII веке была популярным местом для общения представителей высшего класса, проживающих в районе Мейфэр. Славится расположенными на ней элитными модными магазинами. На улице также находятся аукционные дома «Сотбис» и «Бонэмс».
- Стр. 113 *Comme il faut* (франц.) — приличный, порядочный.
- Стр. 126 Сэм Спейд (Sam Spade) — вымышленный частный детектив, герой ряда произведений американского писателя Дэшила Хэммета (1894–1961). Впервые появляется в романе Хэммета «Мальтийский сокол» (1930).
- Стр. 131 Эдгар Генри Шейн (Edgar Henry Schein, р. 1928) — профессор Слоуновской школы менеджмента Массачусетского технологического института, специалист в области развития организаций, лидерства и организационной культуры. Автор книг «Принудительное убеждение: социально-психологический анализ „промывки мозгов“ задержанным американским гражданским лицам китайскими коммунистами» (1961), «Организационная культура и лидерство» (1985), «Руководство по выживанию в корпоративной культуре: смысл и бессмыслица культурных изменений» (1999) и др. Получив в 1952 году степень доктора социальной психологии на факультете социальных отношений Гарвардского университета, с 1952 по 1956 год проходил военную службу в звании капитана в Научно-исследовательском институте сухопутных войск им. Уолтера Рида, где в 1953–1956 годах консультантом работал Гоффман, с которым Шейн активно общался.
- Стр. 136 Груминг — «комфортное поведение млекопитающих, выражающееся в уходе за мехом и адресованное другой особи...» У птиц аналогичное поведение называется «прининг» (*Меркурий Гиляров* [ред.]. Биологический энциклопедический словарь [Москва: Советская энциклопедия, 1986]. С. 161).
- » Рэй Бёрдвистелл (Ray Birdwhistell, 1918–1994) — американский антрополог, основатель кинесики —

науки о невербальном телесном поведении. Автор книг «Введение в кинесику: система аннотации для анализа телодвижений и жестов» (1952) и «Кинесика и контекст: очерки коммуникации при помощи телодвижений» (1970). Получил докторскую степень по антропологии в 1951 году в Чикагском университете. Будучи не намного старше Гоффмана, с 1944 по 1946 год преподавал в Университете Торонто, где Гоффман был одним из его студентов. Когда в 1946 году Гоффман перебрался в Чикагский университет, где позже получил степени магистра (1949) и доктора (1953) по социологии, их общение с Бёрдвистеллом продолжилось. С 1969 по 1988 год Бёрдвистелл преподавал в Университете Пенсильвании, где тесно взаимодействовал с Гоффманом, который работал там же в те же годы (с 1969-го по 1982-й). Оба неоднократно высказывались о том, что работы другого были очень важны для каждого из них.

Стр. 149 Гарольд Гарфинкель (Harold Garfinkel, 1917–2011) — американский социолог, основатель этнометодологии — дисциплины, анализирующей методы производства повседневного порядка. Автор книг «Исследования по этнометодологии» (1967) и «Программа этнометодологии: к разработке афоризма Дюркгейма» (2002). Получил степень доктора социологии в 1952 году на факультете общественных отношений Гарвардского университета. С 1954 по 1987 год преподавал на факультете социологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Гоффман и Гарфинкель прекрасно знали друг друга. Поскольку Гарфинкель очень редко публиковался, многие его работы циркулировали среди социологов в машинописных копиях. Возможно, Гоффман ссылается здесь на известную статью Гарфинкеля «Концепция и экспериментальные исследования „доверия“ как условия стабильных согласованных действий», которая была опубликована в том же 1963 году, что и «Поведение в публичных местах». В этой статье Гарфинкель описывает ряд проведенных им экспериментов по целенаправленному разрушению

нормальности социальных ситуаций путем нарушения ожиданий их участников.

Стр. 160 Дело Уэбстер—Ингрэма — дело против афроамериканца-испольщика Мэка Ингрэма, 44 лет, которого обвиняли в том, что 4 июня 1951 года он пытался изнасиловать незамужнюю миссис Уилли Джин Бонвелл Уэбстер, 18 лет, возле городка Янсевилль в Северной Каролине. По словам Уэбстер, когда она шла вдоль табачного поля к своему отцу и братьям, работавшим там, Ингрэм, проезжавший мимо, высунулся из окна автомобиля, посмотрел на нее «заинтересованным взглядом» и остановился. Испугавшись, Уэбстер побежала по дороге через поле, а Ингрэм, согласно ее показаниям, начал ее преследовать, но так и не смог догнать. По версии Ингрэма, он приехал, чтобы одолжить трейлер у ее отца, а покинул автомобиль и пошел за девушкой потому, что это была единственная дорога через поле. Ингрэм был приговорен к двум годам заключения.

Стр. 162 Комменсализм — понятие, попавшее в социологию из биологии, где оно определяется как «сотрапезничество, форма симбиоза, при которой один из партнеров системы (комменсал) возлагает на другого (хозяина) регуляцию своих отношений с внешней средой, но не вступает с ним в тесные отношения» (Гилляров. Биологический энциклопедический словарь. С. 275). В социологии комменсализм — форма сосуществования между индивидами или группами в одной среде без конфликтов и взаимопомощи.

Стр. 163 Артур Леонард Стинчкомб (Arthur Leonard Stinchcombe, р. 1933) — американский социолог, специалист по экономической социологии, теории организаций, социологии права. Автор книг «Теоретические методы в социальной истории» (1978), «Экономическая социология» (1983), «Информация и организации» (1990), «Когда формальность работает: авторитет и абстракция в праве и организациях» (2001), «Логика социального исследования» (2005) и др. Получил степень доктора социологии в 1960 году в Калифорнийском университете в Берк-

- ли. С 1983 по 1995 год — профессор социологии Северо-западного университета. С 1967 по 1975 год преподавал в Калифорнийском университете в Беркли, где с 1957-го по 1968-й работал Гоффман.
- Стр. 170 Эвелин Хукер (Evelyn Hooker, 1907–1996) — американский психолог, исследовательница гомосексуальности. С 1939 по 1970 годы преподавала в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. В 1957 году опубликовала знаменитую статью «Адаптированность открыто гомосексуальных мужчин», в которой показала, что эксперты-психологи не могут отличить гомосексуальных мужчин от гетеросексуальных по результатам тестов. Выступала за декриминализацию гомосексуальности. В том числе благодаря ее исследованиям в 1973 году Американская психиатрическая ассоциация исключила гомосексуальность из списка психических заболеваний.
- Стр. 171 Освальд Холл (Oswald Hall, 1908–2007) — канадский социолог, специалист по социологии семейных отношений, социологии медицины и социологии труда. Автор книг «Размер и состав канадской семьи» (1937), «Неформальная организация медицинской практики в американском городе» (1944), «Парамедицинские профессии в Онтарио» (1970) и др. С 1946 по 1955 год преподавал в Университете Макгилла, а с 1957-го по 1974-й — на факультете политэкономии Университета Торонто. В 1944 году Холл получит докторскую степень в Университете Чикаго. Гоффман мог знать Холла как по Торонто, так и по Чикаго.
- Стр. 173 Солецизм — грамматически неправильный оборот речи, не искажающий смысла высказывания.
- » Sotto voce (ит.) — вполголоса, приглушенно.
- Стр. 212 Харви Сакс (Harvey Sacks, 1935–1975) — американский социолог, основатель (вместе с Эмануилом Щеглоффом и Гейл Джефферсон) конверсационного анализа — подхода, заключающегося в детальном изучении социальной организации разговорных практик. С 1959 года учился в аспирантуре Калифорнийского университета в Беркли, где в 1966-м защитил

докторскую диссертацию под руководством Гоффмана. Будучи одним из студентов Гоффмана, Сакс гораздо активнее сотрудничал с Гарфинкелем, что отразилось в том числе на его отношениях с Гоффманом: Гоффман первоначально отказался заседать в комиссии по защите его диссертации. Тем не менее ходит история, что однажды на вопрос, был ли Сакс его студентом, Гоффман ответил: «Что вы такое говорите? Это я был его студентом!».

Стр. 214 Дэвид Саднау (David Sudnow, 1940–2007) — американский социолог и музыкант, изобретатель метода обучения джазовой импровизации на пианино, который получил название «метода Саднау». Автор книг «Уход из жизни: социальная организация умирания» (1964), «Пути руки: организация импровизационного поведения» (1978), «Тело слова: размышления меж двух клавиатур» (1979) и «Пилигрим в микромире» (1983). Получил степень доктора в 1965 году в Калифорнийском университете в Беркли, однако вскоре вынужден был оставить академическую карьеру. Саднау был другом и коллегой Сакса и Щеглофа. Вместе с ними Саднау посещал лекции Гоффмана, но находился под сильным влиянием Гарфинкеля и активно участвовал в становлении этнометодологии.

Стр. 222 Эми Вандербилт (Amy Vanderbilt, 1908–1974) — американская колумнистка и писательница, автор книг по этикету. В 1952 году опубликовала книгу-бестселлер «Полное руководство по этикету от Эми Вандербилт». Вела популярную колонку «Этикет с Эми Вандербилт», распространявшуюся синдикатом «Лос-Анджелес Таймс». Гоффман цитирует выпуск этой колонки под названием «Нужно ли разговаривать с незнакомцами?», вышедший 26 сентября 1954 года.

Стр. 223 Энн Ландерс (Ann Landers) — псевдоним, придуманный в 1943 году ведущей колонки советов «Чикаго сан-Таймс» Рут Кроули (Ruth Crowley, 1904–1955), а после ее смерти использовавшийся колумнисткой Эстер Паулиной «Эппи» Ледерер (Esther Pauline

- «Errie» Lederer, 1918–2002). Колонка «Спросите Энн Ландерс» была крайне популярна.
- Стр. 229 Мана — согласно представлениям коренных жителей Меланезии и Полинезии, сверхъестественная сила, носителями которой могут быть люди, животные, вещи и духи.
- Стр. 232 Игра в дюжину (англ. the dozens) — традиционная игра афроамериканских подростков, в ходе которой соперники по очереди обмениваются «дюжинами» — тремя четверостишиями, оскорбляющими оппонента и его близких родственников.
- Стр. 252 Роберт Магнус Мартинсон (Robert Magnus Martinson, 1927–1979) — американский социолог, исследователь в области криминологии и социологии права. Занимался изучением программ реабилитации заключенных. Получил магистерскую (1953) и докторскую (1958) степени по социологии в Калифорнийском университете в Беркли, где, видимо, и познакомился с Гоффманом. Преподавал в Городском колледже Нью-Йорка. Возможно, Гоффман имеет в виду работу Мартинсона, посвященную солидарности заключенных (это было включенное наблюдение: в 1961 году Мартинсон провел месяц за решеткой за участие в акции группы борцов за права афроамериканского населения «Пассажиры свободы»): *Robert Martinson. Solidarity under Close Confinement: A Study of the Freedom Riders in Parchman Penitentiary // Psychiatry. 1967. Vol. 30. № 2. P. 132–148.* По крайней мере, в статье Мартинсон пишет, что обсуждал ее с Гоффманом и использовал его «перспективу».
- Стр. 260 Бал четырех искусств (франц. Bal des Quatres Arts) — проводимый с 1892 года ежегодный костюмированный бал, даваемый весной студентами Национальной высшей школы изящных искусств в Париже. Славится фривольной атмосферой.
- Стр. 269 Folie à deux (франц.) — «безумие вдвоем» (соответственно, à trois — втроем, à quatre — вчетвером), коллективная форма психопатического расстройства, при которой бредовые идеи и галлюцинации передаются от одного больного другому. В современных

классификациях обозначается как «индуцированное бредовое расстройство».

- Стр. 275 Уильям Перфект (William Perfect, 1734–1809) — британский врач, психиатр и поэт. В 1778 году опубликовал серию описаний психиатрических случаев, второе издание которых вышло в 1787 году под названием «Избранные случаи различных видов умопомешательства».
- Стр. 283 Достоверно установить личность Сюзан Ирвин (Susan Irwin) не удалось. Возможно, речь идет о Сюзан Грейс Ирвин (Susan Grace Irwin, 1908–1990), которая с 1932 по 1947 год преподавала искусство в Колледже Сан-Франциско, а после была инспектором по делам искусств объединенного школьного округа Сан-Франциско. Ирвин родилась и умерла в округе Санта-Круз и работала в различных образовательных учреждениях Калифорнии как раз в тот период, когда в Калифорнии жил Гоффман.
- Стр. 287 Ривайвелизм (от англ. revival — возрождение, пробуждение) — движение в протестантизме, возникшее в XVIII веке в Америке. Последователи движения делают упор на личных взаимоотношениях с Богом, часто принимающих экзальтированные формы.
- Стр. 306 Longueur (франц.) — долгота, длительность, протяженность.
- Стр. 309 Элеанор Кэрролл (Eleanor Carroll, 1912–1977) — американский социолог, исследовательница наркомании. Работала на различных административных постах в федеральных агентствах, занимающихся проблемой наркомании. В 1955–1964 годах работала в Лаборатории социально-экологических исследований Национального института психического здоровья, где в 1954–1957 годах Гоффман был приглашенным исследователем.
- Стр. 312 Young Men Christian Association (англ.) — Ассоциация молодых христиан.
- Стр. 336 Кататонический ступор — в психиатрии состояние обездвиженности, немoty и повышенного мышечного тонуса. Больной может длительное время находиться в скованной позе.

- » Хорея Гентингтона (или Хантингтона) — генетическое заболевание нервной системы, названное в честь американского врача Джорджа Гентингтона (1850–1916). Возникает чаще всего в возрасте 30–50 лет. Характеризуется сочетанием прогрессирующего хореического гиперкинеза (быстрых беспорядочных движений) и психических расстройств.

Стр. 340 Шанго — дух грома и молнии, один из ориша — эманаций бога-творца в религиозных представлениях группы африканских народов йоруба. Его культ распространен в Карибском бассейне и Латинской Америке, в частности в синкретических религиях вуду и сантерия.